

И. И. Осинский
С. В. Евдокимова

В БИТВЕ РЕШАЛАСЬ СУДЬБА ПОКОЛЕНИЙ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. И. Осинский С. В. Евдокимова

В БИТВЕ РЕШАЛАСЬ СУДЬБА ПОКОЛЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Улан-Удэ

2015

УДК 378 (571.54)
ББК 74.483 (2Рос.Бур)
О 736

Рецензенты

Е. Е. Тармаханов, доктор исторических наук, профессор
А. А. Елаев, доктор исторических наук, профессор

Текст печатается в авторской редакции

Осинский И. И., Евдокимова С. В.

О 736 **В битве решалась судьба поколений.** — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2015. — 230 с.: ил. ISBN 978-5-9793-0745-9

В книге рассматриваются проблемы жизнедеятельности коллектива Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова в годы Великой Отечественной войны, участия преподавателей и студентов в борьбе с германским фашизмом и японским милитаризмом. Повествуется о мужестве и отваге на фронтах войны и о самоотверженном труде в тылу. Раскрываются особенности учебной, воспитательной, научной работы преподавателей и студентов в военное время. Анализируются качественный состав преподавателей, изменения в контингенте студентов.

Освещаются многообразные формы помощи городу и селу подростков — будущих работников педагогического института.

Адресована всем, кто интересуется подвигом народа, его лучших представителей в годы войны.

Osinsky I. I., Evdokimova S. V.

The fate of generations was decided in the battle. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015. — 230 p: ill. ISBN 978-5-9793-0745-9

The book deals with the problems of the staff activities of the Buryat State Pedagogical Institute named after D. Bazarov during the Great Patriotic War (1941 — 1945), the participation of teachers and students in the fight against German fascism and Japanese militarism. It describes the courage and bravery at the war fronts and selfless work in the rear. The peculiarities of academic, educational, scientific works of teachers and students in the wartime are revealed. The qualitative features of the faculty, changes in the number of students are analyzed.

The multiple forms of aid to city and village are highlighted, this aid was performed by teenagers, future workers of the Pedagogical Institute.

The book is addressed to everybody who is interested in the heroic deeds of the people, its best representatives in the Great Patriotic War.

УДК 378 (571.54)
ББК 74.483 (2Рос.Бур)

ISBN 978-5-9793-0745-9

© И. И. Осинский, С. В. Евдокимова, 2015
© Бурятский госуниверситет, 2015

*Посвящается преподавателям
и студентам Бурятского пединститута,
участникам Великой Отечественной войны*

Введение

Минуло семьдесят лет с тех пор, как закончилась Вторая мировая, а для советских людей — Великая Отечественная война, самая кровопролитная в истории человечества. Народы Советского Союза, других стран одержали победу над германским фашизмом, другими реакционными силами. Люди получили долгожданный мир, возможность созидать свое будущее.

Нам война была не нужна. Советским людям нужен был мир. Но когда она началась, советский народ мужественно вступил в смертельную схватку с агрессорами. По-другому он не мог поступить, иначе ему пришлось бы стать рабом, а то и вообще лишиться своего будущего.

Ведь мир никогда ранее не был столь близок к тотальному небытию. Фашизм, особенно в самом страшном своем проявлении — гитлеризме — это самое разрушительное и безжалостное биологическое оружие, ведь идеологи «нового порядка» задумывали лишить нашу планету Земля целых народов, рас. Трудно даже себе представить, во что бы вылилось мировое уничтожение неугодных, если бы наша страна хоть немного промедлила с освободительным походом в Европу и на Дальний Восток. В самое ближайшее время, как свидетельствуют историки, реальностью могла бы стать германская атомная бомба, которую Гитлер, можно не сомневаться, тотчас бы применил против нас и союзников.

Мы являемся свидетелями того, как гитлеровцы двинули против нас чудовищную военную машину, они обрушились на Советский Союз с особенной жестокостью, которой нет ни меры, ни названия. На протяжении почти четырех лет не

умолкал грохот невиданных по своему ожесточению, сражений, в которых с обеих сторон участвовали миллионы солдат.

Многое пришлось испытать советским солдатам, офицерам и генералам на дорогах войны. Искушающие душу отступления, непрерывные бои. Дни, месяцы и годы рядом со смертью. Длительные изнурительные переходы — в зимнюю стужу и летний зной, под затяжными осенними дождями и в весеннюю распутницу.

Несмотря на огромные трудности и немалые потери, советский народ и его армия одержали великую победу над сильным, хорошо вооруженным врагом. Главный герой Великой Отечественной войны — рядовой боец, он сумел изгнать со своей земли фашистских захватчиков, помог освободиться от них народам Европы. Маршал Советского Союза А.М. Василевский в книге «Дело всей жизни» писал: «Я восхищаюсь стойкостью и мужеством советских воинов, отвагой и героизмом, проявленными ими на полях сражений, их дисциплинированностью. Умением переносить любые трудности. Их неисчерпаемой верой в победу» (с. 604).

Велика роль И.В. Сталина в годы Великой Отечественной войны, замечательных полководцев Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, Б.М. Шапошникова, И.С. Конева, Н.Ф. Ватутина, Р.Я. Малиновского и многих других, которые обладали огромным опытом, знаниями, искусством планирования и проведения крупных военных операций. Они имели твердый и решительный характер.

Мы не смогли бы победить, если бы у нас не было социалистического общественного и государственного строя, могущественные материальные и духовные силы которого позволили в короткий срок перестроить всю жизнедеятельность страны, создать условия для разгрома вооруженных сил Германии. Неоценимым фактором Победы явилась дружба и сотрудничество народов.

Как не без основания пишет маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «Враг рассчитывал на разжигание национальных междоусобиц, на развал многонационального социалистического

государства. Но он просчитался. Народы СССР героически сражались на фронтах и самоотверженно трудились во имя защиты своей социалистической Отчизны, победы над злым врагом, проявив при этом невиданную стойкость и мужество» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. — 9-е изд. — М., 1988. — Т.3. — С. 343.).

Все союзные, автономные республики, все нации, все трудовые коллективы единой семьей встали на защиту своего многонационального государства. Представители всех наций и народностей сражались на фронтах Великой Отечественной войны, оставшиеся в тылу обеспечивали развитие народного хозяйства, поставляли фронту все необходимое для победы. Небольшая по численности населения Республика Бурятия (тогда Бурят-Монгольская АССР) дала фронту 120 тысяч лучших своих представителей.

В предлагаемой книге раскрывается деятельность Бурятского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны. Многие преподаватели и студенты уже в первые дни войны добровольцами ушли на фронт, где проявили боевую доблесть и героизм. Оставшиеся в вузе продолжали самоотверженно работать и учиться.

При написании данной книги авторы использовали материалы книги И.И. Осинского «Alma Mater», посвященной истории Бурятского государственного педагогического института и университета (Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 1999. — 642 с.), а также материалы воспоминаний преподавателей пединститута, ветеранов Великой Отечественной войны: «Вспомни фронтовых друзей, ветеран...» (Улан-Удэ, 1990. Отв. редактор проф. Н.К. Елаев), «Навечно в памяти людской» (Улан-Удэ, 1995. Отв. редактор проф. Н.К. Елаев), «Они сменили штык на перо» (Улан-Удэ, 2002. Отв. редакторы профессора Н.К. Елаев, В.И. Затеев, Е.Е. Тармаханов), «О времени и о себе: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны (1941 — 1945) Бурятского государственного университета» / сост. П.С. Дырхеев, Е.А. Атутова, Е.А. Бальхаева, Л.В. Шапова. — Улан-Удэ, 2005», книгу И.И. Осинско-

го «И мы приближали победу. Бурятский пединститут в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) — Улан-Удэ, 2010».

К сожалению, авторам, не удалось с достаточной полнотой осветить ратные подвиги всех преподавателей и особенно студентов, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны. Они надеются продолжить эту работу. С каждым годом по времени мы все дальше и дальше уходим от военной поры. Выросло новое поколение людей. Для них война — это наши воспоминания о ней. Очень важно, чтобы живая память о тех годах, людях всегда была с нами.

Надо помнить, что Вторая мировая война была самой страшной из всех войн, пережитых человечеством. Она была и самой разрушительной и кровопролитной. В ней участвовало 61 государство, 110 млн. человек было призвано на военную службу. Более 55 млн., в том числе 27 млн. советских людей погибло. Самыми великими ценностями на Земле являются мир и жизнь. Будем же беречь эти ценности!

В заключение хотелось бы поблагодарить коллектив издательства Бурятского государственного университета, прежде всего директора Нину Николаевну Татарникову, главного редактора Зинаиду Заятуевну Арданову, ведущего дизайнера Болонева Игоря Александровича за помощь в издании книги. Выражаем признательность коллеге по работе старшему научному сотруднику БГУ, кандидату социологических наук Валентине Александровне Хабудаевой за участие в подготовке данной работы.

Крепкого здоровья, долгих лет жизни, счастья и благополучия Вам, дорогие ветераны!

Глава 1

НА ФРОНТЕ ИЛИ КРЕЩЕНИЕ ВОЙНОЙ

1. Начало войны. Призыв в армию

22 июня фашистская Германия, нарушив пакт о ненападении и договор, о дружбе и границе, без объявления войны начала вторжение на территорию СССР. Ее авиация произвела массированные налеты на аэродромы, узлы железных дорог, группировки советских войск, расположенные в приграничной зоне, а также на города Мурманск, Каунас, Минск, Киев, Одессу, Севастополь. Артиллерия подвергла обстрелу приграничные укрепления Красной Армии и пограничных войск.

Весть о нападении Германии на СССР, о начале войны быстро распространилась по стране. В Бурятском (тогда он назывался Бурят-Монгольским) государственном педагогическом институте шли последние государственные экзамены.

Оставалась неделя напряженной подготовки и волнений, а там — заветный диплом, радостные ожидания 1 сентября. Но эта последняя неделя учебного года стала первой неделей 203 трудных недель Великой Отечественной войны. Люди того поколения помнят раннее июньское утро, светлое и безоблачное, когда по образному выражению А. Твардовского: «Страшным голосом война по всей стране завывала». 22 июня люди слышали тревожный голос Левитана «Говорит Москва... Заявление Советского Правительства...» о вероломном нападении на СССР фашистской Германии.

Преподаватели и студенты, как и весь народ, могучим патриотическим подъемом ответили на призыв защитить независимость своей Родины от немецких поработителей. На партийно-комсомольском собрании, состоявшемся 23 июня в институте, выступавшие были переполнены возмущением и гневом, говорили о варварском акте фашистской Германии. Пре-

подаватели и студенты, рабочие и служащие единодушно заявили, что готовы в любую минуту встать в ряды Красной Армии и отдать все силы, а если потребуется и свою жизнь на защиту Отечества.

Вечером преподаватели и студенты строем направились на главную площадь республики — площадь Советов, заполненную до краев колоннами трудящихся. Но подходили все новые и новые колонны из Зауды, с мясокомбината, стеклозавода. Шестьдесят пять тысяч! — Такого количества и такого единства духа эта площадь еще не видела. Над колоннами плотница с лозунгами: «Наше дело правое!» «Враг будет разбит» «Победа будет за нами!».

На митинге один за другим поднимались ораторы: секретарь ГК ВКП(б) П.И. Татьянин, секретарь ОК и ГК ВКП(б) С.Д. Игнатъев, мастер депо железнодорожного узла Маяков, Заслуженный деятель искусств РСФСР писатель Н.Г. Балдано, участник боев с белофиннами, орденоносец М.Л. Этингов, заместитель председателя колхоза «Красный пахарь» Кабанского района, участник боев на Халхин-Голе Мертвецов, представитель Красной Армии, участник боев с белофиннами, орденоносец Морозов. Все выступавшие гневно клеймили фашизм и выражали уверенность в победе. Резолюция, принятая на митинге, призывала проявлять максимум организованности, большевистской дисциплинированности, подтянутости в работе, готовности разгромить и уничтожить вероломного врага.

Митинг, вылившийся в мощную демонстрацию патриотизма, звал каждого студента и преподавателя встать на защиту Отечества, трудиться с удвоенной энергией на своем участке работы, всеми силами помогать фронту.

Многим казалось, что война будет короткой. Люди, воспитанные на идеях непобедимости Красной Армии, считали, что одного — двух месяцев достаточно, чтобы разгромить в пух и прах фашистов. Ведь наша «армия всех сильнее». Направляясь в военкоматы, некоторые молодые люди в качестве аргументов немедленного направления их на фронт использовали

— «не то война может окончиться, а я просижу дома», не подозревая при этом, что войны может хватить на всех.

Митинг трудящихся. Улан-Удэ. 22 июня 1941 г.

А война тем временем двигалась на восток. Германия направила против СССР $\frac{3}{4}$ своей армии — 5,5 млн. солдат и офицеров, около 4300 танков, свыше 47 тыс. полевых орудий и минометов, около 5 тыс. боевых самолетов, развернула в направлениях на Ленинград, Москву и Киев три группы армий — «Север», «Центр» и «Юг». Вторжение в СССР не было просто военной операцией. Оно преследовало особые цели, определенные планом Гитлера в отношении будущего Германии: уничтожив большевизм и разрушив советское государство, завоевать на востоке жизненное пространство для немцев. Его убежденность в неполноценности славянской ра-

сы и извечном конфликте между Германией и славянским миром служила объяснением плана «Ост» — колонизации и германизации Восточной Европы. Ставилась задача не только ликвидации государства и любых форм политической организации народов СССР, но и их физического уничтожения, переселения, подрыва их «биологической силы» (История России: Новое и Новейшее время. — М., 2010. — С. 544 — 545).

Стремясь реализовать свои преступные цели, немецкое командование уже в самом начале войны, нанося массированные бомбовые удары, развернуло широкое наступление своих войск от Балтики до Карпат. Только в первый день войны Советские ВВС потеряли около 1200 самолетов преимущественно на аэродромах. Обороняя города, советские воины, гражданское население проявляли свои лучшие качества. Несмотря на сопротивление, героизм, советским войскам пришлось в первые дни войны испытать горечь тяжелых поражений, потерять огромное количество военной техники и людской силы, особенно в результате окружений.

За первые пять месяцев войны немецкие войска вторглись в пределы СССР на глубину от 850 до 1200 километров, блокировали Ленинград, находились в опасной близости к Москве, захватили большую часть Донбасса и Крыма. Занятая врагом территория превышала 1,5 миллиона квадратных километров. На ней перед войной проживало 74,5 миллиона человек.

До 1 декабря 1941 г. СССР потерял убитыми, без вести пропавшими и плененными 7 миллионов человек, около 22 тысяч танков, до 25 тысяч боевых самолетов. От довоенной армии практически ничего не осталось (Наше Отечество. 4. // Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. М., 1991. С. 402).

Причинами поражения 1941 г. являются: 1) ошибочность военной концепции Сталина, исходившей из того, что Советскому Союзу никогда не придется вести боевые действия на своей территории, а готовиться следует к наступательной войне, любая агрессия против СССР будет немедленно остановлена всеобщим восстанием пролетариата капиталистических стран; 2) нереалистическая оценка нацистской угрозы; 3)

отсутствие продуманной политики в области вооружений; 4) массовое истребление военных кадров вследствие чисток 1937 — 1938 гг. Около 40 тысяч офицеров были расстреляны или арестованы. Репрессии военных не были прекращены и в условиях начавшейся войны. В октябре 1941 г. в подвалах на Лубянке оставалось еще около 300 высших военачальников. Часть из них была расстреляна в Москве, некоторые — в Куйбышеве. Осенью 1941 г. под влиянием складывающейся на фронтах обстановки из мест заключения было, наконец, освобождено 22 тыс. военнoслужаших. (История России: Новое и Новейшее время. С. 545–546).

Начало войны, катастрофическая ситуация потребовали принятия ряда чрезвычайных мер по мобилизации ресурсов для отражения агрессии, коренной перестройки жизни страны на военный лад. В числе этих мер — создание 30 июня 1941 г. Государственного Комитета Обороны (ГКО) под председательством И.В. Сталина, сосредоточившего всю полноту власти. Перемещение промышленных предприятий на Урал, в Сибирь, Поволжье, Среднюю Азию. К концу года туда было перемещено около 1500 предприятий. Эвакуация части рабочих, инженеров, техников, других работников. Всего было перевезено в восточные районы страны около 10 млн. человек. Организация борьбы в тылу германских войск и многое другое.

В числе основных мероприятий была мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения. За первые 8 дней войны в армию было призвано 5,3 млн. человек. 2 млн. человек добровольцами ушли на фронт. Было организовано народное ополчение, насчитывавшее осенью 1941 г. около 60 дивизий.

Вместе со всей страной на войну поднялась и Бурятия. Всего за годы войны из республики было призвано в армию около 120 тысяч человек, включая тех, кто служил в армии накануне войны.

В первых рядах, уходивших на защиту СССР, были преподаватели и студенты БГПИ. Уже в первые месяцы войны половина (21 из 42) преподавателей была призвана в армию. В

их числе заместитель директора по учебной и научной работе Г.Ф. Ходаков, заместитель директора по заочному обучению А.И. Лисин, заведующие кафедрами и преподаватели М.И. Буренин, Ц.Н. Вампилов, Б.Н. Дроздов, И.А. Дуринов, С.В. Ерженин, Г.И. Максимов, И.Н. Манжеев, В.Ф. Рябов, М.П. Стрекаловский, М.М. Тетельбаум, М.Д. Турбянский, П.Ш. Хаглеев, Е.И. Халтаев, А.М. Хамгашалов, Б.Х. Хомхолов, Д.В. Ширимов, А.И. Шулик, С.И. Щербаков, С.И. Юров. Многие из них сразу же были отправлены на фронт.

Одновременно с преподавателями надели солдатские шинели лаборанты Н.Бакутин, К. Мальчиков, С.Х. Митанов, В.Б. Тармаев, Н.Б. Тармаев, И. Шаданов, Р.М. Широковский. Кроме того, ушли в армию 6 человек из административно-обслуживающего персонала.

Сменив учебники на оружие, в первые недели войны в ряды защитников Родины встали 36 студентов. Уже 4 июля 1941 г. был издан приказ по институту, который гласил: «В связи с уходом в ряды Красной Армии выдать нижеследующим студентам, окончившим пединститут, в счет подъемных и суточных по 260 рублей каждому»:

1. Гергесову А.
2. Багадаеву М.
3. Цыдендамбаеву Ц.
4. Балтахинову Е.
5. Морозову В.
6. Попову И.
7. Алексееву А.
8. Бобоеву Д.
9. Барсукову Н.

Это был первый приказ об уходе студентов в армию. За ним последовали новые. 26 июля 1941 г., приказом директора были отчислены из института в связи с призывом в РККА студенты четвертого курса: Мангадаев М. (литфак), Удаев Г. (литфак), Павлов Р. (литфак), Федоров Р. (литфак), Баторов Д. (матфак), Мельников И. (матфак), Носыров В. (матфак), Батюров И. (матфак), Ильин С. (матфак), Заяханов У. (биофак);

третьекурсники — Ильюшкин П. (матфак), Бардаханов А. (литфак); второкурсники — Цыренов Б., Гроссман Д.

Спустя два дня по этой же причине отчисляются Новисов Р. (III курс литфака), Миронов Л. (IV курс литфака), Ваганов И. (IV курс литфака), Хуторной А. (III курс биофака), Егоров И. (III курс матфака), Надмитов Ш. (III курс биофака).

В первые месяцы войны ушли в армию также студенты Багайников Ф., Булгатов Д., Колонцов Н., Петухов Г., Иванов П., Сордохонов Д. и другие.

В последующие месяцы ушли в армию студенты Будаев Ц., Боргеев Б., Степанов, Рабданов, Кузнецов, Башкуев Р., Некрасов Н. и другие. В числе призванных в РККА были и девушки. Так, в мае 1942 г. были отчислены из числа студентов в связи с призывом в армию студентки первого курса математического факультета Кондратьева Н. и Боброва В.

Встать в ряды защитников Отечества — таково было общее настроение граждан Бурятии, как и страны в целом. Вот что пишет в своих воспоминаниях секретарь Советского РК партии г. Улан-Удэ, бывший директор пединститута Т.Е. Карпова (сентябрь 1937 г. — март 1939 г.).

«В начале войны меня утвердили на пленуме обкома партии зав. сектором партийно-комсомольских кадров. Объем работы был большой, помимо подбора кадров на партийную и комсомольскую работу по республике, приходилось заниматься подбором кадров на партийную работу в военные подразделения, например: на политическую — комиссарами, комсоргами. В октябре 1941 года потребовалось направить на фронт 50 человек комиссаров и комсоров полка. В основном это были кандидатуры из РК партии и комсомола, из руководящих работников. Из 100 человек, на беседах в моем кабинете с секретарем обкома партии по кадрам, никто словом не обмолвился, что не может, однако нашелся коммунист, который проявил трусость, — это секретарь Бичурского РК партии т. Карпов. Вместо него, как по команде, поднялись два коммуниста — это зав. военным отделом горкома партии т. Этингов, побывавший на финской войне и т. Носкин — министр

местной промышленности, заявив: «Включите меня». Тов. Этингов был ранен на финской и ходил с палочкой. К сожалению, Этингов и Носкин не вернулись с фронта. Из 50 человек вернулись единицы.

Тов. Сахьянов подобрал на комсомольскую работу 50 человек (он сам был секретарем обкома комсомола), и сам пошел в группу комиссаров. Никто из комсомольцев не проявил трусости при утверждении на бюро обкома партии.

К сожалению, не знаю, кто из них вернулся, а надо бы знать, это моя вина. Также подбирали группу девушек-буряток по подготовке на курсы для работы на Востоке в бытовых организациях (в столовых, парикмахерских, в торговле). Курсы были при Институте восточных языков в г. Ленинграде. Вскоре началась блокада и о судьбе этих девушек не знаю. Только от одной Гармаевой получила записку, что они тушили пожары на крышах в городе. Подобные группы посылались на восстановительные работы, все они утверждались на бюро обкома партии. При беседах люди понимали, для чего их посылают. Настроение среди трудящихся было исключительно патриотическое (О времени и о себе... — С. 42)».

Мобилизация людей в армию проводилась одновременно с перестройкой народного хозяйства республики на военный лад. Переводились промышленные предприятия на выпуск военной продукции с одновременным сокращением выпуска гражданской продукции; вводились в действие эвакуированные предприятия, осуществлялось ускоренное строительство новых производственных мощностей; мобилизовались материальные и трудовые ресурсы в сельском хозяйстве для обеспечения потребностей армии и городов, расширялись посевы зерна, картофеля и овощей, технических культур и многое другое.

Перестраивалась идеологическая работа в условиях борьбы с германскими агрессорами.

Осуществление перечисленных и многих других мероприятий требовало наличия определенных возможностей, кадров, опыта, знаний.

В силу сравнительно слабого развития промышленности и транспорта, недостатка трудовых ресурсов, большой удаленности от театра военных действий Бурятия испытывала большие трудности в реализации намеченных мероприятий.

Тем не менее, в республике шла напряженная работа по перестройке народного хозяйства. Все было подчинено требованиям военного времени. Кроме того, как уже отмечалось, многие сыны Бурятии встали в ряды защитников Отечества.

2. В сражениях под Москвой, Ленинградом...

Воины из Бурятии, в том числе призванные из пединститута, влились в воинские части, сражавшиеся на различных фронтах Великой Отечественной войны. В конце 1941 г. в Улан-Удэ было сформировано воинское соединение, получившее название 97-й стрелковой дивизии. Оно было направлено в район Москвы и участвовало в боях за столицу. Позже его боевой путь пролегал через Курскую дугу, Белоруссию, Прибалтику, Восточную Пруссию. В апреле 1943 г. оно было преобразовано в 83-ю гвардейскую дивизию. В марте 1942 г. в Забайкалье из молодежи комсомольского возраста Бурятии и Читинской области была сформирована 321-я стрелковая дивизия. В ней служило около 4 тыс. бойцов только бурятской национальности. Дивизия прошла боевой путь от Сталинграда до Берлина (История Бурятии: В 3 т. Т. 3 — XX — XXI вв. — Улан-Удэ. 2001. — С. 185). Несмотря на поступающие свежие пополнения, воюющая армия испытывала острую потребность в военной силе и вооружении.

Как уже отмечалось, в 1941 г. для советского государства сложилась неблагоприятная военная обстановка. Враг угрожал Ленинграду, перерезал сухопутные коммуникации, связывающие его со страной. Под Киевом крупная группировка советских войск попала в окружение. Оставшиеся части вынуждены были отступить, были оставлены западные районы Донбасса и Крым.

В конце сентября — начале октября 1941 г. немцы возобновили наступление на Москву. Окружив части Красной Армии в районе Вязьмы, они прорвались к столице. 15 октября ГКО принял решение об эвакуации, в соответствии с которым из Москвы в другие города отправлялись правительственные учреждения, дипломатический корпус, оборонные предприятия, многие научные организации, часть населения. Ситуация стала критической, о чем свидетельствует один из пунктов решения: «Сегодня же эвакуировать правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке)». 19 октября город был объявлен на осадном положении (История России: Новое и Новейшее время. С. 549).

*Москвички на строительстве оборонительных рубежей.
Октябрь 1941 г.*

Врагу оказывали упорное сопротивление советские воины, которые проявляли не только беспримерное мужество, но и все растущее мастерство.

Бессмертный подвиг совершили 28 бойцов 316-й дивизии (позднее 8-й гвардейской) генерала И.В. Панфилова. Обороняя рубеж у разъезда Дубосеково (в районе Волокаламска), эта группа под командованием политрука В.Г. Клочкова 16 ноября вступила в единоборство с 50 немецкими танками, сопровождаемыми большим отрядом вражеских автоматчиков. Воины сражались с беспримерным мужеством и стойкостью.

«Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва», — с таким призывом обратился к воинам В.Г. Клочков. И бойцы стояли насмерть. 24 из них, в том числе В.Г. Клочков, пали смертью храбрых. Но враг здесь не прошел.

Наряду с воинскими частями на защиту родного города встали сами москвичи. Формировались дивизии народного ополчения, создавались коммунистические и рабочие батальоны, строились укрепления, бомбоубежища. Москва была опоясана противотанковыми рвами, проволочными заграждениями, надолбами, дотами, дзотами и т.д.

Вот что пишет в своих воспоминаниях студентка выпускница МОПИ О.А. Нечаева (в будущем известный профессор, многие годы работавшая в Бурятском пединституте (университете): «Уже в июле (1941 г.) по ночам бомбили Москву. Я со своими подругами пряталась в это время в бомбоубежище в подвале. Михаил Петрович (муж Ольги Александровны, тоже будущий известный профессор) с другими ребятами дежурил на крыше: сбрасывали неразорвавшиеся бомбы или осколки с крыши общежития. Он также выполнял комсомольские поручения: несколько раз сопровождал партии машин до линии фронта. От мобилизации Михаил Петрович был освобожден по состоянию здоровья.

Днем мы работали на срочном строительстве бомбоубежища, а также помогали перевозить библиотеку института за город, куда был переведен МОПИ в связи с тем, что здание института занималось под госпиталь. Были случаи, когда элек-

трички останавливались, все по тревоге быстро выбегали из вагонов и бросались на землю по обочинам, потому что над головами грозно, жутко гудели немецкие самолеты». (Нечаева О.А. Мы заканчивали Московский институт — началась война // О времени и о себе... — С. 68).

Враг тем временем организовывал все новые и новые атаки. 15–16 ноября он предпринял второе «генеральное» наступление на Москву. В своих «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жуков пишет: «Бои, проходившие 16–18 ноября, для нас были очень тяжелыми. Враг, не считаясь с потерями, лез напролом, стремясь любой ценой прорваться к Москве своими танковыми клиньями» (Т.2. С. 214). Фашисты приблизились к городу на 25–30 км. Над Москвой нависла смертельная угроза. Отстоят ли советские войска Москву? Этот вопрос возник и у Сталина. В упомянутой книге Г.К. Жуков вспоминает: «Не помню точно какого числа — это было вскоре после тактического прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта — мне позвонил И.В. Сталин и спросил:

– Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю у вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

– Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

– это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября. Танков пока не сможем (Там же. С. 215)».

После ожесточенных оборонительных боев 6 декабря 1941 г. Красная Армия начала контрнаступление, перешедшее в наступление по всему фронту, которое продолжалось до апреля 1942 г. Немецкие войска были отброшены от Москвы на Запад на 150 — 300 километров. План захвата Москвы и Ленинграда был сорван.

В битве под Москвой гитлеровцы потеряли в общей сложности более полумиллиона человек, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч машин и много другой техники (Там же. С. 245).

Немецкий генерал Вестфаль, описывая операцию «Тайфун» вынужден был признать, что «немецкая армия, ранее считавшаяся непобедимой, оказалась на грани уничтожения».

А ведь совсем недавно Гитлер, готовясь к захвату Москвы, дал своим войскам директиву.

«Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произвести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были затоплены.

Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа».

Не лучшую участь готовили гитлеровцы Ленинграду.

«Для других городов, — говорил Гитлер, — должно действовать правило: перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами» (Приводится по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 339).

Разгром немцев под Москвой явился решающим событием первого года Великой Отечественной войны. Замыслы «молниеносной войны» против СССР потерпели полный провал.

Победа под Москвой явилась первой, за которой последовали победа под Сталинградом, Курском, на Кавказе, в Крыму, под Ленинградом, в Украине, Белоруссии, в других местах СССР и за его пределами.

Эти победы были невероятно трудными. После битвы под Москвой гитлеровская Германия все еще была сильна. Летом 1942г., сосредоточив на Восточном фронте около 240 дивизий, немецко-фашистская армия перешла в новое крупное наступление. Потребовались новые огромные усилия советского народа, его воинов, для отражения, а в последующем и уничтожения фашистских войск и войск ее сателлитов. Советские воины мужественно сражались против вражеских полчищ. В составе воинских частей, подразделений различных

фронтов участвовали сыны Бурятии. Они внесли свою достойную лепту в общее дело борьбы за независимость своей Родины.

Николай Дансаранович Сордохонов

Николай Дансаранович встал в ряды защитников Отечества тогда, когда враг подходил к Сухиничам, что на пути от Смоленска до Москвы. В 1940 г. его, пропагандиста Тункинского райкома комсомола, призывают в армию. Оттуда он направляется в Сретенское военное училище, после окончания которого назначается командиром взвода противовоздушной обороны 116 Забайкальской дивизии.

Забайкальская стрелковая дивизия была сформирована в Читинской области и направлена на фронт в район крупного железнодорожного узла Сухиничей. По прибытии в район Сухиничей дивизия сразу с эшелона вступила в бой.

Враг рвался к Москве. Забайкальцам пришлось оборонять Погорелое, Кирсаново-Пятницу, Мосальск, что в Смоленской области. Н.Д. Сордохонов со своим взводом в составе стрелкового полка мужественно сражался с наступающими войсками противника.

В своих воспоминаниях он пишет: «Бои были жестокими. Мы, упорно обороняясь, наносили врагу чувствительные удары. Помню упорный бой под Погорелым. Враг наступал с трех сторон. Нашему стрелковому полку было приказано оборонять Погорелое и не оставлять этот важный рубеж. Мне, командиру взвода ПВО, пришлось своих солдат влить в пехотные подразделения и вместе с ними оборонять населенный пункт.

Я не знаю, сколько солдат с немецкой стороны было направлено для взятия села Погорелое, но их численное преимущество было огромным. Только на участке нашего стрелкового батальона наступало примерно две тысячи фашистов при поддержке 5 танков и при поддержке артиллерийского и минометного огня.

М. Н. Мангадаев

Ю. В. Абросимов

У-Ж. Ш. Дондуков

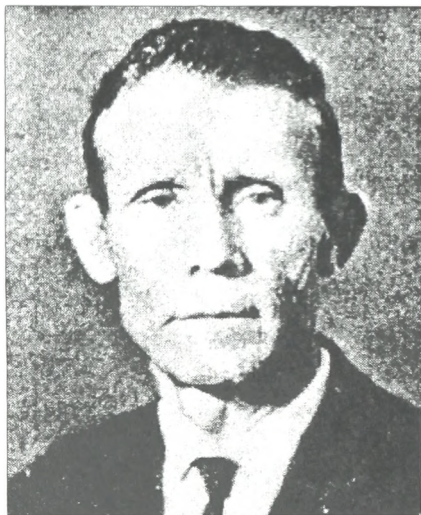
Н. Д. Сордохонов

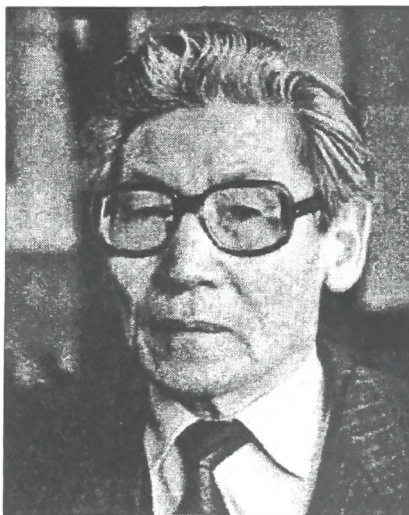
Ц. Б. Будаев

Г. Л. Санжиев

С. А. Теплов

Е. Е. Тармаханов

Б. Д. Санданов

Н. П. Егунов

И. В. Баранников

А. А. Белоусов

С. И. Щербаков

Б. Б. Ламажапов

Совет ветеранов

Наш полк выдержал этот первый удар, только правый фланг был оттеснен к Погорелому. Свыше трое суток враг не мог прорвать нашу оборону. В этом и в других боях бойцы моего взвода сражались упорно. Ими был подбит один танк и уничтожено несколько десятков солдат и офицеров противника. Стойко сражались мои земляки: сержант Сверен Хамаганов, красноармейцы Иван Бухольцев, Владимир Бондарев и другие. Врач Евгения Семеновна Константинова из Улан-Удэ работала в медсанбате 116 дивизии.

Позже нашу дивизию перебросили на Сталинградский фронт.

Михаил Николаевич Мангадаев

В июле 1941 г. студент четвертокурсник Мангадаев во главе большой группы добровольцев отбывает на фронт. В начале 1942 г. под его командованием саперный взвод вступил в тяжелые бои на подступах к Москве. Во главе со своим командиром взвод в сильные морозы, затем в весеннюю распутицу, выдерживая непрерывные атаки фашистов, стоял на защите столицы. Он принимал активное участие в контрнаступлении под Москвой, в освобождении Калинина, Харькова. Нужно было наводить переправы, находить и обезвреживать мины противника, ставить свои и т.д. В одном из боев он был тяжело ранен, контужен и, будучи без сознания, попал в плен, где пришлось пережить нелегкие испытания в фашистских концлагерях. Там же, возглавив комсомольско-молодежную группу, М.Н. Мангадаев вместе с другими военнопленными издает нелегальный рукописный журнал «Будь готов к грядущей схватке». После третьего, удачного, побега солдат Мангадаев снова в строю — он участвовал в наступлении на Берлин. В последующие годы М.Н. Мангадаев с отличием окончил институт, защитил кандидатскую диссертацию, продолжительное время трудился проректором по учебной работе института, директором филиала НИИ национальных школ РСФСР, возглавлял Педагогическое общество республики.

Профессор М.Н. Мангадаев — автор многих школьных учебников и учебных пособий для учителей по русскому языку.

Юрий Владимирович Абросимов

Ю.В. Абросимов призван в армию, будучи студентом исторического факультета Московского госуниверситета им. М. В. Ломоносова. После непродолжительной службы на Дальнем Востоке он в июле 1941 года — воздушный стрелок авиации дальнего действия. С этого момента он участвует в боевых вылетах, достигавших Берлина, других немецких городов, по военным объектам которых наносились бомбовые удары. Немало было вылетов для бомбардировок врага на захваченной им нашей территории. При этом бомбардировщики часто подвергались сильному зенитному обстрелу, нападению вражеских самолетов. Участвуя в сложных операциях, ему пришлось приземляться и на горящем самолете и на парашюте. Во время одной из операций после выполнения задания по бомбардировке Будапешта самолет был сбит над территорией Венгрии. Получил тяжелые ожоги лица и рук, тяжелое повреждение позвоночника, он приземлился с парашютом и в бессознательном состоянии был захвачен в плен венгерскими военнослужащими. Пролежал три месяца в венгерском военнопленном госпитале и два месяца пробыл в венгерском лагере русских военнопленных, находившимся в деревне Вескино. В конце марта 1945 г. в момент вывода из лагеря для отправки в Германию с группой других Ю. В. Абросимов бежал и через сутки соединился с наступающими советскими воинскими частями 3-го Украинского фронта. После тщательной проверки органами СМЕРШ был направлен в свою воинскую часть, которая находилась в Польше. Прибыв туда во второй половине апреля 1945 г., он снова в авиации дальнего действия.

В военные годы, как позже вспоминал Ю.В. Абросимов, он участвовал в общей сложности в 233 боевых вылетах. Это примерно 1500 часов, проведенных в воздухе в боевой обстановке, около 600 тыс. километров пути, около 400 тонн бом-

бового груза, сброшенного экипажами, в составе которых он летал. За успешные ратные дела воин награжден тремя боевыми орденами (Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды) и многими медалями, в том числе «За отвагу», «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и др.

В послевоенные годы, окончив Бурятский пединститут, затем став кандидатом исторических наук, доцентом, Ю.В. Абросимов более 35 лет читал будущим учителям лекции по проблемам политэкономии, научного коммунизма, политологии. С виду несколько сдержанный и даже суровый, он обладал редким обаянием, глубокой внутренней порядочностью, скромностью.

Улзы-Жаргал Шойбонович Дондуков

Семнадцатилетним юношей сразу же после окончания 10 классов убыл на фронт У-Ж.Ш. Дондуков. И прошел с боями от подмосковных снежных полей морозного декабря 1941 года до Берлина и Эльбы. Командир противотанковых орудий, в конце войны — комсорг полка, красногвардеец Дондуков воевал в составе Второго гвардейского кавалерийского корпуса, участвовал во многих кровопролитных сражениях. Не раз У-Ж.Ш. Дондукову со своими боевыми товарищами приходилось тащить на себе орудие, прикрывать огнем путь атакующему эскадрону, сдерживать натиск вражеских танков. При этом командир проявил завидное мужество и отвагу. Вот что он пишет в своих воспоминаниях.

«В конце августа 1943 года второй гвардейский кавалерийский корпус получил приказ совершить конный рейд по тылам врага и выйти на реку Десна, форсировав этот водный рубеж, оседлав железную дорогу Рославль — Брянск на протяжении нескольких десятков километров и удержать ее до подхода линии Брянского фронта.

Со второго по третье сентября 1943 года наша 20-я горнокавалерийская дивизия, в состав которой входил 22 кавале-

рийский полк, в коротком, быстротечном бою, прорвав линию фронта, в составе 2 гв. кавалерийского корпуса просочилась в тыл противника. Наша 45 м/м противотанковая батарея под командованием старшего лейтенанта Лозовского в прорыве шла за первым эскадроном 22 кавалерийского полка. Благополучно проскочив опасный участок прорыва линии фронта, наш 22 кавалерийский полк шел через Брянские леса и болота. Почти двое суток находились мы в тылу врага. Объезжали населенные пункты, больше двух суток мы были на сухом пайке. На третьи сутки, глубокой ночью, мы подъехали к реке Десне. Разведчики как-будто нашли пологий брод через реку Десну. Боя не было. Переправлялись на тот берег сами бродом, а орудия перетащили на самодельных деревянных платформах. Вражеский берег Десны показался чуть обрывистым, но голым, без леса, ив и тальника, которыми был богат наш берег, откуда мы пошли в наступление, которое не встретило никакого сопротивления со стороны противника. С километра 2 от реки Десна стояла какая то деревня (кажется, деревню называли Девочкина), только подошли к этой деревне, проснулся немецкий гарнизон, который после некоторого сопротивления сбежал восвояси. Немецкий гарнизон не ожидал, конечно, что в глубине чуть ли не 100 км. от линии фронта будут на них наступать регулярные части Красной Армии. Немцы оказали нам серьезное сопротивление, когда мы захватили железнодорожную станцию и железнодорожную магистраль Рославль — Брянск. Оседлав железную дорогу, на протяжении около 90 км., второй кавалерийский корпус с целью укрепления своих боевых позиций стал сразу же окапываться, сооружать доты, дзоты, траншеи. Время, на сооружение которых было дано, слишком мизерным. Мое орудие было установлено прямой наводкой на стыке первого и четвертого эскадронов на левом фланге боевой позиции полка. Мы с расчетом только-только успели окопаться, выбрать удобную огневую позицию с широкой панорамой обзора, замаскировать ее, установить расстояние ориентиров. Успели подготовить запасную позицию для орудий. Только не успели мы как следу-

ет пообедать, на далеком горизонте замелькали фигуры фрицев, загудели моторы немецких танков. Появилась в небе «Рама» — немецкий корректировщик. Немцы издалека и совершенно открыто пошли на нас, впереди них шли танки. На мою сторону шли три немецких танка. В это время неожиданно на нас налетели немецкие юнкерсы. Они кружатся над подразделениями полка, как коршуны над добычей. Пикируют один за другим. После пикировки каждый из них становится в хвост другому и так, по очереди, пикируют на нас. Стреляют и бросают бомбы. Мы от них почти беззащитны, стреляем по ним из пулеметов и винтовок, но безуспешно. Отбомбившись, юнкерсы улетели. Полк, видимо, понес серьезные потери. Пока шла бомбежка, немцы значительно приблизились к нашим боевым позициям. Их уже отчетливо было видно. Какой-то командир взвода из эскадрона Назарова мне приказывает: «Пушкарь! Шранпелью по атакующей вражеской пехоте!» не помню его фамилию. Я не выполняю его приказ, он приходит в ярость и в неистовство, размахивает руками, бегаёт с поднятым вверх наганом. Видимо, он был первый раз в бою, поэтому нервы и выдержка его подвели.

За тремя танками появились другие танки, но они шли по направлению в центр. Те три танка, которые шли на меня, не доходя до меня каких-то четыреста метров, почему-то повернулись в направлении центральной позиции полка. Вокруг все горело и было много дыма от только что произведенной бомбежки. Мне как раз, на мое счастье, это было надо. Я даю команду наводчику орудия сержанту Хазину: «По бокам, бензобакам, гусеницам подкалиберным и бронебойным снарядами, огонь!». Мой орудийный расчет буквально в какой-то один миг расстрелял эти три танка. По другим танкам били мои боевые друзья, многие из которых погибли героически в неравном бою. Итак, в течение четырех-пяти дней и ночей мы мужественно отражали яростные атаки значительно превосходящих нас по силе и числу немецких частей. Под конец боя, я помню, стало не хватать снарядов, патронов, гранат. Сказали беречь, нет запаса боеприпасов. Между боями проводились

политинформации, отмечали отличившихся в боях бойцов, представляли их к наградам, принимали их в комсомол и коммунистическую партию. И приходилось хоронить своих боевых друзей, отдавших свою жизнь ради победы. За день приходилось отражать по 4 и больше атак немцев. Ночью эскадрон капитана Назарова сняли с позиции, повели на другой участок. Его позицию занял рядом с моим 45 м/м противотанковым орудием 4-й эскадрон старшего лейтенанта Лопсона Ивахинова, который только расширил свои боевые позиции за счет позиции 1-го эскадрона. Ивахинов был моим земляком из Бурятии, из Тункинского района.

Это было в один из последних дней, когда завершился наш конный рейд по тылам врага на Десне. У меня в орудийном расчете оставалось, в виде НЗ, всего лишь два подкалиберных снаряда, которым можно было на Десне, в неравной схватке, с мощными немецкими «Тиграми», бить в лоб немецкий танк, тем более типа «Тигр», который имел 88 м/м орудие и 2 крупнокалиберных пулемета и боковую броню 10 см., теперь было невозможно, так как наши снаряды отлетали от его броневой защиты рикошетом. А чтобы подбить, поразить и подпалить немецкий танк типа «Тигр», или тяжелого танка «Адольф Гитлер», или немецкой самоходки «Фердинанда», наводчику орудия требуется тончайшее искусство мастера, надо быть не только метким снайпером, но и успеть предупредить с выстрелом немецкий танк и знать уязвимые места любого танка или самоходки, и туда же выпустить снаряд, конечно, уловив момент сложившейся обстановки боя. В первых же днях напряженного боя, были убиты наводчик орудия сержант Хазин, у которого редко бывали промахи, и подносчик снарядов, и один из моих ездовых упряжки передка орудия. Сержант Хазин был деревенским парнем из Татарии, был рослым, красивым и сильным, бог не обделил его природным умом. Между боями он всегда пел протяжные, какие-то заунывные, с тоской по родине, татарские песни. Нам было безгранично тяжело терять своих боевых друзей, с которыми боевая дружба и преданность друг другу проверялась не раз в тяжелейших боях в

Подмосковье, в орловских степях и брянских лесах в 1942, 1943 годах.

В последних боях на Десне, после гибели Хазина, достойной ему замены не нашлось, так как не приходило пополнение солдат, поэтому мне, командиру орудия, пришлось быть одновременно и наводчиком. Кроме того, при сложившихся обстоятельствах, при острейшем дефиците снарядов единственный промах означал верную смерть орудию и всему орудийному расчету... На эскадрон старшего лейтенанта Ивахинова пошли в атаку гренадерский батальон гитлеровцев с танками. Впереди батальона изрыгая огнем из пушек и пулеметов шло несколько танков. В мою сторону направился один из этих танков. Командир эскадрона Ивахинов мне говорит: «Обязательно подбей этого гада, ради бога, не промахнись, земляк!». Он знал, что у меня всего два снаряда, и хорошо понимал свое критическое положение, так как в эскадроне ни один пулемет не имел ни одного диска патронов; эскадрон понес серьезные людские потери, оставалось в эскадроне меньше половины состава, среди них было много раненых, которые оставались на поле боя, так как некуда было им деваться. Кроме того, они хотели сражаться с врагом до последнего дыхания.

Стреляя на ходу из крупнокалиберных пулеметов, шла на мой орудийный расчет огромная машина — немецкий танк «Тигр». С подобным танком я встретился впервые на Десне. За ним шли отборные гренадерские батальоны немцев на всю ширину боевой позиции полка. Левее от этого танка шли другие немецкие танки, было их не более трех, как я успел насчитать. Командир эскадрона Ивахинов подготовился со своими бойцами пойти в рукопашную схватку и ждал, когда я подобью немецкого «Тигра». Надо было обладать железным хладнокровием, чтобы подпустить «Тигра» на крайне рискованное расстояние 350 м. Так как не было другого выхода и надо было быть уверенным в том, что твоя пушка хорошо замаскирована и раньше времени не обнаружит себя, что ты упредишь «Тигра» своим выстрелом. На меня смотрели как на бога бойцы эскадрона старшего лейтенанта Ивахинова. Моя соропятка

стояла прямой наводкой. Первым же выстрелом в упор я расстрелял немецкого «Тигра» и последним снарядом добил его. «Тигр» со скрежетом остановился в 100 метрах от меня и загорелся, что надо было бойцам нашего эскадрона и чего с огромной надеждой ждал мой земляк — командир 4-го эскадрона старший лейтенант Ивахинов. И до сих пор в моих ушах звенит его отчаянная и громогласная команда: «Эскадрон! Вперед в атаку! За Родину! За Сталина!».

И сейчас воочию вижу его легкую, подтянутую, среднего роста атлетическую фигуру, как он в один миг вскочил на бруствер с кавалерийской шашкой в правой руке, стремительно побежал навстречу смерти или удачи, увлекая за собой своих орлов, в последнюю смертельную рукопашную схватку, и чтобы живым не сдаваться врагу и драться за Родину до последнего дыхания и капли крови. Вместе с ним я повел свой орудийный расчет в атаку. В рукопашной схватке был тяжело ранен командир эскадрона старший лейтенант Ивахинов, а также и я, но был легко ранен в голову от удара, который нанес прикладом винтовки немецкий солдат, ростом в два раза, выше меня, но в момент удара я падая и теряя сознание, успел выпустить в него очередь из своего автомата, что собственно спасло меня от верной гибели.

Неожиданно для всех нас мы услышали за спиной раскатистое солдатской «Ура». Это означало, что подошла линия фронта. К нашим позициям стремительно подходила наша царица полей — советская пехота, которая сходу накрывала огнем немецкие позиции из ротных и батальонных минометов.

Пока, в ожидании подхода регулярных частей Советской Армии с линии нашего фронта, конногвардейцы 2-го гвардейского краснознаменного корпуса, проявляя беспримерное мужество, отвагу и храбрость, отражали яростные атаки гренадерских гитлеровских полков в течение 5 — 6 дней и ночей, которые хотели уничтожить нас, зная о том, что у нас исчерпаны запасы боеприпасов и продовольствия. Кроме того, не только мы, но и немцы хорошо понимали, какое военное, стратегическое значение имеет железнодорожная магистраль

Рославль — Брянск для фронта, которую мы, конногвардейцы, сумели в глубоком тылу врага удержать в руках в течение 6 суток на протяжении 90 км этой железной дороги.

Сдав свои боевые позиции пехотным частям, мы расположились в рощах на берегу р. Десна. Отправляли на конных повозках раненых в медсанбат, с болью с ними прощались, хоронили с почестями наших боевых друзей, а также приводили в порядок боевое оружие: чистили орудия, автоматы и винтовки, получали к ним боеприпасы и продукты питания после долгого голодания. Только собралась было позавтракать, слышим взволнованный приказ нашего командира батареи старшего лейтенанта Лозовского: «Батарея! На огневую позицию!». Слышу возгласы: «Танки!!!». Это означало, что немцы прорвали с танками линию фронта нашей пехоты, которая сменила нас. Командиру батареи Лозовскому не было времени объяснять и ставить задачу командирам орудий и взводов, так как танки вплотную подходили к штабу нашего полка и месторасположениям его подразделений. Вижу, что четыре наших орудий на конной тяге стремительно, галопом выскочили из рощи на открытую поляну и разворачивают орудия на прямую наводку и их передки пушек с лошадьми отходят в три аллюра в пойму реки, в рощу, где стоял наш обоз, бивуак батареи. Я замешкался с выездом из-за нерасторопности ездовых, так как орудия наши были на конной тяге, одним из них был старичок под 50 лет по фамилии Карпенко с Оренбургской области, конь его запутался в постромках веревочной тяги передка пушки, из-за чего я получил замечание командира взвода батареи лейтенанта Ветошкина.

Сидя на лафете пушки, я с расчетом выскочил на открытый бугорок и с ходу развернул пушку на прямую наводку, при этом заметил, что наши четыре орудия уже ведут стрельбу по движущимся на нас немецким танкам. Не помню, сколько было этих немецких танков, но их было немало. Наша пехота вздрогнула и отступила в нашу сторону от напирających на них немецких танков. Два наших орудия были разбиты, их расчеты от прямого попадания немецкого снаряда наступаю-

щих танков погибли. Из оставшихся двух орудий еще вели стрельбу. Видел как командир батареи старший лейтенант Лозовский быстро наводил орудия и стрелял по немецким танкам. Я, не дожидаясь приказа об открытии огня, дал несколько залпов бронебойными снарядами по немецким танкам. Танки немецкие стали гореть. Не знаю, кто их поджег и расстреливал: от моих ли выпущенных снарядов, или от снарядов других орудий нашей батареи, или от противотанковых гранат, брошенных солдатами нашей пехоты под немецкие танки. Но факт, что немецкие танки горели, а наша пехота встала и пошла в атаку и восстановила положение.

В этом бою отважно сражался наш командир батареи старший лейтенант Лозовский и его подчиненные орудийные расчеты. Два орудийных расчета полностью героически погибли, в том числе погиб наш любимый командир батареи старший лейтенант Лозовский. Он был родом с левого берега Оби, города Новосибирска. Многие наши командиры орудий, солдаты и офицеры, были награждены боевыми орденами, в том числе и я орденом «Красной звезды». Командир батареи старший лейтенант Лозовский посмертно был награжден орденом «Боевого Красного Знамени». Так завершился наш конный рейд 2-го гвардейского кавалерийского корпуса на р. Десна на Брянщине. За этот героический подвиг дивизии, а также ее полкам было присвоено высокое звание «Гвардия». Наш полк стал называться 35-м гвардейским полком, а наша 20-я дивизия стала 17-й гвардейской кавалерийской дивизией.

Беспримерное мужество, отвагу рождали у советских солдат Великой Отечественной войны любовь к своей Родине, неугасимую ненависть к врагу, непоколебимую веру в правоту нашего дела. И еще одна характерная черта солдат Великой Отечественной войны: война с ее ужасами и кровью, постоянным риском быть убитым или искалеченным, беспримерные зверства фашистов не ожесточили наши сердца, не очерствели они (Вспомни фронтовых друзей, ветеран... / отв. ред. Н.К. Елаев. Улан-Удэ, 1990. С. 13–19)».

За мужество и отвагу, проявленные в боях, У-Ж.Ш. Дондуков был удостоен трех орденов и ряда медалей, в том числе «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». О фронтовых дорогах, по которым водила судьба воина-забайкальца У-Ж.Ш. Дондуков рассказал в воспоминаниях «От Москвы до Берлина на боевом коне» (1995) и «Война глазами солдата» (в 2-х ч., 1999, 2000). Многие годы доктор филологических наук, профессор У-Ж.Ш. Дондуков читал лекции для студентов факультета начальных классов, руководил аспирантами. За большой вклад в развитие науки в 1995 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В 1997 г. он избран Почетным членом Сибирского отделения Академии наук высшей школы.

Цырендаши (Сергей) Бадмаевич Будаев

Долгой оказалась война для ноехонского парня, студента второго курса факультета русского языка и литературы Ц.Б. Будаева. Как только ему исполнилось 18 лет, он в феврале 1942 г. был призван в армию. После шестимесячной учебы в Кемеровском пехотном училище был отправлен на фронт, где пробыл почти до конца 1944 г. Командир стрелкового взвода, затем роты со своими бойцами прошел тысячи километров фронтовых дорог, нередко оказывался под шквальным огнем врага. Пехоте — «царице полей» — труднее всех.

К.К. Рокоссовский как-то сказал: «Пехота, по существу, не знает передышки, она всегда на переднем крае, всегда под огнем противника, всегда в бою».

Пехотинцу, где на ногах, а где ползком приходилось преодолевать большие расстояния. Лишь тогда клочок земли отвоеван у врага, когда на него ступила нога солдата. Ц.Б. Будаев воевал на Калининском, Втором Белорусском фронтах.

Вот что он писал об одном из боев: «После взятия Невеля войска 3-й ударной армии наступали в сторону города Полоц-

ка. Наши подразделения получили приказ — за ночь пройти форсированным маршем километров 80 и занять оборону у одной деревни. К утру дошли до места назначения и заняли оборону, окопались. До обороны противника было от нас километра два.

Вечером того же дня после небольшой артиллерийской подготовки немцы пошли в наступление. В ту ночь наши подразделения отбили пять яростных атак противника. Удержали мы свою позицию с огромным трудом. Особенно во время первой атаки немцы вплотную подошли к нашим окопам. Их было очень много. Буквально кучами ломались на нас. С большим усилием отразили первую атаку немцев. При этом наши пускали в ход не только ручные, но и противотанковые гранаты, которые обладали обширным радиусом поражения. Хорошо помогали нам наши станковые пулеметы. После отражения второй атаки фашистов мы с группой бойцов своего взвода перешли в контратаку. В этих ночных сражениях было убито и ранено большое количество фрицев. С нашей стороны потерь было значительно меньше».

За это сражение Ц.Б. Будаев был награжден орденом Красной Звезды. В реляции в связи с этим награждением говорилось: «В бою за деревню Заможицы Ц.Б. Будаев показал себя как волевой командир. Своим умелым руководством отражал атаку за атакой противника. При этом его взвод уничтожил до 80 гитлеровцев. Перейдя затем в контратаку, уничтожил до 20 фашистов. Сам лично в траншейном бою убил четырех гитлеровцев...».

Не раз воину приходилось смотреть в глаза смерти. Трижды был ранен.

После демобилизации — учеба в МГПИ им. В.И. Ленина, работа журналистом, научным сотрудником. Ц.Б. Будаев — Заслуженный деятель науки Республики Бурятия, доктор исторических наук, многие годы работал профессором Бурятского государственного университета, читал лекции, руководил аспирантами, активно разрабатывал проблемы бурятской филологии.

Гармажап Лудупович Санжиев

В декабре 1942 г. надел шинель и студент-историк (одно- временно работал лаборантом) Г.Л. Санжиев. Он проучился в институте всего год. Начиная с 1943 г. воевал в составе Пер- вого Белорусского фронта. Был наводчиком, командиром ору- дия, артиллерийским разведчиком. Участвовал в тяжелых бо- ях по освобождению Смоленщины, Западной Украины, Польши. Приходилось с орудийным расчетом вести огонь, находясь под ураганным огнем противника, преодолевать водные преграды, болота, в буквальном смысле слова тащить на себе 122-миллиметровые минометные орудия. На Одере был ранен, попал в госпиталь. Его боевые заслуги отмечены двумя орденами Отечественной войны I степени и орденом Славы III степени, многими медалями.

В последующем Г.Л. Санжиев продолжил учебу на истори- ческом факультете Бурятского пединститута, окончил ВПШ при ЦК ВКП(б), аспирантуру МГУ имени М. В. Ломоносова, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Многие годы работал заместителем директора БКНИИ, заведующим отделом БИОНа СО РАН. Написал ряд крупных работ по ис- тории национальных районов Сибири. В настоящее время За- служенный деятель науки Российской Федерации, профессор Г.Л. Санжиев продолжает свою научную деятельность. В 2010 г. ему присвоено звание «Почетный гражданин Республики Бурятия».

Сергей Александрович Теплов

Выпускник факультета естествознания Бурятского педин- ститута С.А. Теплов получил повестку из военкомата, будучи учителем школы № 16 г. Улан-Удэ. После окончания Сретен- ского военно-пехотного училища он — командир минометно- го расчета в составе 10 гвардейской армии, участвует в обо- роне Ленинграда. Его взвод находился под непрерывным ог- нем, отражая ежедневные атаки противника. Но особенно тя-

желые испытания выпали ему как командиру штрафного батальона, в котором были одни уголовники. Выбор комбата, видимо, определили образование и довоенная должность. Штрафников направляли туда, где предполагались большие жертвы. И на этот раз, как вспоминал в одной из своих бесед С.А. Теплов, батальон получил приказ провести разведку боем на участке, где были сосредоточены мощные огневые средства фашистов. Но уже через несколько минут после его команды двенадцать солдат первого расчета упали мертвыми. Двое, он и солдат Козлов, стояли перед теми, кто только что бежал, готовы были к жесткой схватке. Чуть поодаль стояли два офицера — командиры двух других расчетов, теперь уже бывших. Эти три расчета составляли роту. Под моими ногами кипела земля от разрывов, — говорил С.А. Теплов, — а мне хотелось рвануть к ним, к мертвым, к тем, кто в последний раз только что съел кашу, в последний раз выпил свои сто граммов спирта. В 1945 г. он был тяжело ранен.

После армии С.А. Теплов многие годы трудился в сельских и городских школах республики, методистом ИУУ, преподавал в пединституте. И везде его отличали глубокий профессионализм, высокая порядочность и честность. По мнению его учеников С.А. Теплов знал обо всем на свете. За глаза его называли ходячей энциклопедией. Он удостоен званий Заслуженного учителя школы РСФСР и почетного гражданина Северобайкаля.

Ефрем Егорович Тармаханов

Е.Е. Тармаханов, как и многие его сверстники, ждал призыва в армию. Но когда в феврале 1942 г. начался массовый призыв в деревне Ирхидей, а ему повестки из военкомата не было, он сам отправился в Боханский военкомат. Там ему вручили повестку. Потом был длинный путь до г. Коврова Ивановской области, где формировалась 123 особая стрелковая бригада. Девятнадцатилетнего сибиряка зачислили в роту автоматчиков и как имеющего среднее образование назначили ко-

мандиром отделения. Бригада была направлена на Ленинградский фронт.

Ленинград в то время находился в военной блокаде немецкими, финскими и испанскими (Голубая дивизия) войсками. Она длилась с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г. (блокадное кольцо было прорвано 18 января 1943 г.) 871 день. К началу блокады в городе оставались мизерные запасы продовольствия и топлива. Единственным путем сообщения с блокадным Ленинградом было Ладожское озеро, находящееся в пределах досягаемости артиллерии блокирующих войск. Начавшийся в городе голод привел к сотням тысяч смертей среди жителей.

Английский историк Д. Хоскинг пишет: «Только за декабрь 1941 г. в Ленинграде умерло 53000 человек, столько же, сколько за весь 1940 г. Это было ужасно, но худшее ожидало впереди. Город постепенно вымирал. Уголь на электростанции кончился, и потому прекратилось движение трамваев, замерз водопровод и в домах больше не было ни тепла, ни света. Все это происходило в городе, где температура может опускаться до -40 по Цельсию. И где в середине зимы темное время суток продолжается восемнадцать часов. Люди сидели в замерзших квартирах, жгли мебель и даже книги и старались поддержать хоть какое-то тепло в своих печурках...

Смерть настигала людей повсюду: на улице они падали, чтобы никогда больше не подняться; в домах засыпали, чтобы никогда не проснуться; на заводах умирали во время работы. Транспорта не было, и обычно трупы везли на салазках один-два родственника покойного. Часто полностью обессилев на долгом пути к кладбищу, они бросали тело на полдороге.

В таких условиях потеря продовольственной карточки была равносильна смертельному приговору. Самые сильные эмоции проявлялись при затруднениях с едой или спорах о ней. Эпизод, о котором повествует учительница Елизавета Шарыпина, показывает, что пережило тогда большинство ленинградцев. Однажды в булочной она увидела женщину, ругавшую и осыпавшую ударами мальчика лет десяти. Тот сидел на

полу с ломтем черного хлеба во рту. Женщина только что получила свой ежедневный хлебный паек из рук продавца и на секунду оставила его на прилавке. Мальчик, доведенный голодом до безумия, стащил хлеб и, сев на пол, стал есть, бесчувственный к сыпавшимся на него ударам. Когда Шарыпина попыталась успокоить женщину, та разрыдалась и рассказала, что своего единственного ребенка отнесла в морг несколькими неделями раньше. Наконец Шарыпина уговорила бывших в булочной людей отщипнуть по кусочку от своих пайков для этой женщины. Потом Шарыпина обратилась к мальчику. Тот сказал ей, что отец его на фронте. Мать умерла от голода. Осталось двое детей, он и его младший брат. Они жили в подвале разрушенного при бомбежке дома. Шарыпина спросила, почему они не пошли в детский дом. Мальчик ответил, что они ждут отца. Если они уйдут в детский дом, то их вывезут из Ленинграда, и они больше никогда его не увидят» (Хостинг Джеффри. История Советского Союза 1917–1991. М., 1994. С. 288, 289).

За годы блокады погибло, по разным данным, от 400 тыс. до 1 млн. человек. Но, несмотря на огромные жертвы, страдания, Ленинград жил, боролся, проявлял огромную силу воли, упорства, негибамости.

Г.К. Жуков писал, что «История войн не знала такого примера массового героизма, мужества, трудовой и боевой доблести, какую проявили защитники Ленинграда... За первые три месяца войны здесь были сформированы десять дивизий народного ополчения, 16 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов, десятки маршевых подразделений для пополнения народноополченческих частей, многочисленные отряды местной противовоздушной обороны...

Ни массовые жертвы, ни постоянные чрезмерно напряженные бои не сломили боевой дух и доблесть защитников города Ленина. Ленинградцы, воины фронта и флота предпочитали смерть в борьбе с врагом, нежели сдать врагу город.

Трудно переоценить трудовую доблесть рабочего класса города Ленина. Люди трудились с исключительным энтузиаз-

мом, недоедая и недосыпая, под артиллерийским огнем и бомбовыми ударами авиации» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 169–170).

Прорыву блокады предавалось огромное значение. Ее должны были осуществить бойцы и командиры Ленинградского и Волховского фронтов. Операция по прорыву блокады тщательно готовилась. В ней, как уже отмечалось, участвовала и 123 стрелковая бригада, в которой находился Е.Е. Тармаханов.

О своем дальнейшем пути Е.Е. Тармаханов вспоминает так: «От станции Волхов через Ладогу на корабле попали во внутрь блокады. Переплыли Ладогу очень удачно ночью, не было ни единого выстрела со стороны немцев. В течение декабря 1942 г. мы жили в лесу в палатках, в каждой палатке была маленькая буржуйка, которая в основном дымила, а не грела. Хотя находились в лесу, но очень туго было с дровами, которые были сырые. При этом нечем было их рубить и колоть. В течение декабря наша часть готовилась для участия в операции «Искра», направленной на прорыв блокады. У нас не было достаточно опыта ведения боев, поэтому командование уделяло большое внимание обучению войск к приемам наступательных действий в лесу и способам штурма опорных пунктов и узлов сопротивления противника в условиях холодной зимы. Наступлению наших войск предшествовала длительная подготовка. Сосредоточивались орудия, минометы и другая военная техника. Среди нас, всех солдат, настроение было напряженное, это состояние скреплялось с чувством ненависти к врагу и страхом. Мы все понимали, что нам предстоит участвовать в решающих боях за Ленинград, за прорыв блокады города.

За три дня до начала наступления в частях, в том числе у нас, проводились партийно-комсомольские собрания с повесткой «Задачи коммунистов и комсомольцев в бою». Я был заместителем секретаря комсомольской организации батальона, секретарем был Михаил Барьядаев, мой земляк из Боханского района. Перед солдатами прочитали обращение Военно-

го Совета Ленинградского фронта, где говорилось, что «67-я армия с честью и умением выполнит свой долг перед Родиной».

Держайте в бою, равняйтесь только по передовым, проявляйте инициативу, хитрость и сноровку! Смерть немецким мерзавцам!»

Наступление наших войск началось утром 12 января 1943 г. Снаряды и мины с огромной силой обрушивались на позиции противника. Бои шли жестокие. В результате первого наступления из 27 солдат нашего взвода остались в строю только 7 человек, остальные или погибли, или были ранены. Я отделался незначительной царапиной лица осколком мины. Остался жив и командир взвода, к сожалению, забыл его фамилию. Мы перебросились словами: «Слава Богу, остались живы».

Мне показалось, что только против нас немцы открыли такой ураганный огонь из пулеметов, минометов и других орудий, что почти невозможно было поднять голову. Лежал и думал, останусь ли живым, увижу ли своих родных, свою деревню, свой край. Для выхода из войны тогда было только два пути: или быть тяжело раненым или быть убитым, третьего пути не было. Под ураганным огнем из пушек, пулеметов, минометов и других орудий мы с трудом по глубокому снегу продвигались вперед ползком, перебежками. Нам приходилось преодолевать упорные сопротивления и яростные контратаки немцев. И только 18 января утром на окраине рабочего поселка наши войска, то есть войска 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта, соединились с частями Волховского фронта. Эта встреча для нас была полна радости и ликования. Солдаты крепко, по-братски обнимались, плакали от радости, не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника. Откуда-то появились фотокорреспонденты газет. Нас фотографировали, но я не видел ни газет, ни фотографий.

В тот день, то есть 18 января, после упорных уличных боев был полностью освобожден от вражеских войск г. Шлиссельбург. В этих боях мы не участвовали, но знали, что к концу дня южное побережье Ладожского озера было

освобождено, и Ленинград получил сухопутную связь со страной шириной 8–10 км. Блокада Ленинграда была прорвана. Так свершилось то, о чем мечтал каждый житель Ленинграда, этого случая ждали мы, солдаты Ленинградского и Волховского фронтов, вся страна. В адрес участников прорыва блокады Ленинграда шли письма с выражением благодарности и признательности. Некоторые письма нам зачитывали. 30 января 1943 г. я был тяжело ранен в левую ногу осколком мины, которая взорвалась недалеко от меня. Этим взрывом были ранены кроме меня заместитель командира взвода и мой земляк Николай Данилов из Боханского района. Нас троих увезли на санях в медсанбат, после соответствующей медицинской обработки ран нас отправили в Ленинград» (Навечно в памяти людской. Воспоминания преподавателей пединститута, ветеранов Великой Отечественной войны. Улан-Удэ, 1995. С. 23–26).

«Прорыв блокады, — писал Г.К. Жуков, — продемонстрировал великую силу морально-политического единства советского общества, дружбы народов нашей Родины. Под Ленинградом сражались представители всех национальностей Советского Союза, проявившие беспримерную храбрость и массовый героизм. За мужество и отвагу в боях по прорыву блокады около 22 тысяч воинов Ленинградского и Волховского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота и Ленинградской зоны ПВО были награждены боевыми орденами и медалями, а наиболее отличившиеся удостоены высокого звания Героя Советского Союза» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 184).

Е.Е. Тармаханов после трехнедельного лечения в Ленинграде был эвакуирован по «Дороге жизни» до противоположного берега Ладожского озера, а оттуда по железной дороге в г. Сокол Вологодской области. После длительного лечения в различных госпиталях воин в августе 1943 г. вернулся в родной Ирхидей. Через год Е.Е. Тармаханов поступил в Бурятский пединститут, затем перевелся на исторический факультет Ленинградского университета. Там он со временем защитил

кандидатскую и докторскую диссертации. 35 лет заведовал кафедрой истории СССР Бурятского государственного педагогического института. Автор многих крупных работ по проблемам истории Бурятии, Сибири. Профессор Е.Е. Тармаханов удостоен высоких почетных званий Заслуженного деятеля науки Бурятии и Российской Федерации.

3. Битва под Сталинградом

После победы под Москвой советское руководство стремилось добиться коренного перелома в войне в 1942 г. Однако принимаемые им стратегические решения не были основаны на реальной оценке обстановки на фронте, состояния Красной Армии и действий противника. В результате не были достигнуты поставленные цели в ходе развернувшихся наступлений на Юге и Юго-Западе страны. Особенно критическая ситуация сложилась на Южном участке советско-германского фронта. В руки врага попали богатейшие области Дона, Донбасса. 24 июля 1942 г. пал Ростов. Была открыта дорога на Сталинград. Немецкое командование планировало главный удар летом 1942 г. нанести на южном участке фронта, чтобы быстро осуществить прорыв на Кавказ и овладеть богатыми нефтеносными районами.

Не случайно именно в районе Сталинграда были сосредоточены мощные вооруженные силы, как со стороны фашистской Германии, так и со стороны СССР. Здесь развернулось сражение, которое вошло в историю как одна из крупнейших битв в мировой истории.

В этой битве принимали участие и преподаватели Бурятского пединститута.

Николай Дансаронович Сордохонов

Как уже отмечалось, в конце августа 1942 г. 116 Забайкальскую стрелковую дивизию, в которой служил Николай Данса-

ранович, перебросили на Сталинградский фронт. В то время он занимал должность начальника штаба 3-го батальона 548-го стрелкового полка. Батальон находился на Северо-Западе Сталинграда в районе Котлованки («Опытная станция») и в самом городе.

Вот что он пишет в своих воспоминаниях.

«Наверное, не забыть августовские дни и ночи, когда немец решил сравнять с землей город. 23 августа над ним летали около трех сотен самолетов, которые по очереди бомбили, кажется, всю территорию города, квадрат за квадратом. Взрывались нефтехранилища. Нефть хлынула в Волгу. Горело всё, и в том числе сама река. 4 сентября противник, с трудом преодолевая сопротивление наших частей, занял железнодорожный вокзал. До Волги оставалось каких-то 700-800 метров. Сложилась критическая обстановка. Но командование нашей дивизии и политработники предпринимали решительные меры к тому, чтобы не допустить фашистов до реки, не давать им разрушать наши оборонительные позиции.

Не знаю, откуда у всех нас появилось второе дыхание. Роты и батальоны не только оборонялись, но и переходили в наступление, вышибая немцев из отдельных домов и улиц.

По 6-8 атак фашистов в день отражал наш батальон, нанося огромные потери. На поле боя, затем на улицах Сталинграда валялись сотни, тысячи трупов фашистских солдат (Навечно в памяти людской... — С. 16-17).

«Здесь в полной мере проявилось мужество наших солдат. Расскажу об одном эпизоде, свидетелем которого я был сам. Один из бойцов нашего батальона (к сожалению, не помню его имени и фамилии) стоял в охране. К нему очень близко подобрались три немецких солдата с целью взять его в плен в качестве «языка». Однако, красноармеец вовремя заметил, что фашисты его окружают. А это происходило в развалинах разрушенного дома. Везде были разбросаны камни, торчали обвалившиеся стены. Наш солдат двинулся не назад, как мы ожидали, а вперед. Видимо, он решил не отступать, а наоборот, — схватиться с врагом. Спрятавшись в небольшом

углублении, он стал ждать вражеских разведчиков, которые полезли в его сторону. Как только они поравнялись с ним, он двумя выстрелами в упор уничтожил их.

Оставался еще один немец, который заходил к нему в тыл. Наш солдат вскоре увидел бегущего на него немца. Вскинув винтовку к плечу, он крикнул немцу: «Хендэ хох!». Будто споткнувшись, немец остановился, и обалдело смотрел на красноармейца, а затем нехотя поднял руки. Так, из преследуемой «дичи» наш солдат превратился в «охотника».

К сожалению, этот боец на следующий день погиб при артоналете на нашу оборону.

Такие мелкие стычки проходили ежедневно на протяжении октября и ноября 1942 года. Очень досаждали нам артналеты и бомбежки. К этому времени враг начал выдыхаться, его резервы иссякали.

Мы еще не знали, что уже готовилась операция по окружению и уничтожению 6-й армии Паулюса, наступавшей на Сталинград.

В ноябре 1942 года в одном из боев я получил тяжелое ранение и контузию. Сердечно проводили меня в госпиталь командиры и солдаты моего батальона. Прощаясь, говорили: «Поправляйся и снова в свой батальон», «Не залеживайся, дел еще на фронте много», «Смотри, чтобы тебя не охмурила какая-нибудь дивчина». Ведь нам было всего по 20 лет.

После лечения в эвакогоспитале в Пензе и селе Наровчат Пензенской области я был направлен на курсы «Выстрел» в город Ульяновск. После окончания курсов командовал пулеметным батальоном в 37-й резервной стрелковой бригаде.

Как хотелось быстрее отправиться на фронт, увидеть своих солдат и офицеров, уничтожить проклятых фашистов.

Наконец, 15 августа 1943 года я получил направление в действующую армию командиром первого гвардейского батальона 41-го стрелкового полка 14-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Жадов. Принимал участие в освобождении Харькова и других населенных пунктов

Я. Г. Биренбаум

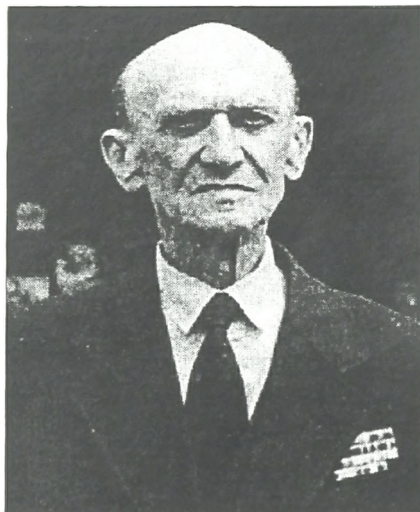
И. А. Соктоев

В. И. Затеев

И. А. Багудаев

В. Н. Обожин

А. Батурев

А. М. Хамгашалов

М. Лебедев

С-Д. Ш. Бадмаев

А. В. Буйнов

Ж. С. Сажинов

А. Г. Гуружапов

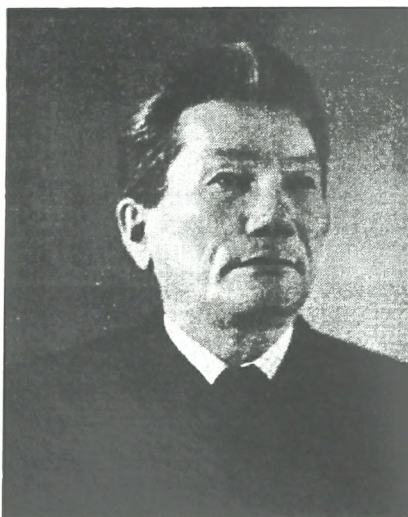
С. Г. Дугаров

Д. Б. Васильев

Н. К. Елаев

Ц-Ж. Ц. Цыдыпов

Харьковской и Днепропетровской областей» (Вспомни фронтовых друзей... — С. 7 — 8).

Арсений Вахромеевич Буинов

У А.В. Буинова выпускные экзамены в Иркутском институте совпали с началом Великой Отечественной войны. И буквально на другой день после них он был вызван в военкомат и по спецнабору был направлен на учебу в Московскую военно-юридическую академию. Как пишет профессор В.И. Затеев «здесь обучался на 10 — месячных курсах военных юристов, по окончании которых в звании старшего военного юриста был откомандирован для прохождения дальнейшей службы.

Некоторое время служил и.о. военного следователя Московского гарнизона, затем был направлен в действующую армию, где работал военным следователем 62 стрелковой дивизии 66 Армии Донского фронта. После Сталинградской эпопеи и разгрома группировки Паулюса был переведен военным следователем в 19 гвардейскую стрелковую дивизию 3 ударной армии Калининского фронта. Был участником штурма и взятия нашими войсками города Великие Луки, получил ранение, контузию. После четырехмесячного пребывания на фронте находился на лечении в госпитале г. Шуи Ивановской области». В дальнейшем служил на военно-следственной работе в гарнизоне г. Свердловска, затем Уральского и Приволжского военных округов. После окончания войны был демобилизован из армии (в ноябре 1945 г.) в звании капитана. В 1947 г. поступил в аспирантуру Иркутского госуниверситета. В 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии. В том же году начал работать в БГПИ, в котором проработал почти 40 лет. Доцент А.В. Буинов награжден орденом Отечественной войны 2 степени и несколькими медалями.

Жамсаран Сажинович Сажинов

Ж.С. Сажинову, выпускнику пединститута, недолго пришлось быть на фронте, зато довелось быть на одном из самых горячих участков войны — под Сталинградом.

В одном из своих воспоминаний с элементами философских размышлений Жамсаран Сажинович пишет:

«Я на фронте служил рядовым солдатом, и мне на войне очень повезло: досталась счастливая доля участника начала той грандиозной, наступательной операции Советских Вооруженных Сил по окружению и разгрому ударной группировки немецко-фашистских войск и их сателлитов — Румынии и Италии — у стен Сталинграда. Эта операция, как известно из истории Великой Отечественной войны, началась 19 ноября 1942 года и завершилась 2 февраля 1943 года разгромом 330-тысячной армии и пленением штаба армии во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Страшно ли на войне, спрашивают иногда школьники на встречах? Вопрос на первый взгляд, по-детски наивный, однако он существенный. На такого рода вопросы обычно отвечают, что война — это самое трудное, самое рискованное в жизни человека дело. Человек не рождается солдатом, и он не делается на войне бесчувственным сверхчеловеком, для которого все нипочем. Но у человека удивительное свойство (и я это испытывал поневоле на себе) — легко адаптироваться к необычным условиям, а во-вторых, человеку свойственно неистребимое чувство оптимизма — надежда на благоприятный исход из какого-либо положения. Можно сослаться на слова русского поэта: «На доблестный подвиг, на битву с судьбою иду я отважно, и яркой звездой. Надежда горит впереди» (А.Н. Плещеев).

С надеждой связано самообладание, хладнокровие. Вот почему на войне люди, сталкиваясь со смертельной опасностью, не впадают в панику, беспрекословно выполняют трудное боевое задание.

Темной ночью с 19 по 20 ноября 1942 года нашу часть разместили на плавсредства волжской речной флотилии и переправили на сталинградский берег несколько южнее пылающего в огне города. Не скрою, как нам стало не по себе, когда разрывались в воде снаряды, пущенные по флотилии откуда-то, вероятно, издалека: на темной глади великой реки надежды на спасение нет.

В тот же день, 20 ноября, мы оказались в горячем деле: в составе 64-й армии генерала М.С. Шумилова переходили в наступление из района Ивановки на вражескую оборону в районе населенного пункта Карповка.

Помню, было облачное, слякотное утро поздней осени. Весь горизонт был покрыт непроницаемым черным дымом. Слышится издалека непрерывный орудейный гул. Вокруг голая степь, по ней движутся несметные количества людей в строю, и без строя колонны машин, танки, самоходные орудия, полевые кухни.

Такая картина невольно вселяла ощущение уверенности и вдохновляла бойцов.

Вскоре наша часть получила конкретное задание — занять вражеский оборонительный пункт. На подходе к нему нас встретили огнём. Рвались мины, свистели пули, взлетала вверх земля. Люди падали, кого-то ранило, кто-то уже не поднимался больше, и те, кого миновала пуля или осколок, снова вставали и устремлялись вперед.

Когда подавили огонь противника, то увидели смуглолицых, похожих на цыган солдат, в темно-зеленых шинелях и высоких папахах — это была группа из румынских воинских частей. Они что-то беспрерывно галдели на своем языке. Их всех живых, раненых и убитых увезли куда-то на машинах. Это было мое первое боевое крещение.

Могут верить и не верить, но чувства страха я при этом не испытывал, а полагал, что могут ранить, но не убьют. Не могу объяснить, почему такая уверенность. Все другие эпизоды из моей недолгой жизни на передовой линии фронта были сходны с тем, что тут описал.

*Бои в одном из цехов завода «Красный Октябрь».
Сталинград. 1942 г.*

Ровно две недели продержался я на передовой линии фронта под градом пуль, под бомбежкой и артобстрелом, ежеминутно рискуя напороться на мину или танковую атаку, преодолевая чувства страха — психологический барьер; инстинкта самосохранения. Двенадцать раз сумел выйти живым и невредимым из переделок, похожих с теми, что описал. Потерял всех тех, с кем в первый день пошел в атаку. Больше месяца не раздевался и не-разувался, завелись известные насекомые... На тринадцатые сутки меня угораздило напороться на засаду: прошла меня шальная пуля, и я очутился в медсанбате.

Ранение было тяжелое — сквозное пулевое с повреждением лобковой кости. Лечили меня долго, целых шесть месяцев, в разных госпиталях. Выписали меня, признав непригодным к строевой службе с припиской «продолжить амбулаторное лечение по месту прибытия на жительство».

В наступательной операции Советской Армии у Сталинграда той осенью участвовало много воинских частей, сформированных из представителей разных национальных среднеазиатских республик. Экзотическими выглядели туркменские бойцы, которые почему-то не сменили национальное одеяние на солдатские шинели. Один раз я видел, как они устраивали панихиду над погибшими товарищами. В перерывах между артиллерийскими дуэлями узбеки успевали в больших чанах кипятить чай и угощали им всех, кто подойдет.

Декабрь — месяц зимний. Каждый день валил мокрый снег. С наступлением ночи все покрывалось ледяной коркой — и земля, и шинель. В условиях активного наступления боевые позиции часто меняются. Поэтому приходилось совершать под покровом ночи многочасовые марши — броски. Когда устраивали привал, солдаты сбивались в кучки, обогревая друг друга не только теплом своих тел, но и теплотой дружбы. Слышались реплики на разных языках, но общим для всех был, конечно, русский язык. Раздается команда: «Строиться!». Каждый знает свое место в строю и должен убедиться, не отстал ли твой товарищ по строю. В мерном шагу клонит ко сну, но начнешь засыпать, какая-то неведомая сила уводит в сторону...

Минувшая война справедливо, названа Великой Отечественной войной. Слагаемыми этого понятия являются фронт и тыл, слившиеся воедино. Победа на фронте, была бы невозможна без неиссякаемого патриотического накала тружеников тыла, ковавших оружие и выращивающих хлеб. Рабочие и крестьяне по праву стали признаваться равноправными участниками Великой Отечественной войны и следовало бы расширить привилегии ветеранов труда тех лет.

Люди тогда о тракторах и комбайнах и не мечтали. Автомашины были мобилизованы военкоматами. Лошади и рабочие вола верно служили все годы войны и после войны. Хлеб и сено убирали вручную. Основная рабочая сила в тылу — женщина-солдатка — работала за хлебороба, грузчика,

возчика, скотника, оставаясь домохозяйкой, матерью, кормилицей малых детей, престарелых и больных родителей.

Письма с фронта приходили редко, гораздо чаще поступали похоронки со стандартным текстом. Женщины и дети разучились плакать. Получив печальное известие о гибели отца, мужа, брата, сына скорбели молча, прятали глаза скорбные, но сухие.

Летом 1943 года вернулся домой в Курумкан инвалидом и застал жуткую картину засухи: степь выгорела от палящего солнца, дым лесных пожаров застилал солнце. Зима выдалась не только голодная, но и холодная. Трудно без содрогания вспоминать, как колхозницы, сами изнеможенные, пытались поднимать за хвост скотину, как овцы общипывали друг у друга шерсть, старых людей, опухающих от бескормицы.

К счастью, следующий, 1944 год, в Бурятии выдался относительно благополучный, и те, кто пережил бедствие, мало помалу стали оправляться, и снова зазвучал призыв: «Всё для фронта, все для победы!».

Забота тыла о фронте выражалась и в широком движении по сбору теплых вещей для сотен тысяч эвакуированного населения с оккупированных территорий и включавшихся в производственные коллективы Урала и Сибири. Люди вносили в фонд обороны — на строительство танков и самолетов свои личные сбережения, ювелирные изделия, даже обручальные кольца и фамильные реликвии. Все это делали от чистого сердца, из патриотических чувств. Но самыми трогательными являлись те записки, которыми сопровождалась подарки фронтовикам, будь, то теплые рукавицы или носки. В музее РККА в Москве экспонируется варежка и записка при ней: «Дорогие мои сыновья! Примите скромный подарок и материнский привет. Желаю вам возвратиться только с победой».

Не могу не сказать несколько слов о подвижнической деятельности медицинских работников в годы Великой Отечественной войны. Я уже писал выше, что в течение шести месяцев меня лечили от полученной раны в разных эвакуогоспиталях и никогда не забуду моих лечащих врачей Марию Васи-

львну Савенок (из Белой Церкви, Украинской ССР) и Антона Ивановича Вольского (из Актюбинска).

Медицинские работники — врачи, медсестры и няни — выполняли свой профессиональный и патриотический долг в немыслимо трудных условиях, в эшелонах с ранеными бойцами. Сколько терпения, такта, внимания требовали к себе раненные. Медработники умели каждому найти ласковое слово, а ведь обожженные в танках, потерявшие зрение и слух, с оторванными руками и ногами, часто поступали в госпитали неимоверно капризные больные. Каждая палата имела своего врача со своим рабочим столом. Он питался тут же в одно время с лечащимися.

Я пребываю в состоянии морального удовлетворения от того, что мне удалось исполнить свой долг перед Родиной, защищая ее с оружием в руках в качестве солдата Советской Красной Армии». (Вспомни фронтовых друзей ветеран... — С. 37 — 40).

После возвращения в родной Курумкан бывший воин-фронтовик занимался преподавательской деятельностью. В Бурятском пединституте он трудился более 40 лет. Профессор Ж.С. Сажинов читал студентам языковедческие курсы, писал учебники и книги по методике преподавания русского языка в школе и вузе. В праздники брал в руки хур и, несмотря на свой 80-летний возраст, легким движением смычка извлекал из любимого в народе инструмента волшебные, чарующие звуки, утверждающие мир и добро.

Зима 1942/43 гг. явилась поворотным пунктом в Великой Отечественной войне. Г.К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» позже напишет: «Сталинградская битва явилась крупнейшим событием зимней кампании 1942/43 гг., событием огромного международного значения... с момента перехода в контрнаступление под Сталинградом (ноябрь 1942 г.) до марта 1943 г. советские войска в общей сложности разгромили более 100 вражеских дивизий. Конечно, эти большие победы нелегко достались нашим воинам и советскому народу. Мы также понесли крупные потери».

В другом месте он подчеркнет: «Победа наших войск под Сталинградом ознаменовала собой начало коренного перелома в войне в пользу Советского Союза и начало массового изгнания вражеских войск с нашей территории. С этого времени советское командование полностью овладело стратегической инициативой и удерживало ее до самого окончания войны».

Битва в районе Сталинграда была исключительно жестокой. С 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. было уничтожено 32 дивизии и 3 бригады противника, остальные 16 дивизий потеряли от 50 до 75 процентов личного состава.

Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги и Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и минометов, до 3 тысяч самолетов и большое количество другой техники. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии.

«Поражение под Сталинградом, — писал уже упоминавшийся немецкий генерал-лейтенант Вестфаль, — повергло в ужас, как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск».

4. Освобождение территории СССР и других стран

Несмотря на победу под Сталинградом впереди было еще много сражений. Такие предстояло преодолеть трудности, одолеть такие вражеские силы, пройти с боями такие расстояния, каких не выпало на долю других народов и его армий. Впереди была еще Курская дуга. Здесь было сосредоточено огромное количество военной техники, орудий и войск.

Достаточно сказать, что только со стороны Центрального и Воронежского фронтов в боевых действиях участвовало 1336 тысяч человек, 3444 танка и САУ, 19,1 тысячи орудий и ми-

нометов, 2900 самолетов (с учетом авиации дальнего действия и 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта). Было сосредоточено большое количество войск. Пятьдесят дней продолжалась эта величайшая по выражению Г.К. Жукова, битва наших войск с немецко-фашистскими войсками. Общие потери вражеских войск составили около 500 тысяч человек, 1500 танков, в том числе большое количество «тигров» и «пантер», 3 тысячи орудий и свыше 3700 самолетов.

Такие потери, как отмечал Г.К. Жуков, фашистское руководство уже не могло восполнить никакими тотальными мерами (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. — С. 72).

Курская битва, вернее ее результаты, имели большое стратегическое значение. В августе 1943 г. были освобождены Орел, Белгород, Харьков. Кстати, в ознаменование освобождения Орла и Белгорода вечером 5 августа в Москве был произведен первый в истории войны артиллерийский салют. Как писал К.К. Рокоссовский «Родина славил войска Центрального, Воронежского, Брянского, Западного и Степного фронтов, доблестно выполнивших свои боевые задачи» (Рокоссовский К.К. Солдатский долг. — М., 1988. — С. 220). Предстояла еще борьба за Днепр, Крым, освобождение Белоруссии. Была еще битва на Висле и Одере, взятие Берлина...

В этих крупнейших военных операциях героически сражались и наши воины — преподаватели и студенты Бурятского пединститута.

Николай Константинович Елаев

С нетерпением ждал призыва в армию учащийся Иркутского художественного училища Н.К. Елаев. После окончания курсов по подготовке командиров пулеметных и минометных взводов в 1943 году он прибыл на фронт. И в течение года не покидал передовой. Под пулями снайперов и снарядами командир минометного взвода в составе войск Центрального и 3-го Белорусского фронтов вместе с солдатами пошагал доро-

гами войны, освобождая Смоленщину, Белоруссию, польские и литовские земли, Восточную Пруссию. Был несколько раз контужен.

В своих воспоминаниях Н.К. Елаев пишет о прибытии на фронт в район Смоленска и о боях, в которых ему пришлось участвовать.

«Я с тремя офицерами был определен пока в резерв стрелкового полка, штаб которого находился непосредственно на передовой линии, где свистели трассирующие пули, взрывались снаряды. С обеих сторон вели постоянный обстрел из всех видов оружия, нейтральная полоса постоянно освещалась ракетами, и передние траншеи в некоторых местах, сходились так близко, что в затишье были слышны голоса немцев. Это я увидел сам, когда на другую ночь получил задание от командования полка разнести пакеты командирам трех батальонов. Для этого мне нужно было пройти по траншеям, наверное, до пяти километров. Надо отметить, что сооружать укрытия в этих знаменитых пинских болотах очень трудно: траншеи в низинах можно было вырывать только на лопату и бруствер делать только из дерна, а блиндажи были чуть выше колена, и мы могли только вползать. В этих местах немцы стреляли прицельным огнем и часто попадали в цель.

Мне, только что прибывшему на фронт, было, конечно, жутковато и трудно ориентироваться и лишь к утру я смог вручить пакеты комбатам. Оказалось, что третьим батальоном командовал капитан Шаракшанэ. Он сразу определил, что я тоже бурят, кое что спросил о родных краях.

В следующие несколько ночей я назначался командиром взвода саперов и под укрытием темноты, но при постоянном обстреле, ставили на нейтральной полосе минные и проволочные заграждения. Каждую такую ночь имели десятки погибших. Где-то через неделю получил назначение по специальности — командиром взвода 82 мм минометов минроты батальона Шаракшанэ. Командиром роты был грузин капитан Бегашвили Григорий Захарович, два других комзвода по имени были моими тезками и образовалась рота трех Николаев: Ма-

лютин Коля из-под Винницы, Бойков Коля из города Клин, Московской области и я, т.е. интернациональная рота. Всем нам посчастливилось пройти с непрерывными боями пешком более 700 км. через Смоленщину, всю Белоруссию, часть Польши, Литву и Восточную Пруссию.

Не везло Коле Малютину, он до Восточной Пруссии получил несколько ранений, но все время возвращался в свою роту, меня же несколько раз контузило, а Бойков Коля после ранения во время форсирования Немана, в роту не вернулся. Комроты Бегашвили в это же время перевели в штаб полка, а вместо него назначили другого капитана, очень трусливого. Он держал около себя 3 — 4 солдат, которые рыли ему срочно окоп и он давал нам распоряжения со дна своего окопа и, естественно, не знал конкретной боевой обстановки.

В зиму 1943 — 1944 года наша 88-я дивизия, получившая наименование Витебской и благодарность Верховного Главнокомандующего за освобождение Витебска и области, в составе Западного, а теперь III Белорусского фронта, в основном вела бои на дальних подступах г. Орши. Позиции нашего полка находились между железнодорожной линией и автотрассой Москва — Минск (Варшавское шоссе).

Периодами проводились разведки боем, предпринимались наступательные бои. Так, в дни празднования 8 Марта, наша дивизия, а может и армия, на большом участке фронта проводила разведку боем. За день — два были на передовую стянуты большие силы пехотинцев, орудий, танков.

Рано утром была проведена артподготовка с мощными залпами «Катюш» и тяжелой артиллерии, и началось наступление. Солдаты нашего полка вместе с прибывшими пехотинцами сплошной стеной, с криками: «Ура!», поднялись в атаку. Однако немцы оказывали отчаянное сопротивление и за весь день с большими потерями, батальонам полка удалось занять лишь первую линию траншей противника.

На третьи сутки нашему батальону под командованием Шаракшанэ, уже майора, удалось выбить врага с третьей линии траншей. Комбат всегда был со своей пехотой, сам под-

нимал их в атаку. Я слышал, что перед этой операцией Шаракшанэ предлагали занять должность заместителя командира полка, но он отказался и остался в своем батальоне. Не случайно писатель М. Бубеннов в своей книге «Белая берёза» очень высоко отзывается о Шаракшанэ и называет его «степным орлом». Он был кадровым офицером, одним из первых красных командиров — бурят из знаменитого, в нашем народе бурятского кавалерийского полка («Буркавполка»).

Уже до начала войны он был направлен на западную границу в Прибалтике и в числе первых ему пришлось встретить врага, отступить, а зимой 1941 года, под Москвой, участвовать в первых победных наступательных боях. Со своим комбатом я разговаривал всего за несколько часов до его гибели. Атаки наших солдат захлебывались, нужна была сильная поддержка огнем минометов и артиллерии. Но поскольку наши передовые позиции близко сходились с немецкими, нужна была хорошая корректировка. Комроты Бегашвили дал мне задание взять двух связистов и установить кабельную связь со штабом батальона. Это было очень рискованное задание. Шел интенсивный бой, кругом разрывались снаряды, но мы ползком между трупами тянули кабель, и когда добрались до штаба, кабель где-то уже был разорван. Комбат приказал мне вернуться, больше не рисковать жизнью и держать связь по радиации. Таким же чудом все трое доползли обратно и всего через 1,5 — 2 часа пришла весть, что наш комбат погиб. При обходе своего батальона перед новым наступлением, по очень мелким разрушенным траншеям, он погиб от прямого попадания пули в голову. Это случилось во второй половине дня 10-го марта 1944 года.

Тело комбата вынесли с передовой ночью и на другой день, со всеми военными почестями, похоронили на холме близ полностью сожженной деревни Тухиничи (не уверен в правильном названии, но она на шоссе Москва — Минск, в 90 км. до Орши).

После войны я разыскал в Улан-Удэ семью комбата — жену, двух сыновей, и они ездили на могилу отца.

После мартовских боев наша армия больше не предпринимала крупных операций. Шла подготовка к решительным наступательным боям.

В эти дни комсомольская организация полка рекомендовала меня кандидатом в члены КПСС, а перед самым началом генерального наступления, в июне 1944 года, я был принят в члены партии. Рекомендацию давала комсорг полка Аня Никандрова, погибшая геройски на моих глазах в первый же день наступления. Ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Мне не раз приходилось ее видеть в нашей роте, она готовила и сопровождала группу разведчиков, которые в темную ночь уходили через линию фронта за добычей «языков» и всегда ждала на передовой их возвращения. Запомнилась Аня смелой, интеллигентной и очень скромной девушкой, которая пользовалась большим авторитетом среди солдат и офицеров.

Представлялась на фронте в эти дни возможность выбрать время написать домой письмо и даже кое-когда заняться рисованием. По заданию начальника артиллерии мне приходилось два раза делать подробную зарисовку передних позиций противника, но особенно нравились моим ребятам их портреты с натуры, которые они отправляли домой. Некоторые из них просили рядом с ними нарисовать с фотографий их любимых девушек и обязательно с наклоненной к нему головкой. Были счастливые пары. Например, Коля Малютин уже в 1956 году, разыскав мой адрес через Министерство Обороны, писал мне в открытке: «Помнишь роту трех Николаев, когда ты в окопах под Оршей рисовал меня. Я женился на той девушке, которую ты нарисовал с фото рядом».

Очень горько сознавать, что они умерли друг за другом накануне 40-летия Победы в Красноярске. Остались их дочь и сын, педагоги, как мать.

Наша минрота вела ежедневно тщательное изучение передовой линии противника и пристрелку к вновь выявленным огневым точкам. Однажды решил уничтожить одну из таких наиболее опасных точек. Со своим ординарцем Володей (ро-

дом с Волги, фамилию забыл) выбрали хороший наблюдательный пункт, с короткой пристрелки, прямо в цель. Раздался огромный взрыв, видимо рядом с орудием было много снарядов.

В другой раз, таким же образом, накрыли одного снайпера. Он, видимо, ночью устроился под корягой ближе к нам и вел страшно губительные одиночные выстрелы. Очередная наша мина попала прямо в его окоп и выбросило его в сторону. Это видели солдаты на передовой и были глубоко благодарны нам. Надо сказать, что пехотинцы очень любили батальонных минометчиков, которые были всегда рядом и надежно прикрывали их своим огнем.

Но все это время мы с нетерпением ждали решительных наступлений, ненависть к врагу была огромна, была полная вера в победу. Мы знали, что наш фронт имеет особое значение, и что фашистское командование прилагает огромные усилия к укреплению своих рубежей, которые прикрывали кратчайшие пути в Восточную Пруссию и Польшу.

В книге «Вторая мировая война. Итоги и уроки» (М., 1985 г.) написано, что на этом участке была сосредоточена крупная группировка, основу которой составляла группа армии «Центр». Противник имел здесь 1,2 млн. человек, 9,5 тыс. орудий и минометов, 800 танков и штурмовых орудий и 1350 боевых самолетов. Но с нашей стороны было сделано все, чтобы создать решающее превосходство в силах и средствах на направлении главных ударов.

В Белорусской операции (кодовое название «Багратион»), которая началась 23 июня 1944 года, участвовало 2,4 млн. человек, 36,4 тыс. орудий и минометов, 5,2 тыс. танков и САУ, 5,3 тыс. боевых самолётов (без авиации дальнего действия).

Где-то за двое суток до начала наступления мы на переднем крае стали чувствовать нарастающую мощь наших сил. В сумерках и в ночное время прибывали живая сила и военная техника.

Я видел, например, что миномет от миномета, вширь и вглубь, располагался на расстоянии нескольких шагов, с

большим запасом мин. Все это приподнимало внутреннее душевное состояние, придавая что-то гордое, даже торжественное.

Утром 23 июня началась, мощная артиллерийская и авиационная подготовка. Невозможно словами передать, что это такое, наверное можно сравнить с сильным извержением вулкана, огненные лавы которого обрушились на головы фашистов. Все кругом грохочет, горит, земля под ногами колыхается. Это продолжалось многие минуты. Сколько же было выпущено смертельного заряда?! Началось решающее возмездие советского народа фашизму за все ужасы, и лишения, которые они принесли на нашу землю.

Преодолевая отчаянное сопротивление противника, наши передовые подразделения, во взаимодействии с танковыми соединениями и авиацией, стремительно продвигались вглубь их обороны и уже 27 июня освободили Оршу, 1 июля, наша дивизия форсировала Березину и освободила Борисов, а через день мы вступили в предместья Минска и окружили, затем и захватили в плен тысячи немецких захватчиков. Всем сейчас известно, что 17 июля по центральным улицам Москвы под конвоем были проведены 57,6 тысяч солдат, офицеров и генералов гитлеровской армии, взятых в плен в Белоруссии.

Разрушая сильно укрепленные промежуточные рубежи немцев, наши части к середине июля освободили Лиду и вышли к реке Неман. Нами было пройдено пешком и с непрерывными боями более 500 км, через всю территорию Белоруссии. За проявленное мужество, отвагу, стойкость в боях сотни воинов были награждены правительственными наградами. Наша 88-я стрелковая дивизия ранее удостоенная почетного наименования Витебской, была теперь награждена орденом Красного Знамени, а 426 полк получил наименование «Минский». Я был награжден орденом Красной Звезды.

Перед началом штурма сильно укрепленных рубежей противника на государственной границе с Польшей и Восточной Пруссией, части нашей армии в конце июля, были немного отодвинуты в тыл для отдыха и перегруппировки. Наш полк

разместился в красивом сосновом лесу. Быстро сделали вместительные шалаши из сосновых веток, а мы, офицеры, жили в брезентовых палатках. Эта короткая передышка мне, запомнилась тем, что наш полк посетил, сам командующий фронтом генерал-полковник, уже дважды Герой Советского Союза И. Д. Черняховский. Рано утром того дня меня срочно вызвали в штаб полка и дали приказ, как ветерану полка, принять дежурство по полку и встретить командующего с соответствующим приветствием и рапортом.

Конечно же, меня обеспечили текстом, который я должен был срочно выучить. Я сильно волновался, даже периодами чувствовал мелкую дрожь в ногах и в теле. Ждали полудня и увидели в небе несколько истребителей, которые низко пролетели над нами, затем услышали за опушкой гул моторов. Я двинулся в ту сторону, повторяя про себя слова приветствия. Оставив бронемашину в лесу, группа высоких военачальников во главе с командующим сошла в расположение полка. Я шел навстречу, не чуя своих ног, и где-то, не дойдя до них шагов 15, стал почти машинально произносить выученное. Черняховский и другие на ходу отдали честь, и я их сопровождал дальше до штаба мимо шалашей, затем до учебного полигона.

Командующий фронтом запомнился мне молодым, загорелым, с темными, волнистыми волосами, простым в обращении и энергичным. Был он в простой, полевой генеральской форме, без шинели. Заглядывал в шалаши, одобрял и благодарил солдат, останавливался и знакомился с боевыми листками. На полигоне внимательно осмотрел технику, орудия и после короткого совещания с командованием полка, отбыл.

Видимо, командующий решил лично изучить состояние своих войск перед штурмом цитадели прусского милитаризма.

В конце июля наша дивизия пошла в наступление по направлению города Сувалки, мы пересекли государственную границу и начали освобождение польских городов и сел.

За успешное форсирование р. Неман, освобождение г. Сувалки наш Минский полк был награжден высшей воинской наградой — орденом Боевого Красного Знамени.

Затем мы освобождали литовскую землю. Я запомнил эти красивые места с озерами и опустевшими хуторками. Помню, как освобождали небольшой городок Марцьянцы. Когда мы штурмом ворвались в него, немцы не успели и отправить железнодорожный состав, битком нагруженный оружием, продовольствием и даже скотиной и мулами. Было страшно и смешно, ибо по одной стороне состава бегали мы, а по другой — немцы.

Чувствуя скорую гибель, фашисты дрались на подступах к Восточной Пруссии с отчаянием. Иногда им удавались контрнаступления. Мне дважды пришлось испытать отступление, при втором отходе даже попасть с поредевшим полком в окружение, в котором находились более недели. На нашу круговую оборону немцы направляли тяжелые «Тигры» и «Пантеры», бомбили с воздуха. Несмотря на большие потери, полк сумел выстоять и с помощью наступления соседних армий выйти из окружения.

Успешно развивая наступление, мы в октябре вышли на государственную границу Восточной Пруссии и, прорывая мощные укрепления, углубились довольно далеко на немецкую территорию и в двадцатых числах месяца овладели городом Гольдап. Здесь развернулись еще более напряженные бои. Теперь я знаю, что за эту успешную, но очень тяжелую операцию, за прорыв обороны противника и вторжение в Восточную Пруссию, наша Краснознаменная Витебская дивизия была награждена, орденом Суворова II степени. Я был награжден вторым орденом — Отечественной войны II степени.

С начала решительного наступления 23 июня мы пешком, с непрерывными боями, прошли уже, наверное, километров семьсот по территории всей Белоруссии, через, польские и литовские земли и теперь начали окончательный разгром фашистских захватчиков в его собственном логове.

Не могу не выразить свое восхищение солдатами своего взвода. По возрасту, мы были почти все ровесники — 19 — 20 лет, кто физически покрепче, кто чуть слабее. Но какой был могучий моральный дух! Ведь за все эти сотни суровых дней и ночей, когда рядом гибли дорогие друзья, я ни разу не слышал, ни малейшего хныканья и уныния. Ведь все эти длиннейшие фронтовые дороги мои солдаты, на своих еще не окрепших плечах, пронесли каждый почти по 40 кг груза под палящим солнцем или проливным дождем, через рвы, окопы или водные преграды. Даже в условиях страшного отступления никто из них не обронил с плеч, ствол или опорную плиту миномета, винтовку и мины. Хотелось бы каждого назвать по имени, но к большому моему огорчению, они стерлись, из памяти.

Вечная слава им, они были настоящими патриотами!» (Вспомни фронтовых друзей, ветеран. — С. 23 — 31).

После армии Н.К. Елаев окончил Иркутский госуниверситет. Защитил кандидатскую диссертацию по педагогике. Профессор. Работал зав. кафедрой научных основ управления школой, деканом факультета. Многие годы возглавлял совет ветеранов БГПИ и БГУ. Заслуженный учитель Российской Федерации и Республики Бурятия.

После рассказа Н.К. Елаева вернемся к воспоминаниям Н.Д. Сордохонова о форсировании его батальоном Днепра. Дело в том, что после Курской битвы стратегическая инициатива советских войск продолжалась. Общий замысел советского командования состоял в том, чтобы разгромить вражеские силы на южном крыле советско-германского фронта, освободить всю Левобережную Украину, с ходу форсировать Днепр и захватить на его правом берегу плацдармы.

Осенью 1943 г. общее наступление шло на протяжении свыше 2 тыс. км. Немцы пытались остановить его на так называемом «Восточном вале» в районе Днепра. Поэтому для советских войск было очень важно форсировать Днепр. Забегая вперед отметим, что, проявив массовый героизм (почти 2,5 тыс. человек получили звание Героя Советского Союза), части

Красной Армии форсировали Днепр и 6 ноября овладели Киевом (История России: Новое и Новейшее время. С. 551).

Николай Дансаранович Сордохонов (продолжение воспоминаний)

Предстояло форсировать эту крупную водную, преграду. Правый берег, где располагался, враг, был более высоким и обрывистым, а левый — низким. Это порождало дополнительные трудности для овладения плацдармом.

16 октября, нас, командиров батальонов и приданных средств, собрал командир полка для уяснения обстановки и боевого приказа на форсирование Днепра. На подготовку к преодолению водной преграды нам отводилось двое суток.

Кто преодолевал водные преграды, тот знает, какой это тяжелый, изнурительный солдатский труд, тем более, что табельных переправочных средств — барж, понтонных мостов — у нас не было.

Пришлось ограничиться добытыми мелкими лодками и различными подручными переправочными средствами — сколоченными тут же на месте плотами, бревнами, калитками, воротами.

Наступило раннее осеннее утро. По реке стлался туман, в разрывах которого виднелись орудийные вспышки противника, ведущего беспощадный неприцельный огонь.

У нас все было готово для переправы на другой берег. Батальон расположился в прибрежных кустах и ждал сигнала о форсировании Днепра.

Наконец, взвились сигнальные ракеты трех цветов, и сотни людей, устремились к подручным средствам переправы.

Штаб батальона переправлялся к противоположному берегу вместе со стрелковыми подразделениями. До середины реки все было спокойно. Противник, видимо, в это утро не ждал переправы. Однако, туман начал рассеиваться, в его пелене стали сплошь проступать огромные дыры, и немцы увидели на реке громадную «флотилию» из всевозможных средств,

способных держаться на воде. Противник открыл ураганный огонь из всех огненных средств: орудий, минометов, пулеметов и автоматов. Но чувствовалось, что он растерян, огонь не организован по целям. Вот почему нам сравнительно легко и без больших потерь удалось форсировать реку. На берегу нас встретили посланные раньше разведчики и показали удобные места для занятия обороны и последующего наступления по расширению плацдарма.

Но все это были «цветочки», «ягодки» начались после полудня. Немцы крупными силами при поддержке танков двинулись на оборону, занимаемую нашим батальоном. И начались непрерывные бои за плацдарм: немцы по несколько раз в день атаковали наши позиции, но не смогли продвинуться ни на шаг. Батальон на рубежах стоял на смерть. Сотни гитлеровцев остались лежать на поле боя, десятки танков источали смрад. Это славно поработала наша артиллерия. Но мы не только оборонялись. При благоприятной обстановке мы шли в атаку, расширяли вглубь и вширь занятый плацдарм. Только после того, как саперы навели понтонные мосты и переправились основные силы армии, мы могли сделать передышку. Плацдарм мы отстояли!

Сосредоточив большие силы на плацдарме, наши войска перешли в наступление. Я помню и сейчас наименования многих сел (Александровка, Фомино — I и II, Треповка) Днепропетровской, Кировоградской и Одесской областей, которые мы освобождали.

Мы видели, какой стала поруганная земля, на которой временно находились немецко-фашистские войска, видели разрушенные города и села, слезы матерей по погибшим отцам, сыновьям, братьям и дочерям. И это вселяло в нас ненависть к врагу, стремление отомстить фашистам за их злодеяния.

29 марта 1944 года при наступлении на одно из сел я был тяжело ранен двумя пулями в обе ноги. Опять госпиталь, на этот раз в Ташкенте. В сентябре 1944 года, после выписки из госпиталя, меня направили преподавателем тактики на курсы

офицерского состава 2-го Прибалтийского фронта, откуда я и был демобилизован 15 сентября 1945 года.

После демобилизации работал на комсомольской, партийной и научно-педагогической работе, доцент, кандидат исторических наук. За ратные труды и заслуги в мирное время награжден орденами «Отечественной войны I и II степеней», «Знак Почета», многими медалями Советского Союза. Отмечен знаком «Отличник народного просвещения РСФСР» и знаком «50 лет пребывания в КПСС».

Несколько слов хочу сказать о своих родственниках, принимавших участие в боях против немецко-фашистских захватчиков.

Родной брат Доржа Дансаранович Сордохонов окончил в начале войны пединститут с отличием.

В конце 1941 года был призван в армию и в составе 212-й стрелковой дивизии в качестве командира взвода принимал участие в боях в самое трудное для нашей страны время. При обороне деревни Глушки, что находится в Могилевской области, 12 октября 1943 года он пал смертью храбрых. В извещении о его гибели говорится: «Младший лейтенант, командир стрелкового взвода 669-го стрелкового полка 212-й стрелковой дивизии героически погиб в боях за освобождение деревни Глушки, где и похоронен».

Трое двоюродных братьев — Аюша, Жалсан и Намсарай в разное время также погибли, защищая Родину. Из нашего маленького села Шарагун ушло на фронт 60 человек, из них погибли 39.

Жена — М.С. Шалтыкова — участница Великой Отечественной войны, работала врачом в эвакогоспитале Брянского и 2-го Прибалтийского фронтов, Заслуженный врач Бурятской АССР и РСФСР» (Вспомни фронтовых друзей, ветеран... С. 9–11).

Никифор Петрович Егунов

В апреле 1943 г. был призван в ряды Советской Армии Н.П. Егунов. Он был участником многих крупных военных операций. Воевал в районе Харькова, Полтавы, Кременчуга. В 1944 г., будучи на Первом Украинском фронте, принимал участие в боях за освобождение Житомира, Бердичева, Винницы, прошел пешком Польшу. Закончил войну на берегах Одера. За мужество и храбрость, проявленные в боях, награжден медалью «За боевые заслуги».

После войны Н.П. Егунов вернулся в родной Бурятский пединститут. Здесь он трудился до последних дней своей жизни (1995 г.). Он первым из преподавателей пединститута защитил докторскую диссертацию (1967 г.), стал профессором. Автор многих крупных научных и учебных работ. Ему присвоено звание «Заслуженный учитель школы Бурятии».

Доржи Баханович Васильев

Выпускника Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова Д.Б.Васильева война застала учителем школы. Несмотря на горячее желание быть там, где шло великое сражение, Д.Б.Васильеву удалось попасть на фронт в конце 1943 года. Он участвовал в освобождении Витебска, Полоцка, Липецка, других городов, в изгнании фашистских войск из Польши. Как командир взвода Д.Б.Васильев проявил себя способным грамотным руководителем, мужественным воином. Были случаи, когда ему в критические моменты приходилось брать на себя командование батальоном. В течение ряда лет Д.Б.Васильев возглавлял учительский институт, кафедру элементарной математики пединститута.

Содном-Доржо Ширапович Бадмаев

В феврале 1942 г. был призван в Красную Армию С.-Д.Ш. Бадмаев. В первые месяцы молодой солдат «обучал» в местно-

сти Сохондо, что в Забайкалье, диких монгольских лошадей, которые тысячами передавались армии. Но недолго длилась такая служба. Как пишет Н.К. Елаев, уже в августе 1942 г. С.-Д.Ш. Бадмаев направляется на фронт и в составе Калининского фронта в должности командира отделения ПТР 248-го отдельного противотанкового дивизиона 381-й стрелковой Ленинградской Красноармейской дивизии.

1942 г. был одним из тяжелых периодов войны. К осени 1942 г. фашистами были полностью оккупированы главные житницы страны: Украина, Краснодарский край, Ростовская область, а также Белоруссия, Молдавия, Крымский полуостров, все Прибалтийские республики, Ленинград был окружен со всех сторон врагами, шли бои на улицах Сталинграда. К зиме 1942 г. советские войска на всем этом огромном фронте перешли к решительным наступательным боям. В ноябре-декабре С.-Д.Ш. Бадмаев участвует в наступательных боях на Калининском фронте. Проявил себя как смелый, мужественный воин. Был тяжело ранен. После лечения в госпиталях был демобилизован из армии. Работал прокурором Курумканского района, ответственным секретарем Бурятской организации общества «Знание», главным редактором Бурятского госкомитета по телевидению и радиовещанию. Кандидат философских наук. Продолжительное время трудился доцентом Бурятского пединститута и университета.

Аюша Батуев

Не военная профессия была его мечтой, когда в 1941 г. он окончил 10 классов Ципиканской средней школы. Ему нравилось учиться, получать новые знания. Но особая любовь у него была к математике. Ей он отдавал все свободное время: посещал математические кружки, решал трудные задачи. Увлечение этим предметом переросло в большую мечту: он хотел после окончания школы непременно поступить в институт точной механики и оптики в Москве. Но начавшиеся сборы в дальнюю поездку прервала война. В связи с призывом учите-

лей-мужчин в армию, его попросили в районо поработать в начальной школе. Но когда ему исполнилось 18 лет он в феврале 1942 г. отправляется в армию, а с лета следующего года — на фронт. Воевал Аюша Батуев в артиллерийском разведывательном взводе. Духовщина — Демидов — Полоцк — Шауляй — Мемель — Тильзит — вот путь, пройденный старшиной-артиллеристом. Отличался смелостью, мужеством. В январе 1945 г. за отвагу, проявленную при прорыве вражеской обороны в районе Тильзита, он был награжден орденом Отечественной войны II степени, за участие в боях по отражению атаки немцев в районе г. Биржай (севернее Шауляя) он получил вторую награду — орден Славы III степени. Кроме орденов А. Батуев награжден медалями «За отвагу» и «За Победу над Германией». После окончания войны он возвращается в родной Баунт. 8 лет трудился в школе. В 1954 г. поступил на физико-математический факультет Бурятского пединститута. Получив диплом с отличием, он поехал работать в сельскую школу. Уместно заметить, что во время учебы в пединституте немногие знали, что А. Батуев заслуженный фронтовик.

Цей-Жаб Цыдыпович Цыдыпов

Нелегкие фронтовые дороги выпали на долю учителя начальных классов бурятской школы Ц.Ц. Цыдыпова. С начала 1943 года он на фронте. Его ратный путь пролегал через Украину, Польшу, Чехословакию, Германию, Австрию и Венгрию, он участвовал во взятии Берлина. Сержант Цыдыпов был не просто на передовой — он вел своих разведчиков в тыл противника.

Воевал он в составе 111 танково-десантной бригады 25 танкового корпуса в качестве командира отделения разведчиков. В своих воспоминаниях «Разведчики танкодесантной» Ц.Ц. Цыдыпов пишет: «Танкодесантная часть действует в тылу противника и удаляется от фронта до ста километров. У десанта нет тыла, нет заранее подготовленных окопов и укры-

тий. Десантная часть появляется неожиданно во вражеском тылу и внезапным ударом уничтожает живую силу, военную технику, разрушает средства связи, мешает продвижению к фронту вражеских воинских частей, создает панику и неразбериху. Но в то же время десантная часть — относительно небольшая сила, действует автономно, в отрыве от основных частей своих войск, поэтому не имеет возможности получить пополнение, оружие, боеприпасы, продовольствие, медицинскую помощь и т.д. Случается, попадает в окружение. Десантники на каждом шагу рискуют жизнью. Дни, проведенные в тылу, это целая цепь подвигов.

Из всех десантников больше всех достается разведчикам. Они, когда часть в движении, всегда на первом танке, поэтому принимают на себя первую пулю, первый снаряд. А когда часть останавливается, делает передвижку, они идут доставать необходимые сведения, добывать «язык». Разведчики выполняют сложную и ответственную задачу, нередко оказываясь в неожиданной и невероятной ситуации. В памяти возникает вереница боев, изнурительных и кровопролитных. О каждом из них можно написать целую повесть» (Байкал. 1985. № 2).

Нам, солдатам, наступавшим на Берлин, день Победы, конец четырехлетней изнурительной войны представлялся в виде падения Берлина. Мы ждали этого дня как желанный плод нашего нелегкого, опасного труда и знали, что скоро наступит он. Но когда дошло до нас сообщение о падении Берлина, нам было не до радости. Дело вот в чем.

Ранним утром 2-го мая наши танки шли по лесной дороге, и вышли к огороженной поляне. Танки остановились. Мы, разведчики, стояли на первом танке за башней. При свете раннего утра, через рассеивающийся легкий туман, перед нами открывалась такая картина.

У забора — лошадь, запряженная в солдатскую кухню. Крыша кухни открыта. Оттуда шел пар. Справа домик. Кругом трупы солдат, в основном наших. На самом переднем плане лежали две девушки, в солдатских шинелях, в кирзовых сапогах. Молодые и красивые. Вид у этих девушек был такой, будто они толь-

ко уснули. Кругом пышная природа. Этим девушкам только бы встать, собирать цветы, смеяться и радоваться жизни. Да, сколько мы видели убитых, но девушек ни разу. Я буквально онемел. Все молчали. Только смотрели на этих двух девушек. В этот момент Арсланбаев мне на ухо шепнул: «Пал Берлин». Таким же образом передал Володе Пичугину, он — соседу и т. д.

Никто не выражал свою радость. Никто не стрелял, никто не кричал: «Ура!».

После взятия Берлина наша танкодесантная часть была переброшена на освобождение Чехословакии. Там воевали и находились в боевой обстановке до 18-го мая. Какого числа и как наша часть торжественно отметила День Победы, не помню. Вряд ли я мог забыть. Скорее всего, когда наша часть отмечала день Победы, мы, разведчики, могли выполнять боевую задачу (Вспомни фронтовых друзей, ветеран... — С. 49–50).

За годы войны им было добыто много ценных сведений для командования, не раз рисковал разведчик жизнью. За мужество и отвагу Ц.Ц. Цыдыпов отмечен тремя боевыми орденами и рядом медалей. Бывший боец, в последующем успешно защитивший кандидатскую, затем докторскую диссертации, став профессором, многие годы возглавлял кафедру бурятского языка. Написал ряд научных работ, учебников и учебных пособий. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Бурятской АССР».

Яков Григорьевич Биренбаум

«Апрель был на исходе. Весеннее солнце грело уже совсем по — летнему, на обочинах дорог, в полях тянулись к жизни молодые листочки, изумрудным ковром слалась трава. Да, здесь в Германии, весна была такая же, как везде» — так начинается свой рассказ о фронтовике, заведующем кафедрой иностранных языков БГПИ (начало 60-х гг.) Я.Г. Биренбауме журналист Леонид Левченко.

Танковый батальон, в котором служил Яков Биренбаум крутым обходным маневром с боями шел к югу от Берлина,

врезаясь в тылы вражеской обороны. И вдруг приказ — повернуть к северу на Берлин.

Загудели под мощными траками асфальтированные шоссе. Здесь фашисты не ожидали наступления. Линия фронта была где-то сзади, сбоку, и батальон шёл, не встречая сопротивления.

Далеко впереди танковой колонны двигался отряд разведчиков-мотоциклистов. Среди них был Я. Биренбаум. Девятнадцатилетний юноша внимательно смотрел на убегающую вдаль дорогу страны, язык которой интересовал его ещё в школе. А по сторонам бежали аккуратные немецкие деревушки, поля, сады. Мотоциклисты проходили в день по 200 километров. Иногда их обстреливали. Тогда в дело вступали танки. Все шло хорошо. И вдруг... Видимо, наша авиаразведка донесла о движении в немецком тылу танковой колонны. Начались неприятности. Батальону пришлось прятаться от огня наших «катюш».

Утром 30 апреля командир батальона вызвал к себе старшину Шагина и Биренбаума.

– Пойдете с разведгруппой на соединение с нашими. Свяжитесь с командованием. Спросите, долго они ещё будут нас «утюжить»?

Через несколько минут по дороге к Вендиш-Бухгольцу мчалась группа из трех мотоциклов, бронетранспортера и лёгкого танка. Городок встретил бойцов молчанием. Пустынные улицы, разбитые окна домов. Только на окраине у высоких изгородей домиков жались к стенам толпы беженцев-поляков.

Яков прыгнул с бронетранспортера:

– Товарищи! Немцев не видели?

– Есть, пан, есть. Много. В лесу...

Он подошел к небольшой группе. Попросил провести к лесу. — Но эти люди, претерпевшие тысячи бед за годы рабства, были слишком напуганы событиями последних дней:

– О, нет, пан, не можем. Прошу пана, их там много.

Биренбаум вернулся к транспортеру.

– Что будем делать старшина?

Шагин посмотрел на дорогу, оглянулся. Где-то там впереди совсем рядом деревушка. Путь лежит через неё. А если там немцы?

– Слушай, Яша, бери «Пацана» и двигайте по кювету до деревни. Может быть, там наши...

«Пацаном» в разведгруппе звали совсем молоденького круглолицего парня-сибиряка Мишу Голубева — завязтого забияку. Тот уже поправлял автомат на боку.

– Готов?

– Пошли...

Дорога войны. Кто не видел её, не сможет представить, что это такое.

Биренбаум видел, как на противоположной стороне движется по кювету Голубев. Кругом валялось оружие, зияли на обочине уже остывшие воронки. Часто приходилось обходить трупы.

Вдруг Голубев растерянно присел, бросился в воронку. Яков оглянулся. Ему показалось, что лес шевелится. Колышутся кусты, заросли орешника. Кругом были немцы. Он тоже залёг.

Что делать? В голове проносится вихрь мыслей. За какую зацепится? Где выход!

Грязно-зелёные мундиры, казалось, заполнили весь лес.

И Биренбаум решил.

Руки вверх! Иначе стреляю! Капут! — крикнул он по-немецки. Встал во весь рост, лязгнув затвором автомата. Миша Голубев тоже подскочил, стал рядом..

Медленно поднимая руки, немцы по одному стали выходить на дорогу, бросали автоматы, тесаки. Их было много. Слишком. Ведь достаточно одного фанатика или труса. Достаточно одной автоматной очереди... Обстановка накалялась. Казалось, лес выталкивает эту вооруженную массу и ей не будет конца. Поглядывая на два автоматных ствола, фашисты, поднимали руки.

– Брось, Миша, их раздражать, — сказал Яков, закидывая автомат за спину. А сам подумал, что если дело дойдет до

драки, то они всё равно не успеют нажать на спусковые крючки.

Немцы чуточку бодрее стали выкрикивать традиционное «капут», и бойцы, узнав от них, что соседняя деревушка уже занята советскими частями, стали выстраивать их в две шеренги.

Длинный отряд, растянувшись по дороге, затопал к деревне. Впереди шагали два советских солдата. Нельзя было оглядываться, показывать этим своё беспокойство. И они шли, плотно сжав зубы. А сзади глухо шипела под кованными бутсами, видевшая виды дорога. Только у самой деревни, когда Яков Биренбаум увидел, наконец фургоны нашего медсанбата и танки с красными звёздами, он оглянулся...

Рассказывая об этом случае, Яков Григорьевич смеётся:

– Шутка сказать, взяли 70 человек двое. Ведь, по сути дела до самой деревни в плену были мы с Голубевым.

Кончался апрель. Двигалась к концу весна 1945 года. Шли по чужой земле солдаты-освободители. И каждый из них чувствовал, что скоро утихнет гул артиллерийских канонад, что их уже ждут дома.

Игнатий Александрович Соктоев

В конце 1943 г. из села Хандалы Кабанского района был призван в армию И.А. Соктоев. К тому времени ему едва исполнилось 17 лет. В 1941 году с началом войны трое старших братьев ушли на фронт. Старший брат погиб под Москвой, другой был тяжело ранен под Харьковом. Отец сильно переживал, заболел и умер весной 1942 года. Игнатий считал, что наступил его черед защищать Родину. Позже он напишет: «Я счастлив и горд, что в труднейшую для Родины годину принимал участие в борьбе нашего народа и его армии с фашизмом, пережил радость победы над ним, в отстаивании чести и независимости своей Родины» (Навечно в памяти людской... С. 12).

После окончания шестимесячной снайперской школы в Нижнеудинске И. А. Соктоев в середине 1944 г. был уже на фронте. Воевал в составе 340 стрелкового полка 46 стрелковой Лужской дивизии Ленинградского фронта. Позже пришлось воевать на 3-ем Прибалтийском, 2-ом Украинском фронтах. Участвовал в тяжелых боях за освобождение Тарту, Гданьска, при форсировании Нарвы.

И.А. Соктоев был участником Восточно-Прусской операции, в которой проявили мужество и героизм солдаты и командиры его родного 340 полка. «Полку было дано задание, — И.А. пишет Соктоев, — переправиться через реку Нарва, отгеснить врага и занять плацдарм на противоположном берегу. Я тогда был командиром стрелкового отделения. Задание было сложным. Оно предполагало переправу через реку, покрытую льдом по берегам, а посередине не замерзшей, притом под непрерывным огнем противника. Лед проваливался, мы были все мокрые при морозе 10 градусов. Но солдаты проявили большое мужество и выдержку. Особенно отличились солдаты моего отделения — автоматчики Савельев и Галиулин, ручной пулеметчик Набоко. Нашему отделению одному из первых на резиновых лодках удалось успешно переправиться, принять огонь противника на себя, тем способствуя успешной переправе других подразделений. Задание боевое было выполнено, плацдарм был завоеван. Но противник с этим не смирился, предпринял попытку отгеснить нас и вернуть захваченный нами плацдарм на побережье реки с применением танков. Но наступление противника было остановлено. Четыре танка были подбиты, остальные четыре или пять повернули назад. Я в этих боях был награжден орденом Отечественной войны 2 степени. Но были потери и в наших воинских частях» (Там же. С. 14).

В конце марта 1945 года при освобождении польского города Гданьска (по-немецки Данциг), что на берегу Балтийского моря, И.А. Соктоев был ранен третий раз. Ранение было тяжелым. Он был эвакуирован далеко в тыл. Лечился в нескольких госпиталях. В военном госпитале станции Лунино

Пензенской области услышал сообщение о подписании Германией акта о безоговорочной капитуляции и долгожданной победе Красной Армии над гитлеровскими захватчиками.

За боевые заслуги И.А. Соктоев награжден двумя орденами, многими медалями. Выпускник Бурятского пединститута, доктор исторических наук, профессор Соктоев более 30 лет трудился в Киргизии, написал ряд крупных научных работ, посвященных проблемам высшей школы, интеллигенции Киргизии. После возвращения в Улан-Удэ несколько лет заведовал кафедрой истории Бурятского университета. Под его научным руководством подготовлено 4 докторов и 16 кандидатов исторических наук. Заслуженный деятель науки Бурятии. В 1997 г. он был избран Почетным членом Сибирского отделения Академии наук высшей школы. Награжден орденом «Дружба».

Сонном Гомбоевич Дугаров

Немало подавленных огневых точек, сбитых вражеских самолетов на счету батареи, которой командовал С.Г. Дугаров. Студент Иркутского пединститута, назначенный в первые дни ведения войны заведующим районо горной Оки, он после прохождения учебы в Иркутском артиллерийском училище был направлен на фронт. Воин прошел трудные фронтовые дороги, участвуя в освобождении Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии, проявив при этом выдержку и мужество. Довелось воевать и в Манчжурии. В конце 1944 года на подступах к венгерской столице был ранен и контужен. Вспоминая о боевых действиях, о своем участии в Отечественной войне С.Г. Дугаров говорил, что в трудные минуты никто не ударил лицом в грязь, каждый был на высоте задач, выдвинутых жизнью, военным временем и Отечеством, оказавшимся в опасности. В последующие годы С.Г. Дугаров — министр народного образования республики, профессор, заведующий кафедрой пединститута. Он много сил и энергии отдал делу народного образования, подготовке учителей. За свои ратные

и трудовые дела удостоен двух боевых орденов, ордена «Знак почета», звания «Заслуженный учитель школы РСФСР». Его именем названа одна из улиц Окинского районного центра и средняя школа.

Боевой путь до Берлина и до Праги прошел выпускник института сержант минометчик М.М. Маланов. За боевые заслуги награжден орденами Отечественной войны I и II степеней и медалями. Многие годы работал учителем в школе, преподавателем педучилища. Удостоен звания «Заслуженный учитель школы Бурятской АССР». В боях с японцами отличился офицер политракторник, бывший выпускник — филолог Ц.С. Сультимов. Кроме двух боевых орденов он отмечен монгольским орденом Полярной звезды.

Александр Гуружапович Гуружапов

А.Г. Гуружапов был профессиональным военным моряком. Хотя в детстве и мечтал о военной профессии, но выбрал профессию учителя. Закончил педучилище, поступил в Иркутский пединститут. Но случилось так, что его в 1940 г. призывают в Советскую Армию. И здесь осуществляется мечта детства — служба в морском флоте. О его дальнейшей судьбе хорошо написал профессор Н.К. Елаев. Мы воспользуемся его статьей. «После службы в морской авиации Тихоокеанского флота, — пишет Н.К. Елаев, — он как отличник военной подготовки направляется на учебу в Ленинградское военноморское политическое училище. После его окончания в звании лейтенанта и в должности заместителя командира роты по политической части участвует в боевых операциях по освобождению эстонских островов в Финском заливе и Балтийском море. На политработников возлагались задачи по патристическому воспитанию личного состава и политическому обеспечению выполнения боевого задания. Молодой политрук личным примером мужества, верой в победу старался поднимать боевой дух моряков. За успешное выполнение своих обязанностей и участие в разгроме немецко-фашистских захват-

чиков в военно-морской крепости Кронштадте А.Г. Гуружапов был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

После войны опытный политработник назначается старшим инструктором политуправления Краснознаменного Балтийского флота, принимает участие в подготовке и проведении боевых учений и морских походов военных кораблей. За заслуги в службе был награжден вторым орденом Красной Звезды.

Тяжелые морские походы и сражения еще более закаляли целеустремленный характер Гуружапова. В 1948 г. он поступает в Высший военно-педагогический институт и после его окончания в 1952 г. работает преподавателем в Высшем военно-морском училище. В эти годы начинается увлеченно заниматься научно-исследовательской работой... За период работы в училище он успешно сдает экзамены по кандидатскому минимуму и начинает работу над диссертацией ... В 1964 г. после 25 лет службы на флоте, увольняется по выслуге лет в звании капитана II ранга и награждается медалью «За безупречную службу» (Они сменили штык на перо. — Улан-Удэ, 2002. — С. 75).

После возвращения в родные края, в Улан-Удэ, А.Г. Гуружапов становится преподавателем Бурятского пединститута, защищает кандидатскую диссертацию. Ему присваивается звание доцента. В течение ряда лет избирается секретарем парткома Бурятского пединститута, заведующим кафедрой истории КПСС.

Ныне капитан I ранга А.Г. Гуружапов встречает свой 96 год. Пожелаем ему доброго здоровья и бодрого боевого настроения.

Владимир Иосифович Затеев

В июне 1941 г. закончил 10-й класс Баргузинской средней школы В.И. Затеев. 22 июня прозвучало по радио обращение министра иностранных дел В.М. Молотова к советскому

народу о нападении на СССР фашистской Германии и начале войны.

Что делать? Для Владимира Затеева, так же как и для других выпускников Баргузинской школы ответ был однозначен: идти в армию, на фронт. Надо защищать Родину. И чем раньше, тем лучше, «не то война может окончиться без нашего участия». Но опытный военком П.Н. Этинг ответил, что войны, по всей видимости, хватит на всех. К тому же в армию берут лишь по исполнению 18 лет, а им — выпускникам — 17.

Через год В.И. Затеев был призван в армию и направлен в Иркутскую военную авиационную школу авиамехаников, после окончания которой в конце 1943 г. — в действующую армию. Служил в военной части, базировавшейся в г. Иваново (аэродром «Северный»). Отсюда подготовленные авиамеханиками американские «кобры» отправлялись в районы боевых действий. Работа авиамеханика, на первый взгляд, малозаметна, на самом же деле, была весьма значимой, требовала большой тщательности в работе, ответственности, выполнялась не только днем, но и ночью, нередко на лютom морозе.

Сам В.И. Затеев так пишет о своей службе: «Работа авиамехаников была и сложной, и трудной. Благо помогали командиры и более опытные товарищи. Взаимная помощь и выручка были вполне естественным и бескорыстным делом: все знали, что трудятся ради приближения победы над ненавистным врагом. Обычно в летную погоду мы, механики, обслуживали машины во время тренировочных полетов, в нелетную погоду занимались ремонтом техники, регламентными работами, готовили к эксплуатации новые самолеты, которых в распоряжении каждого механика иногда было до десятка. А, вообще, на аэродроме авиабригады в определенные периоды скапливалось до нескольких сот «кобр», полностью подготовленных для использования в боевых действиях и передачи на фронт» (Там же. — С.37).

После демобилизации из армии в 1945 г. В.И. Затеев возвращается в родной Баргузин, а в следующем году поступает на философский факультет Московского государственного университета им.

М.В. Ломоносова. В последующем он защищает кандидатскую и докторскую диссертацию по философии. В.И. Затеев — первый доктор философских наук в БГПИ. Около 30 лет заведовал кафедрой философии Бурятского пединститута и университета. Профессор В.И. Затеев — автор многих крупных научных работ и учебных пособий. Внес большой вклад в развитие философской мысли в Бурятии. Награжден орденом Дружбы народов, многими медалями. Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Бурятия. В 1986 г. избран Почетным членом Сибирского отделения Академии наук высшей школы.

Владимир Никифорович Обожин

Фронтная судьба В.Н. Обожина так же, как В.И. Затеева, связана с авиацией. Правда, среднюю школу он окончил на год раньше, в 1940 г. И был призван в ряды Красной Армии, где получил направление в Иркутскую школу авиамехаников. После ее окончания в марте 1941 г. в звании сержанта авиатехслужбы был определен в 19-й авиаполк пятой запасной авиабригады. Там он в качестве авиамеханика прослужил четыре года. Был демобилизован из армии в 1945 г. в звании старшины авиатехслужбы. Во время службы был награжден медалью «За боевые заслуги».

В год демобилизации поступил в Бурятский пединститут. В последующем окончил аспирантуру Института геологической и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию. В течение многих лет работал заведующим кафедрой, деканом факультета, проректором по науке. За успешную научно-педагогическую деятельность удостоен звания Заслуженного деятеля науки Бурятии и награжден орденом Дружбы народов.

Николай Иванович Шабанов

Он в годы войны был кадровым военным. Его ратный труд начался в далекие годы гражданской войны. Боец ЧОНа, пулеметчик, политрук, военный комиссар — далеко неполный перечень должностей воина, сражавшегося с басмачами в Средней Азии. В годы Великой Отечественной войны Н.И.Шабанов участвовал в боевых сражениях, затем по решению ГКО СССР был направлен на командно-штабную работу. Подполковник Н.И.Шабанов в течение многих лет возглавлял в институте работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Кавалер многих боевых наград Н.И. Шабанов был большим патриотом Родины.

Как видим преподаватели, студенты и служащие пединститута принимали активное участие в борьбе против фашистской Германии. Трудно назвать фронт, где бы ни сражались воины из Бурятии. Вряд ли есть такой город, который не штурмовали наши земляки. Везде они проявляли мужество, отвагу, приближали час победы. Авторы не имели возможности в книге подробно рассказать о боевом пути, подвиге каждого воина, о штурме сотен городов, крепостей, преодолении водных преград. Общим коллективным результатом героической борьбы является окончательный разгром гитлеровской Германии. В Берлине была поставлена последняя точка в битве советских и германских войск. Гитлер сопротивлялся до последнего. Он рассчитывал на приход американских войск и их столкновении с Красной Армией. Но его планам не суждено было сбыться. Разгром гитлеровской Германии был результатом Берлинской операции, осуществленной Советской Армией силами трех фронтов. Эта операция готовилась с исключительной тщательностью. Было подтянуто огромное количество техники: 41600 орудий и минометов, 8000 самолетов, 6300 танков прорыва и т.п. Боевой дух войск, наступавших на Берлин, был чрезвычайно высок; советские воины стремились возружить Знамя победы над Берлином.

На рассвете 16 апреля 1945 г. артиллерия открыла ураганный огонь по вражеским укреплениям, в атаку двинулись танки, которые поддерживали с воздуха наши самолеты. Оборона фашистских войск, несмотря на их отчаянное сопротивление, была прорвана. Развернулось сражение внутри города, которое носило крайне напряженный характер. В ночь на 1 мая над рейхстагом было водружено Знамя победы.

2 мая командование Берлинского гарнизона капитулировало. Гитлер и Геббельс покончили жизнь самоубийством. Свыше 300 тыс. немецких солдат и офицеров сдались советским войскам. В ночь с 8 на 9 мая представители немецкого главнокомандования подписали в Берлине акт о безоговорочной капитуляции (Краткая всемирная история. В двух книгах. Кн. вторая. Под ред. А.З. Манфреда. М., 1966. С. 271–272).

Всего на советско-германском фронте было разгромлено 506 дивизий Германии и не менее 100 дивизий ее сателлитов. Людские потери Германии в войне с Советским союзом достигли 10 млн. человек — 73,5% общих потерь вооруженных сил Германии во второй мировой войне. За время войны Красная Армия уничтожила до 77 тыс. самолетов, 48 тыс. танков, 167 тыс. орудий врага (Там же. С. 274).

Так завершилась война, развязанная гитлеровской Германией. Советский Союз одержал великую победу. Оценивая ее результаты, Г.К. Жуков подчеркнул: «Величие исторической победы Советского Союза в борьбе с фашистской Германией состоит в том, что советский народ отстоял не только свое социалистическое государство. Он самоотверженно боролся за пролетарскую, интернациональную цель — избавление Европы и всего мира от фашизма, за то, чтобы принести измученным войной народам долгожданный мир» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 344).

5. Разгром милитаристской Японии

Война с фашистской Германией была в самом разгаре, когда советское руководство дало принципиальное согласие руководителям США и Великобритании о помощи в войне против Японии (конец 1943 г.). В феврале 1945 г. на Крымской конференции руководители трех государств «согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии, окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников» («Тегеран — Ялта — Потсдам». Сбор. документов. Изд. 2-е. М., 1970. С. 199–200).

5 апреля 1945 г. советское правительство уведомило Японию о расторжении заключенного 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете. Официальной причиной было несоблюдение Японией условий пакта. СССР заявил, что: «в нарушении 1 статьи пакта Япония оказывала многостороннюю помощь Германии; закрыла для советских судов все проливы, оставив лишь самый неудобный и опасный пролив Лаперуза; японцы задерживали и даже топили советские суда (за 1941–1945 гг. было потоплено 18 советских судов); нападение Японии на США и Англию также освобождало СССР согласно 2 статьи пакта от всех обязательств (История России: Новое и Новейшее время. С. 558). 8 августа СССР объявил войну Японии, а 9 августа передовые и разведывательные отряды трех фронтов и Тихоокеанского флота устремились на территорию противника.

Советские войска в наступлении против Квантунской армии взаимодействовали с войсками МНР и Китая.

В вооруженной борьбе против Японии принимали активное участие и воины из Бурятии, в том числе преподаватели и студенты Бурятского пединститута».

Иван Александрович Батудаев

В октябре 1940 г. получил повестку из военкомата И.А. Батудаев, а через несколько дней уже был зачислен красноармейцем первого отделения саперного эскадрона 8-й кавалерийской дивизии Первой Краснознаменной Армии. Эскадрон дислоцировался в Приморье на станции с необычным названием Камень-рыболов. В августе 1942 г. И.А. Батудаев был направлен в Хабаровское военнопехотное училище, после окончания которого ему было присвоено воинское звание лейтенанта.

Он был назначен командиром взвода 211 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. Полк располагался в г. Гродеково, что недалеко от озера Ханка. Наступление на позиции японцев началось 9 августа 1945 г. И.А. Батудаев с подъемом, душевным волнением встретил приказ о начале наступления. Наконец-то закончилось «сидение», начинается настоящее дело. Ведь собственно мы и призваны, думалось офицеру, чтобы с оружием в руках защищать свою Родину. А то закончится война (фашистов уже разгромили) и окажется, что ты не воевал, а просидел в болоте на Ханке. И все же тревожно было на душе.

Первая Краснознаменная армия входила в состав Первого дальневосточного фронта. Ею командовал генерал армии Герой Советского Союза А.П. Белобородов. Иван Александрович много слышал о генерале и гордился, что служил под его началом. Армия Белобородова должна была нанести главный удар в общем направлении на Бамяньтун (Мулин) и к исходу третьего дня наступления преодолеть 30 километровую горно-таежную полосу, на восьмой день овладеть городом Мулин, а сильным передовым отрядом занять Линкоу, к исходу восемнадцатого дня операции главными силами выйти на рубеж реки Муданьцзян севернее города того же названия.

Но, как вспоминал И.А. Батудаев, первые дни продвижения армии было особенно трудным. Трудности были связаны, прежде всего, с характером местности и неблагоприятными

погодными условиями. Войскам пришлось одолеть 12 — 18 километровый район тайги, пересеченный болотами, речушками и ручьями. Грунт был вязкий, и полотно колонного пути постепенно превращалось в сплошное месиво. Движению пехоты вне колонных путей препятствовал густой кустарник, переплетенный лианами и диким виноградом.

После проливного дождя болотистые участки сделались еще более труднопроходимыми. Особенно трудно было прокладывать путь для артиллерии. В полосе 22 стрелковой дивизии, по которой шел со своим взводом И.А. Батудаев, для артиллерии и части тылов было построено дорог со сплошной жердевой и хворостяной выстлакой до 8 км. В первый день наступления преодолели 5-6 км. Солдатам взвода станковых пулеметов, которым командовал И.А. Батудаев, приходилось тащить пулеметы на себе.

Кроме того, на плечах несли патроны, противогазы, гранаты, саперные лопаты и другую амуницию. Бойцы шли с ног до головы мокрые.

Стояла задача взять город Муданьцзян. Он был сильно укреплен. На его подступах японцы возвели железобетонные доты. Стремясь не допустить советские войска на окраину, они взорвали два железобетонных и один бетонный мосты у пригородной станции Эхэ.

Используя реку Муданьцзян в качестве естественного рубежа, японское командование создало вокруг города сильную оборону два оборонительных обвода. Внешний обвод состоял из двух оборонительных позиций, включавших большое количество долговременных и дерево-земляных сооружений. Перед каждой позицией находились противотанковые рвы, а перед первой — минное поле и проволочные заграждения. Город обороняли крупные силы противника, отряды смертников.

Пехотинцам здорово помогла авиация, артиллерия. С огромными трудностями форсировали реку Муданьцзян. Враг оказал отчаянное сопротивление. Шли упорные бои за каждый квартал, улицу, дом. Лишь к вечеру 17 августа город был взят. В этом бою под шквальным огнем противника оказался взвод

И.А. Батудаева. Несколько человек было убито. Сам командир был ранен осколком гранаты в ногу.

*Советские бойцы в наступлении.
Большой Хинган. Август 1945 г.*

Взвод И.А. Батудаева в составе 26 стрелкового корпуса продвигался дальше. Утром 20 августа 1945 г. советские войска вошли в Харбин. Под ударами наших войск были сломлены

последние очаги сопротивления японцев в Северо-Восточном Китае, в Северном Китае, на Южном Сахалине, на Курильских островах. 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури», вошедшего в Токийский залив, был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. Капитуляцией Японии завершилась Вторая мировая война.

Война окончена. Все ее участники воины-дальневосточники чувствовали себя победителями. И.А. Батудаев испытывал чувство радости за победу, доставшуюся с таким трудом, чувство исполненного долга перед Родиной, перед своими земляками далекой Хахи. Находясь на чужой земле, как ее освободитель, он был полон гордости за свою страну, за ее богатырскую силу, несокрушимую мощь, перед которой преклоняется мир. Казалось, нет большего счастья, как быть воином, гражданином того несокрушимого единства, каким является Советский Союз.

В 1947 г. И.А. Батудаев вернулся домой в звании капитана. Потом была учеба в Бурятском пединституте, в Академии общественных наук при ЦК КПСС, работа в Бурятском обкоме КПСС, сельхозинституте. Почти 20 лет бывший воин возглавлял Бурятский государственный пединститут, многое сделал для его укрепления и развития. За ратные и трудовые успехи профессор И.А. Батудаев награжден орденами Отечественной войны, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», многими медалями. Ему присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки Бурятия и заслуженного учителя школы республики.

Борис Дамбаевич Санданов

Его фронтовая биография связана с Забайкальским фронтом. Он участвовал в освобождении Маньчжурии, в штурме Большого Хингана, мужественно сражался с японскими захватчиками. Правда, как справедливо пишут о своем отце его взрослые дети Светлана Борисовна, Валерий Борисович и Юрий Борисович, Борис Дамбаевич как и большинство его сверстников-фронтовиков не очень много говорил о своих бо-

евых делах. Чаще всего рассказывал какие-то смешные или любопытные случаи, бытовые истории, лишь иногда описывал батальные сцены, участником которых был. С военных лет сохранились немногие пожелтевшие фотографии, с которых смотрит молодой, красивый, подтянутый старшина. В памяти его детей остались рассказы, как после призыва в армию осенью 1942 г. он оказался в учебном полку, как рвались солдаты на Западный фронт. Но судьбе было угодно, чтобы воин защищал свою Родину на Востоке, от угрозы агрессивного соседа — Японии, захватившего чужие страны. Воевал он в должности помощника командира взвода, старшины стрелковой роты.

За свой ратный воинский подвиг Б.Д. Санданов был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др.

После войны он трудился на комсомольской работе, продолжительное время возглавлял Комитет по физической культуре и спорту Бурятии.

В течение 17 лет являлся деканом факультета физической воспитания Бурятского пединститута. Много сделал для создания и укрепления его материальной базы. В 1993 г. ему было присвоено звание профессора. Он «Заслуженный работник физической культуры РСФСР» и «Заслуженный работник культуры Бурятской АССР».

Любить Отечество

С честью и достоинством выдержали суровый экзамен войны, проявив силу воли и мужество и другие преподаватели, рабочие и служащие института. Многие из них удостоены высоких боевых наград. В их числе бывший начальник кафедры ГО Н.Б. Банзаракцаев, доцент кафедры социологии и политологии Г.Г. Богданов, бывший заведующий кафедрой физвоспитания Л.Н. Устинов-Иванов, бывший редактор газеты «За педагогические кадры» К.Г. Карнышев, бывший комендант учебного корпуса №2 З.Е. Павлова, преподаватели математи-

ческих кафедр А.Н. Олейников, Б.Н. Смирнов, Д.А. Хайдапов, Э.Т. Семенов, доцент кафедры бурятского языка И.С. Хамгушкеев, бывший заведующий кафедрой литературы профессор А.А. Белоусов, бывшие проректоры по научной работе профессор И.В. Измайлов, доцент М.А. Рещиков, бухгалтер А.Ф. Русина, работники хозчасти Ф.Г. Мордеева, Т.В. Власов, В.Л. Дубченко.

Это они, как и миллионы людей страны, надевшие в сороковые годы солдатские шинели, спасли Отечество от позора быть порабощенным, отстояли его для живущих и будущих поколений. Они явили собой пример подлинных патриотов, защитников своей Родины. К сожалению, совсем недавно на страницах некоторых газет и журналов любовь к Родине объявлялась пережитком, а патриотизм — признаком отсталости нашей психологии, сознания. Раздавались призывы отбросить прочь эти понятия и возлюбить все человечество. Не отрицая важности общечеловеческих мировоззренческих ценностей в сознании людей, автор этих строк глубоко убежден, что без любви к родине, без уважения к земле, к могилам предков не может быть и любви к человечеству. «Мнить, что для любви к человечеству, — писал Г. Каменский, — нужно отказаться от любви к отечеству, было бы также нелепо, как утверждать, что для этого нужно отказаться от любви к отцу и матери. Не может действительно любить человечество тот, кто является плохим сыном отечества... Те, которые любят свой народ, а, следовательно, свое отечество, тем самым любят все человечество и являются украшением и честью человеческого рода, а не его позором и недугом». Любовь к родине у всех народов во все времена независимо от существовавших политических систем, идеологии — всегда была величиной неизменной. «Человек без Родины, — писал известный мексиканский писатель и общественный деятель Хосе Мансисидор, — все равно, что человек без матери». Трудно не согласиться с автором этих слов.

В последние годы изменилось отношение к патриотизму, к необходимости формирования его у современной молодежи.

Речь идет не об искусственной демонстрации своих патриотических чувств, не о проявлении этих чувств по команде политических начальников или им в угоду, а о воспитании глубоких, истинных чувств любви к своему народу, Родине, стремлении сделать ее лучше, богаче, интереснее.

Вызывают к себе добрые чувства те молодые люди, которые понимают и ценят подвиг своих отцов и дедов. Бывшая студентка — филолог Н. Орлова так выразила свое отношение к ветеранам: ... Что я скажу, узнавшая войну из книг, рассказов, кинофильмов,

Тем, кто Россию защитил
и не одну
Ее от рабства спас.
Чем отплатить за седину,
Виски посеребрившую так рано?
И как вернуть солдат, что не пришли
Их матерям, их вечно ждущим мамам?

Пали смертью храбрых

К сожалению, не всем довелось дожить до счастливых дней Победы. 16 августа 1943 г. погиб бывший студент-историк Р.Ш. Башкуев. За полгода до своей гибели он писал своим родным: «С 10 июля по декабрь мой расчет уничтожил 89 фашистов, 15 автомашин, 7 орудий, 19 повозок с грузом. У меня 2 правительственные награды, представлен в третий раз, но еще не получил.

... Как мне хочется жить, хочется счастливой жизни. Мне не хочется, чтобы нашу родную землю топтали фашисты. Поэтому воюю, никто не может нас остановить, если человек стремится к цели. Не знаю страха перед смертью, именно все мы полны этим моральным духом.

Гордитесь, что ваш второй брат воюет на фронте и бьет врага. Веду за собой бойцов бить врага. Помню ваши слова: «Воюй крепко». Да, воюю, и буду еще крепче бить врага.

Не плачьте, родные, если услышите о моей смерти. Знай, милая сестра, что твой брат сложил голову за Родину. Мое место займут другие. Не беспокойтесь, не подведу!».

Не вернулся в родной институт декан литературного факультета С.И. Щербаков. Как один из наиболее одаренных выпускников 1937 г., он был оставлен на преподавательской работе, вскоре возглавил факультет. Все считали, что у бывшего отличника учебы, комсорга института большое будущее. Но судьба распорядилась по — другому. Он ушел воевать. Был политработником, фронтовым корреспондентом. После тяжелого ранения умер в госпитале.

Погиб в боях под Воронежем и самый старший из выпускников 1937 г, Илья Вершинин. В год получения диплома ему исполнилось 26 лет. Еще до учебы в институте он был сельским активистом, ликвидатором неграмотности. Ушел в армию из Нижнеангарской средней школы.

Не пришел после окончания войны в Агинское педучилище выпускник пединститута предвоенных лет Барадий Ламажапов. Командуя ротой лыжников, пал смертью храбрых в боях за Ленинград.

Погиб незадолго до окончания войны выпускник биолого-химического факультета 1941 года Г.Б. Будеев. В письме Улан-Удэнскому военкому Бурят-Монгольской АССР командир 496 полка резерва Главного командования подполковник Зайкин и начальник штаба майор Шведовский писали: «Прошу известить гр. Егунову Агафью Петровну, проживающую в г. Улан-Удэ, ул. Кооперативная, дом №12, о том, что ее муж командир взвода лейтенант Будеев Григорий Баторович в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 22 сентября 1944 года и похоронен с отдаением воинских почестей вблизи церкви села Шавна, Саконского района, Краковской области».

Пал на поле брани на Могилевщине выпускник института 1941 года, отличник учебы Д.Д. Сордохонов. Об этом написал в своих воспоминаниях Н.Д. Сордохонов. Два года берегла судьба мужественного воина. В конце 1943 года родные полу-

чили сообщение: «Младший лейтенант, командир стрелкового взвода 669 стрелкового полка 212 стрелковой дивизии Сордохонов Доржи Дансаранович героически погиб в боях за освобождение деревни Глушки, где и похоронен».

Из Манчжурии пришла похоронка В.А. Хамгашаловой, сообщавшая, что ее муж лейтенант интендантской службы Хамгашалов Александр Михайлович «погиб 7 сентября 1945 г., похоронен на ст. Тайлай в палисаднике двух стандартных железнодорожных домов».

Не вернулись с фронта, до конца исполнили свой воинский долг преподаватели: И.Н. Манжеев, Е.И. Халтаев, Д.В. Ширимов, А.И. Шулик, С.В. Ерженин, студенты: Афанасий Алексеев, Далай Асташкин, Кузьма Абагаев, Дамба Баторов, Ринчин Бадмаев, Николай Бакутин, Валентин Васильев, Иллюодор Ваганов, Давид Гроссман, Федор Дейков, Степан Ильин, Урбан Заяханов, Василий Кондаков, Михаил Смирнов, Михаил Степанов, Анатолий Хуторной, Африкан Щукин, Алексей Шапхаев.

Их имена свято чтят преподаватели и студенты вуза. В память о их подвиге на фронте главного корпуса университета установлена мемориальная доска, на которой высечены имена воинов, отдавших жизнь за Родину.

Глава II

РАБОТА ВУЗА В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

1. Перестройка деятельности института. Проблемы набора студентов

Ратные дела на фронтах Великой Отечественной войны умножали силы тех, кто продолжал учебу и работу. Преподаватели и студенты с исключительной энергией принялись за перестройку своей учебной, научной и воспитательной работы в соответствии с требованиями военного времени: «Все для фронта, все для победы». Уже через несколько дней после начала войны преподаватель института, директор Ботанического сада В.А. Святогор заявил: «Мы работаем с удвоенной энергией для блага нашей Родины» (НАРБ, ф.; 666, оп.1/3, л. 15, 18).

С патриотической инициативой выступили студенты. Они обязались отлично учиться и ударно работать в колхозах. Это начинание нашло горячий отклик в среде молодежи. В газете «Бурят-Монгольская правда» 3 июля 1941 г. секретарь обкома ВЛКСМ А. Модогоев писал: «Замечательная инициатива студентов педагогического института и учащихся школы № 1 города Улан-Удэ подхвачена всеми учебными заведениями республики. Повсюду ученики заявляют: «На подлое вероломство германского фашизма мы ответим не только отличной учебой, но и ударной работой в колхозах. Помогая колхозникам в сеноуборке, в прополке и уборке урожая, мы тем самым помогаем нашим братьям, которые сражаются против озверелого германского фашизма». В учебных заведениях города более 1500 учеников и студентов изъявили желание ехать в колхозы». Это желание было подкреплено практическими делами.

В сентябре 1941 года состоялся Ученый совет института, определивший задачи коллектива в новом учебном году. В докладе директора института А.А. Дуринова говорилось о том, что вся деятельность вуза должна быть подчинена условиям военного времени, она должна исходить из установки И.В. Сталина: «Все наши силы — на поддержку героической Красной Армии, нашего славного Красного флота. Все силы народа — на разгром врага». Этот призыв стал боевым лозунгом, определявшим жизнь и труд каждого советского патриота.

Обстановка военного времени потребовала перестроить по-новому работу пединститутов, университетов, — они переходили на 3-летний срок обучения. В связи с этим были пересмотрены учебные планы по всем факультетам, установлен порядок перехода на занятия по новым учебным планам. Учебные планы были уплотнены, поэтому устанавливался 7-часовой (в среднем) рабочий день в течение всего учебного года.

Важнейшей задачей коллектива института по-прежнему оставалась борьба за качество высшего образования, за качество знаний студентов, дополненное военной подготовкой.

Директор института обращал внимание на то, чтобы в каждом учебном предмете, преподаваемом в институте, будь-то физика, химия, математика, история, литература, языки, темы и разделы программы изучались студентами в тесной связи с их оборонным значением, чтобы значительно был расширен круг практических навыков, полезных для будущего бойца. Этой же задаче должны служить военно-физкультурная и военно-санитарная подготовка студентов.

В постановлении Ученого совета указывалось:

готовить педагогические кадры темпами военного времени в течение двух-трех лет, с этой целью в первую очередь надо добиться образцовой учебной дисциплины: ни одного пропуска лекции преподавателями или студентами, неуклонное выполнение студентами поручений, указаний и заданий, каждый студент обязан работать систематически над собой, над спе-

циальными учебными предметами, особенно над основными: марксизмом-ленинизмом, иностранным и русским языками, своевременно сдавать зачеты и экзамены; считать обязанностью каждого студента посещение занятий по военному делу, каждый студент, каждый научный работник обязан быть бдительным на каждом шагу, разоблачать шпионов, диверсантов и т. д. (НАРБ, ф; 666, оп. 1/3. л. 15, 18).

Это решение легло в основу деятельности института не только в 1941/42 учебном году, но и в течение всех военных лет. Однако начало работы вуза в новых условиях было связано с большими трудностями. Одна из них — сохранение и пополнение контингента студентов. В связи с призывом в армию, а также прекращением учебы частью студентов из-за трудного материального положения количество обучавшихся в вузе резко сократилось. На Ученом совете, который состоялся в феврале 1942 г. с тревогой говорилось о том, что в институте осталось всего 150 студентов, что якобы в Наркомпросе РСФСР поговаривают о слиянии его с Читинским пединститутом. Надо заметить, что это не было ложной тревогой. К марту 1942 г. 87 вузов страны были слиты с другими. Трудности набора были связаны с малым количеством выпускников средних школ, при этом около половины из них подлежали призыву в армию, а также невозможностью многими выпускниками продолжить учебу в вузе.

Но проблема заключалась не только в малом количестве выпускников средних школ, но и в том, что она приобретала еще большую остроту в будущем. Ведь многие подростки работали на производстве, не имея даже семилетнего образования. Перспективы получения ими не только среднего, но и семилетнего образования были весьма туманными. В целях решения этой проблемы государством был предпринят ряд мер. Чтобы дать возможность подросткам, занятым на производстве, продолжать образование без отрыва от производства, в 1943 г. было открыто более тысячи общеобразовательных школ рабочей молодежи. Были созданы семилетние школы

сельской молодежи. В школах с 1944 г. были введены экзамены за курс начальной и семилетней школы.

Необходимость в короткое время обеспечить школы педагогами подняла роль учительского института. При этом как в педагогическом, так и в учительском институтах расширились масштабы заочного обучения.

С конца 1942 г. при пединституте начали функционировать постоянно действующие курсы по подготовке учителей 5-7 классов.

Проблема набора. С целью привлечения в институт молодежи дирекцией, преподавателями проводилась разъяснительная работа в школах с учащимися 9-10 классов, широко использовались газеты, радио. Помогали в этой работе учителя, органы народного образования.

Тем не менее в 1942 г. план набора в институты не был выполнен. На 1 декабря 1942 г. на первых курсах педагогического института обучалось 72 студента при плане 90, учительского института — 50 студентов при плане приема 120. Недобор в оба института составил 88 человек. На вторые и третьи курсы обоих институтов было принято 23 человека (Хабаев М.П. Очерки истории формирования высшего педагогического образования в Бурятии. — С. 66.). И все же, несмотря на трудности, в последующие годы набор студентов осуществлялся более успешно, что обеспечило рост числа студентов. Так, если в педагогическом и учительском институтах в 1941-42 учебном году обучалось 515 человек, то в 1944/45 учебном году — 816, в том числе 128 и 334 человека с отрывом от производства (Там же).

Среди поступающих в институты многие имели плохие знания. В отчете учительского института за 1944-45 учебный год отмечалось, что некоторые студенты делают до 80-90 орфографических ошибок в диктанте, состоящем из 120 слов, имеют слабые познания в области физико-математических дисциплин. Не давали желаемого результата и открытые в конце 1943 г. вместо прежнего рабфака подготовительные курсы, на которых вместо 100 человек обучалось немногим

более 30, и то, из них лишь половина становилась студентами учительского института.

Многие студенты, проучившись в институтах месяц-два, оставляли учебу, уезжали домой. Например, в течение 1943-44 учебного года выбыло из педагогического и учительского институтов 140 человек. Основными причинами отсева являлись семейные обстоятельства, вызванные уходом в армию кого-либо из членов семьи, переводом родителей на работу в другие города, а также неуспеваемость.

Война изменила и демографический облик контингента студентов. Он стал почти полностью женским. Так, в 1943 г. (октябрь) из 256 студентов педагогического института женщин было 239, мужчин — 17. В учительском институте было 178 студентов, в том числе 163 женщины и 15 мужчин. Короче говоря, в студенческом коллективе обоих институтов на 100 девушек приходилось в среднем 7 парней (НАРБ, ф. 666, оп. 1/14, л. 119, 120.).

В составе студентов преобладали представители русской национальности. Это объясняется тем, что число русских в Бурятии в 3,5 раза превышало число бурят. Буряты, составляя в те годы 21 % населения республики, были представлены в педагогическом институте 32,2%, и в учительском — 39,1 % от общего количества студентов, то есть их доля в составе студентов была в 1,5 — 2 раза больше, чем доля бурят в населении республики (Там же).

Условия учебы и быта студентов. Наряду с организацией набора студентов решалась не менее трудная задача размещения их. В августе 1941 г. основной учебный корпус института (на углу улиц Сухэ-Батора и Ленина) и общежитие студентов по решению Совнаркома Бурятии были переданы под эвакуогоспиталь для раненых.

Педагогическому и учительскому институтам пришлось размещаться в небольшом одноэтажном здании бывшей школы водников (где ныне здание телерадиокомпании и Министерства лесного хозяйства республики). Часть студентов была поселена на курсовой базе обкома ВКП(б), а часть — в

бывшем общежитии института усовершенствования учителей. Многие жили на частных квартирах.

Учебные помещения и общежитие отапливались дровами. У преподавателей и студентов много сил и времени уходило на заготовку дров, их вывоз.

Не легче было и в последующие военные годы. Так, в 1943/44 учебном году занятия начались лишь 5 октября. Институты не имели помещения для общежития. Студентов пришлось размещать в учебном здании. При этом уплотнялись кабинеты и аудитории. Не хватало дров для отопления помещения. Несмотря на то, что в течение весны и лета 1943 г. было заготовлено в 15-20 км от Улан-Удэ 2500 кубометров дров, но из-за отсутствия транспорта к началу занятий было вывезено лишь 300-350 кубометров. В декабре при помощи студентов началась вывозка остальных дров. Не менее острой проблема дров была и в следующую зиму. 8 августа 1944 г. бюро обкома ВКП(б) рассмотрело на своем заседании вопрос «О состоянии работы педагогического и учительского институтов» (докл. А.А. Дуринов). Один из пунктов принятого постановления гласил: «еженедельно по 3 дня (пятница, суббота, воскресенье) проводить выход на деревозаготовку всем наличным составом работников, начиная с 11 августа до конца заготовок» (НАРБ, ф. 764, д. 18, оп.1, л.11). на партийных, профсоюзных и других собраниях почти постоянно задавались вопросы: на сколько дней хватит дров для общежития? Сколько обещают дров? Будет ли уголь? Нельзя ли перераспределить дрова? и др.

Затягивалось возвращение здания бывшего студенческого общежития. Помещение под общежитие института получили лишь в декабре 1943 г., где было размещено 70 студентов, остальные 130 продолжали жить в учебном здании (НАРБ, ф. 666, оп. 1/14, л. 36). Здесь же жили и учились студенты педучилища (НАРБ, ф.666, оп.1/14, л.36).

Аудитории и жилые комнаты были слабо освещены, плохо отапливались. Зимой студенты нередко сидели в шубах, пальто, шапках. Холодно было так, что порой замерзали чернила.

Кстати, последних, как и чернильниц, как правило, не хватало. Чтобы упорядочить пользование чернилами администрацией институтов были установлены дни заливки чернил в чернильницы по курсам и по кафедрам. Строго запрещалось переносить чернильницы в другие аудитории, тем более уносить в общежитие или на квартиры.

В институтах не было бумаги. Студентам выдавались на семестр по 5 школьных тетрадок, которых едва хватало на две недели. Некоторые студенты ухитрялись делать записи лекций между строк на страницах старых книг. Из-за отсутствия бумаги многие месяцы лежали без движения написанные от руки диссертационные работы.

Вот что пишет о студенческой жизни того времени первокурсница — историк Буланова Надежда Никитина, впоследствии — директор школы, зав. кафедрой педагогики, декан факультета иностранных языков БГПИ.

«Первого сентября 1943 г. началась очень трудная студенческая жизнь. В первые месяцы в лекционных аудиториях собиралось около 50 человек, но к концу первого семестра осталось где-то 28 студентов. В группе были девушки и двое юношей — Лев Похосоев и Александр Качинов, в армию их не взяли из-за плохого зрения. На втором курсе стали пополнять наши ряды ребята-фронтовики: Ефрем Тармаханов, Иван Суетин, Николай Шаргаев. Как сейчас помню этих ребят: на костылях, в военной форме, сидеть на скамейках им было трудно из-за гипсовых повязок, но учились все они хорошо.

На втором курсе меня избрали комсоргом. Первым заданием партбюро была заготовка дров для института в Заиграевском районе. Две недели мы работали на распиловке древесины: надо было отделить сучья с поваленного дерева, очистить их. Само дерево распилить на чурки и подготовить к отправке в город. Не могу без содрогания вспомнить те дни. В бригаде были одни девчонки, руководила бригадой преподавательница, старше нас на 2-3 года, Галина Алексеевна Заруцкая, но задание мы выполняли.

В аудиториях было холодно, температура снижалась до нуля. Часто замерзали чернила, замерзали ноги, руки, лицо, но особенно мы страдали от голода. Студенту полагалась хлебная карточка, где была определена норма в 300 граммов. В студенческой столовой один раз в день мы получали тарелку отварной капусты (борщом это было трудно назвать) и блюдо овсяной каши. И все-таки мы выжили, учились хорошо, всем выдавали стипендии — 80 рублей на младших курсах и 120 рублей на последнем курсе.

С начала 1943 г. наш город начал готовиться к приему раненых. Школы переоборудовались под госпитали, на станции Дивизионная солдатские казармы были превращены в госпитальные корпуса. В это время к нам обратился военкомат с просьбой: помочь госпиталям ухаживать за ранеными. Нас просили взять шефство, проводить беседы с ранеными о нашем крае, о Бурятии, о людях труда, о высшей школе и т.д. Мы выполняли эту работу с большим удовольствием. Установилось постоянное содружество, нас ждали, угощали обедом, просили принести книги.

Приходилось работать и на разгрузке раненых из вагонов. Это была почти непосильная работа. Как правило, раненые были в гипсовых повязках, и от этого были особенно тяжелые. Укладывали их на носилки, и нужно было носилки донести до санитарной машины. Сил у нас не хватало, мы несли носилки по 4-6 человек, останавливались для передышки, а раненые бойцы подгоняли, кричали, ругали нас, но, видя слезы на глазах у многих девушек, умолкали. Это было очень тяжело. Для девушек это было началом разных женских болезней.

Трудно сегодня перечислить все те виды общественной работы, которые выполняли студенты в военные годы. Но главное было в институте — научиться учительскому ремеслу, освоить отечественную историю, постичь секреты воспитательного дела и подготовиться к работе в школе (О времени и о себе... — С. 30 — 31)».

2. Изменения в преподавательском составе

В связи с уходом на фронт большого количества преподавателей возникли серьезные сложности в обеспечении учебно-воспитательного процесса. Приходилось переносить некоторые дисциплины на другие семестры.

Большую помощь институту в обеспечении его преподавателями оказал Наркомпрос РСФСР.

Начиная с августа 1941 г., в Бурятский пединститут был направлен ряд преподавателей из районов прифронтовой полосы, других мест. В их числе профессора Н.А. Бернштейн (ставший в последствии членом-корреспондентом АН СССР биология), С.Н. Чеботарев (история), Н.Г. Николаев (география), кандидаты наук, доценты А.Г. Пинскер, Г.А. Битнер (математика), Н.И. Биргер (химия), И.В. Мальцев, В.М. Алексеев (языкознание), М.Я. Аксенова (биология), преподаватели В.П. Тюшев (история), А.А. Линевич (биология), А.Т. Попович (военное дело) и другие.

Приезд в Бурятский институт опытных, квалифицированных преподавателей позволил укрепить его руководящий, профессорско-преподавательский состав, поднять уровень учебной, научной и воспитательной работы.

Представление о составе профессорско-преподавательского персонала института дают приводимые ниже данные (по состоянию на 13. XII. 1942 г.).

Состав преподавателей БГПИ

№	ФИО	Занимаемая должность	Ученая степень	Основная ставка	30% надбавка за отдал	За завлечение кафедрой, 20%	Всего
По кафедре основ марксизма-ленинизма							
1	Манжигеев И.А.	зав. каф.	нет	1000	300	200	1500
2	Хабает М.П.	ст.преп.	нет	550	165	-	715
3	Ходаков Г.Ф.	ст.преп.	нет	1000	300	-	1300

по кафедре педагогики							
1	Панчуков А.П.	зав. каф.	канд.н.	1200	360	240	1800
2	Дуринов А.А.	доцент	канд.н.	600	180	-	780
3	Андреев В.И.	ст.преп.	нет	1000	300	-	1300
4	Ачкинази Е.В.	Асс.	нет	350	105	-	435
по кафедре языкознания							
1	Кудрявцева В.Д.	зав. каф.	канд.н.	1800	540	-	2340
2	Никитин В.М.	доцент	канд.н.	1200	360	-	1560
3	Упхонов Г.И.	ст.преп.	нет	800	240	-	1040
4	Савинов А.В.	препод.	нет	800	240	-	1040
5	Алексеев Д.М.	доцент	канд.н.	525	157,50	-	582,50
по кафедре истории							
1	Чеботарев С.Н.	профессор	нет	1800	540	-	2340
2	Гюшев В.П.	доцент	канд.н.	1050	315	-	1365
3	Цыбиков Б.Д.	ст.преп.	нет	800	240	-	1040
4	Шулунов Н.Д.	ст.преп.	нет	1000	300	-	1300
5	Абрамсон М.Л.	ст.преп.	нет	400	120	-	520
по кафедре математики							
1	Хайдуков П.И.	зав.каф., доц.	канд.н.	1200	360	240	1800
2	Хаглеев П.Ш.	ст.преп.	нет	1000	300	-	1300
3	Пинскер А.Г.	доцент	канд.н.	1400	240	-	1820
по кафедре химии							
1	Биргер Н.Ц.	зав. каф., доц.	канд.н.	1400	420	280	2100
2	Зенин С.Е.	ст.преп.	нет	800	240	-	1040
по кафедре литературы							
1	Мальцев И.В.	зав.каф., доц.	канд.н.	1200	360	240	1800
2	Абрамов В.А.	ст.преп.	нет	1000	300	-	1300
3	Чагин И.Д.	ст.преп.	нет	1000	300	-	1300
по кафедре естествознания							
1	Ефремов И.С.	зав.каф., доц.	канд.н.	1200	360	240	1800
2	Святогор В.Д.	ст.преп.	нет	1100	300	-	1430
3	Бакутин М.Г.	ст.преп.	нет	1100	300	-	1430
по прочим предметам							
1	Попович А.Г.	ст.преп.	нет				
2	Селявко Л.А.	препод.	нет				
3	Хотель В.А.	ст.преп.	нет				
4	Алексеева А.Г.	ст.преп.	нет				
5	Заржицкая Л.П.	ст.преп.	нет				

Из таблицы видно, что в конце 1942 г. в пединституте насчитывалось 8 кафедр. Количество преподавателей — 33 человека, в том числе 9 кандидатов наук. Состав преподавателей характеризовался высоким динамизмом. Была высокая

текучесть кадров, что объясняется особенностями военного времени.

В августе 1941 г. вместо призванного в армию заместителя директора по учебной и научной работе Г.Ф. Ходакова был назначен М.П. Хабаев. Через два года этот участок возглавил профессор Н.Г. Николаев, в 1945 г. — доцент В.П. Тюшев, в 50-е годы — доценты Е.Т. Тимофеева, Н.Д. Шулунов.

Должности заместителей директора по заочному обучению и учительскому институту с 1 сентября 1941 г. были сокращены. Не стало должностей и трех деканов факультетов. П.И. Хайдуков (физмат), И.С. Ефремов (биофак), М.П. Хабаев (литфак) были освобождены от работы. Их обязанности возлагались на учебную часть института и заведующих кафедрами. В последующем эти должности были восстановлены. Заместителем директора по заочному обучению в годы войны работали А.И. Лисин, И.С. Ефремов, С.Е. Зенин, К.А. Борисова, М.П. Хабаев. С 1945 г., К.Д. Золтое, А.В. Булгадаев, О.Ш. Шадаров; а заместителем директора по учительскому институту — В.П. Тюшев. С 1947 г. заместителями директора этих подразделений были назначены Т.Е. Карпова и Д.Б. Васильев. Что касается деканов, то они в военные и послевоенные годы часто менялись. Причем один декан, как правило, назначался на два факультета.

Так, в январе 1942 г. заведующий кафедрой математики П.И. Хайдуков был назначен деканом физико-математического и биологического факультетов. В октябре того же года деканом педагогического и учительского институтов становится кандидат исторических наук В.П. Тюшев. В октябре 1943 г. в институте были введены две деканские должности. Руководителем физико-математического и биологического факультетов был назначен профессор Н.Г. Николаев, исторического и литературного — доцент Г.Ф. Ходаков.

С выдвижением Г.Ф. Ходакова на должность заместителя директора по учебной и научной работе пединститута с сентября 1944 по май 1945 гг. исторический и филологический

факультеты возглавляли старший преподаватель А.В. Савинов, доценты В.М. Никитин и А.П. Панчуков.

В мае 1945 г. на декана физико-математического и биологического факультетов профессора Н.Г. Николаева были возложены обязанности декана всех факультетов. Однако в этой должности ему пришлось работать недолго. В связи с выездом из Бурятии он в сентябре того же года был освобожден от работы в институте. С этого времени в вузе снова были введены две деканские должности. Деканом физико-математического и биологического факультетов был назначен С.Е. Зенин, затем Д.Б. Васильев. В начале 50-х гг. деканом биологического факультета становится историк Н.П. Егунов.

Что же касается исторического и филологического факультетов, то, начиная с октября 1945 г. в течение 10 лет ими руководили преподаватели А.В. Савинов, П.П. Малафеев, И.А. Асалханов, В.А. Абрамов, Н.И. Шилин, В.К. Дырхеев.

Прибытие в институт профессоров и доцентом позволило открыть в нем некоторые новые кафедры. Так, с приездом в августе 1941 г. профессора С.Н. Чеботарева, специалиста по истории древнего мира, из числа историков, входивших до этого в состав кафедры основ марксизма-ленинизма, 13 октября того же года была сформирована кафедра истории, которую возглавил С.Н. Чеботарев. А спустя два года, 20 октября 1943 г., из кафедры истории была выделена новая кафедра — кафедра истории СССР. В составе доцентов В.П. Тюшева (заведующего кафедрой), Е.М. Залкинды и преподавателя Н.Д. Шулунова. Со временем кафедра истории стала именоваться кафедрой всеобщей истории. Были созданы кафедры географии, зоологии и физиологии животных и человека.

В годы Великой Отечественной войны почти все кафедры возглавляли преподаватели, имевшие ученые степени и звания. Заведующим кафедрой педагогики был доцент А.П. Панчуков, основ марксизма-ленинизма — доцент И.А. Манжигеев, литературы — преподаватель В.А. Абрамов и доцент И.В. Мальцев, русского языка — доцент В.М. Никитин, бурятского языка и литературы — доценты Т.А. Бертагаев и Д.А. Алексе-

ев, истории СССР — доцент В.П. Тюшев, всеобщей истории — профессор С.Н. Чеботарев, географии — профессор Н.Г. Николаев, естествознания — доцент И.С. Ефремов, зоологии и физиологии животных и человека — доцент М.Я. Аксенова, физики — доцент П.А. Серебряков, химии — доцент Н.И. Биргер, математики — доцент П.И. Хайдуков. В январе 1945 г. вместо капитана А.Г. Поповича начальником военной кафедры был назначен подполковник А.З. Хадыев, награжденный в мае 1945 г. орденом Ленина.

3. Учебно-воспитательская работа. Помощь фронту. Наука

Квалифицированный состав заведующих кафедрами, преподавателей позволил обеспечить на достаточно высоком уровне, организацию и качество учебного процесса в институте.

По мнению студентов, учиться было интересно. Студенты с желанием слушали лекции, готовились к семинарам.

Вот что пишет студентка-литератор военных лет, позже заслуженная учительница школы РСФСР, работающая в г. Ярославле Л.И. Несмелова:

«В институте двух последних лет мы отмечали и запомнили строгие и содержательные лекции М.П. Хабаева, В.А. Абрамова, И.Д. Манжигеева, доцента Иванова. Ивана Алексеевича Манжигеева мы любили, хотя он нас частенько распекал за некоторые черты мещанства, аполитичность. Он требовал, чтобы мы были в курсе всех международных событий, читали систематически газеты. Однажды на занятиях мне сделал такое замечание: «Вы трактуете этот труд марксизма, как что-то мертвое (речь шла о труде В.И. Ленина «Государство и революция»). Надо помнить о связи с историей, с современной жизнью».

В.А. Абрамов, И.Д. Чагин, Иванов, А.А. Белоусов поощряли знание студентами текстов художественных произведений,

Доцент М.П. Хабаев, первый директор института (1932–1936), заслуженный деятель науки Бурятской АССР

Доцент А.А. Дуринов, директор института (1939–1945), кандидат педагогических наук, заслуженный учитель школы РСФСР

Е.А. Рампилова, директор института (1945–1952), заслуженный учитель школы РСФСР

П.И. Хайдуков, зам. директора института, заведующий кафедрой математики в 1940–1950-е гг, кандидат физико-математических наук, доцент, заслуженный деятель науки Бурятской АССР

Доцент В. Л. Святогор, заведующий кафедрой ботаники в 1930–1950-е гг., кандидат биологических наук, заслуженный деятель науки Бурятской АССР.

Доцент И. А. Манжигеев, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма института (1942–1945)

Доцент В.П. Тюшев, заместитель
директора института по учебной и
научной работе (1945–1947), кан-
дидат исторических наук

Доцент В. Л. Абрамов, заведующий
кафедрой литературы института в
1930–1950-е гг., кандидат фило-

Доцент С. Е. Зенин, заведующий кафедрой химии в 1940–1950-е гг., кандидат химических наук. 1941

В. Н. Руднева (Калаганская), отличница учебы, секретарь комитета ВЛКСМ института (1941–1944)

знание наизусть хороших стихов; мы получали за это высокие оценки.

А как мне пригодилось это в работе после окончания института! Низкий поклон этим педагогам, которые вовремя требовали от меня таких знаний. Однажды на экзамене по западноевропейской литературе, доцент Иванов, перепутав на столе зачетки, мне поставил чужую оценку «хорошо», а после моего ответа по творчеству Бальзака и Гюго, оценку переправил на «отлично» с припиской «исправленному верить» и расписался. Опять меня выручило знание текстов художественных произведений.

Очень много для учителя русского языка мы почерпнули на лекциях по современному русскому языку В.С. Никитина — образные, нужные понятия, с массой примеров того, как надо и не надо говорить. Преподаватели литературы все были на высоте. Читали прекрасные лекции, и к нам они относились не формально, не обижали равнодушием и сухостью, а были предельно внимательны, чутки и доброжелательны.

В стенах института у нас воспитывалась активная жизненная позиция, непримиримость к тому, что мешает жить. Я помню бурные комсомольские собрания, семинары в кабинете психологии и педагогики по трудам А.С. Макаренки; часто возникали споры по некоторым вопросам литературы, философии и педагогики даже в комнатах общежития.

Например:

1. Является ли Пушкин народным поэтом, если он писал:

«Паситесь мирные народы,

Вас не пробудит чести клич.

Наследство вам из рода в роды -

Ярмо с гремушками да бич?»

Потребовалось около часа профессору толковать, почему так писал поэт.

2. За утверждение, что случайности не может быть, все закономерно обусловлено, студент Алексей Непомнящий окрестил жильцов нашей комнаты махистами.

3. Необходимо ли было А.С. Макаренко ударить воспитанника?

По этому вопросу к единому мнению так и не пришли.

Наш курс с благодарностью вспоминает преподавателей, которых мы слушали, обучаясь на младших курсах — Дроздова, Якушева, Хараева, Тетельбаума, Чернова, преподавателей иностранных языков Заржицкую и Хотель, латиниста Краснова. Последний открывал учебник перед студентами со словами: «Коллеги, откройте учебник на 56-й странице, и вы увидите, что там ничего не поймете». Мы открывали и, конечно, улыбались вслух, ничего не понимая и потешаясь, а потом, успокоившись, начинали постигать латынь.

«Коллега Несмелова, — говорил Николай Иванович Краснов, — просклоняйте слово *pulchre*, что значит прекрасный».

И я склоняла, а подсказывающие и преподаватели исправляли. Иногда мы думали: «Ну, где нам пригодится этот мертвый язык?». Но ошибались. В первые же годы своей работы в школе, я почувствовала важность приобретенных знаний по латинскому языку и другим иностранным языкам. Мне же, например, трудно было оценить происхождение слов, идеологических выражений, исторические факты т.п.

Молодой преподаватель Тетельбаум покорила нас своей увлеченностью литературой, он нам много читал из Гомера, за что мы звали между собой Ахиллом. Древняя литература стала для нас таким же интересным предметом, как и другие.

Занятия по фольклору вел Хараев. Это был веселый и доброжелательный человек, с чувством юмора, любил, когда студенты высказывались, дополняя его примеры по народному творчеству. Идя к нему на экзамен, я приготовила «былину» и частушки, поговорки, песни. «Былину» я записала в нашем общежитии, называлась «Ссора». Но вопрос о былинах на экзамене мне не достался, а достались частушки. И я запела, конечно, после объяснения частушек:

Я по улицам гуляю с молодым студентом.

Как люблю поговорить с таким интеллигентом!

В глазах преподавателя вижу озорные огоньки. Это придает смелости, продолжаю:

На гулянье он приходит,

Девки разбегаются.

Почему не любят Борю?

Боря матюгается.

Губы у преподавателя Хараева опускаются вниз, лицо становится строгим, он очень вежливо делает замечание: «А вот слово «девки» и еще там другое — это грубо. Лучше такое не сочинять».

Преподаватели истории и основ марксизма поражали нас и отличными знаниями, и убежденностью, стойкостью. В институте учили нас правильно и самостоятельно мыслить, коммунистической убежденности, гуманности, воспитывали любовь к наукам, определяли культуру нашего поведения в обществе. Студенты настойчиво готовились к экзаменам и зачетам. Лекции пропускали очень редко, много занимались в читальном зале библиотеки. Иногда теплыми вечерами эти занятия прерывались спортивными тренировками на площади. Помню нашу преподавательницу физкультуры, очень стройную, красивую, привлекательную женщину (кажется, Селявко В.И.), только такая нас могла увлечь спортом и оставить о себе хорошую память.

Усилиями дирекции, преподавателей института уже в первые месяцы первого военного учебного года был перестроен учебный процесс. Пединститут с 4-х годичного был переведен на 3-х годичный срок обучения. Учебные занятия проводились в три смены: с 8 часов до 23 часов 35 минут.

В связи с трехсменностью занятий, отсутствием читального зала и свободных аудиторий центр самостоятельной работы студентов был перенесен в общежитие. Кафедры вывешивали в общежитиях списки рекомендуемой литературы, планы семинарских и практических занятий, практиковали по отдельным предметам домашние задания. Там же готовились доклады по тем или иным проблемам. Библиотекой института была увеличена норма выдачи книг студентам на дом. Одновремен-

но преподаватели стали чаще читать студентам лекции о работе с книгой, о подготовке к экзаменам. Эта работа дала положительные результаты. Значительно повысилась успеваемость студентов как следствие более систематического изучения материала. В те годы выделялись глубоким знанием учебного материала, высокой общественной активностью студенты Н.В. Святоха, А.М. Ковалевская, О.П. Веселова, Е.В. Коробенкова, Г.П. Нефедова, А.С. Черноусова, А.С. Иванова, М.Н. Назимова, П.П. Тышкилов, И.Д. Абашеева, Н.М. Козулин, С.И. Абрамзон, А.Н. Танятова, В.А. Фомина, Н.Г. Спектор, В.Н. Руднева, А.Д. Бурлакова, Н.В. Громыко — все они окончили институт, получив дипломы с отличием. Некоторые из них были оставлены в институте в качестве преподавателей.

Военно-оборонная работа. Помощь фронту. В военное время особое внимание уделялось военно-оборонной работе. На основании решения СНК СССР «Об обязательном обучении населения противоздушной и противохимической обороне» в первой половине июля 1941 г. в институте была создана группа самозащиты (начальник М.Г. Тангасов), состоявшая из трех звеньев: звена охраны революционного порядка и наблюдения (командир И.С. Ефремов), химического звена (командир Н.Д. Шулунов) и противопожарного (командир И.А. Дуринов).

В начале сентября был издан по институту приказ, обязывающий всех преподавателей и студентов четвертого курса сдать нормы «Готов к ПВХО» к 15-20 сентября 1941. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны о всеобщем воинском обучении граждан СССР, в институте с октября 1941 года было введено всеобщее обязательное военное обучение всех преподавателей, сотрудников, студентов-мужчин, способных носить оружие. Занятия проводились под руководством военрука института, капитана в отставке А.Г. Поповича еженедельно по субботам и воскресеньям в районе Верхней Березовки.

Еще в более широких масштабах эта работа велась в студенческом коллективе. Студенты в течение всех четырех лет войны ежегодно проходили 200-часовую программу военно-физкультурной подготовки. Одновременно работали кружки по изучению стрелкового оружия, МПВО, курсы медицинских сестер, велась подготовка лыжников, снайперов, водителей.

Преподаватели и студенты добросовестно относились к занятиям по военной подготовке. На заседании Ученого совета института, состоявшемся в июне 1943 года, отмечалось, что учебные планы военной подготовки выполняются нормально. Посещаемость за год по институту составила 96%. Успевают на «отлично» около 68% студентов, на «хорошо» — более 25%. Лишь 7% студентов имели оценки «посредственно». Недовыполнен план только по топографии на первом курсе (6 часов) и военной истории (8 часов) (НАРБ, ф. 666, оп 1/12, д. 8, л. 12.). За годы Великой Отечественной войны 450 будущих учителей сдали нормы ГТО первой и второй степени, 380 человек — нормативы лыжника- бойца, 45 студентов получили снайперскую подготовку.

С первых дней Отечественной войны преподаватели, студенты и служащие института, движимые глубоким патриотическим чувством, стремились помочь фронту, воинам Красной Армии, жителям освобожденных от оккупации районов. Эта помощь осуществлялась в разнообразных формах. Среди них: а) сбор средств в фонд обороны, который производился путем отчисления определенной суммы из зарплаты сотрудников института; б) внесение облигаций государственных займов; в) подписка на денежно-вещевую лотерею; г) отчисление на постройку эскадрильи и танковой колонны, проводившееся трудящимися республики; д) сбор теплых вещей и литературы для Красной Армии и для населения освобожденных от оккупации районов. В целом коллективом института была оказана помощь на сумму около 100 тыс. рублей. Неоднократно практиковались посылки на фронт подарков бойцам и офицерам. Кроме того, систематически оказывалась помощь семьям

фронтовиков в снабжении их промтоварами, детской одеждой, дровами, картофелем, овощами, в ремонте квартир.

Студенты пединститута Е. Карнова и И. Хатхардаева на военной подготовке. 1942 г.

Эта помощь с первых дней войны была предметом особой заботы со стороны руководства института, его коллектива, общественных организаций. Об этом свидетельствует решение партийного собрания института, состоявшегося 9 февраля 1942 г. Оно гласило:

1. Обязать директора Дуринова, секретаря Иванова и председателя МК Ефремова выявить семьи военнослужащих из числа работников института, проверить их жилищно-бытовые условия и оказать им необходимую помощь.

2. Через агитаторов выявить семьи военнослужащих на избирательном участке и добиться организации помощи им со стороны организаций, где работают военнослужащие.

3. Рекомендовать МК и профкому создать группу рабочего контроля и организовать повседневный контроль и помощь в работе столовой.

4. МК, профкому и комитету ВЛКСМ лучше привлекать обслуживаемые ими коллективы на лекции и доклады в институте.

5. В целях обеспечения работников института в 1942 г. овощами и картофелем обязать директора института и председателя МК завершить в ближайшее время оформление земельных участков для работников института, оказать помощь в приобретении семян и обработке земли. Охватить этой работой и семейных студентов» (НАРБ, ф.764, д. 18, оп. 1, л. 128).

Коллектив вуза ежегодно принимал непосредственное участие в сельхозработах в подшефном колхозе «Красный Оронгой» Иволгинского и имени А.А. Жданова Бичурского аймаков. Причем всегда и преподаватели и студенты трудились на совесть. Выступали также перед сельскими жителями с беседами, политинформациями, ставили концерты художественной самодеятельности, участвовали в распространении внутренних государственных займов, лотерейных билетов и т.д.

Осенью 1942 г. в институте была создана агитационно-массовая культбригада, которая пользовалась большой популярностью в городах и селах республики. Ее выступления восторженно воспринимались рабочими и колхозниками, охотниками и рыбаками, учащимися и воинами. Наиболее активными членами бригады были: В.Н. Руднева, М.М. Стариков, Л.М. Кучмиенко, Р.Я. Раковщик, С.Я. Тасс, Н.В. Громыко, А.Г. Давыдова, В.А. Муниц, Е.М. Карпова, Е.С. Лазаренко, Е.А. Богомольная, Е.А. Кошелева, Л.С. Бадарханова, В.Я. Рогозинская, В.А. Фомина, В.Е. Соловьева, Л.А. Асеева, Н.Г. Стахова, Л.С. Козина, Г.А. Образцов. В работе бригады участвовали доценты П.И. Хайдуков, В.М. Никитин и старший преподаватель В.А. Абрамов. Конечно в деятельности бригады были и трудности: не было костюмов, не всегда она обеспечивалась транспортом. Иногда «артистам» приходилось многие километры шагать пешком. При этом, как правило, шли босиком, а обувь несли в руках.

Преподаватели и студенты помогали в уходе за ранеными в эвакуогоспиталях, разместившихся в общежитии института

(ныне учебный корпус юридического факультета) и в учебном корпусе (в настоящее время находится факультет иностранных языков), а также работали в городских больницах и амбулаториях.

Секретарь комсомольской организации института тех лет В.Н. Руднева (Калаганская) вспоминает: «В городе было много военных госпиталей. Размещали раненых в зданиях института, гостинице «Байкал», совпартшколе, школе № 2. Помню во время одной из лекций зашел представитель дирекции и сказал, что придется прервать лекцию, так как пришел эшелон с тяжелоранеными: «Пойдем выгружать». И мы все отправились на станцию. Некоторые бойцы на костылях сами выходили из вагонов, большинство же мы переносили из вагонов на грузовые машины, а потом ехали в госпиталь, заносили в палаты. В госпиталях не хватало медицинских работников. И мы часто сидели возле раненых, особенно после операций. Состояние некоторых было очень тяжелым и мы находились рядом с ними, смачивали им губы, старались их успокоить, подбодрить, что-то почитать, рассказать о кинофильмах. Часто перед ранеными выступали с концертами. Бойцы очень любили слушать военные песни.

Нашим неизменным аккомпаниатором был заведующий кафедрой математики П.И. Хайдуков.

Поправившись, раненые уезжали: кто снова на фронт, а кто домой. Откуда нам слали письма с благодарностью, с объяснением в любви, а нередко — с предложением руки и сердца. Писем приходило много».

Политико-воспитательные мероприятия. В самом институте по курсам и факультетам еженедельно проводились политинформации, где студенты-агитаторы, используя материалы газет, радио, рассказывали об успехах Красной Армии на фронтах Отечественной войны и о событиях текущей политики. На видном месте висела карта, на которой флажками отмечалась линия фронта.

Один раз в две недели проводились занятия лектория, в котором читались лекции на общественно-политические темы. С

лекциями выступали преподаватели. Желающих послушать лектора было много. Сюда приходили не только студенты, но и работники института, учителя школ города.

Тематика лектория соответствовала духу времени. Например, в 1944 г. были прочитаны лекции: «Доклад Сталина о 27-годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», «Успехи советской хирургии в дни Отечественной войны», «Сила воли», «Культурный облик молодого человека» и другие. В массово-политической работе тех лет особое внимание уделялось выступлениям И.В. Сталина. Его доклады, речи, статьи, приказы «прорабатывались» во всех академических группах, в обязательном порядке использовались в учебном процессе, во внеаудиторной воспитательной работе.

Для улучшения политико-воспитательной работы со студентами в начале 1945-46 учебного года доценты и преподаватели были прикреплены к академическим группам в качестве политинформаторов. Но в их обязанность входила не только работа по руководству политинформациями, но и проведение в учебных группах различных мероприятий, оказание культурного влияния, наблюдение за дисциплиной студентов.

В начале поступали протесты со стороны некоторых преподавателей, усматривавших в этом методы работы среди школьников, введение классного руководства. Но этот опыт, как считало руководство института себя оправдал и в последующие годы стал более широко использоваться в практике работы вуза.

Профессорско-преподавательский состав занимался в теоретическом семинаре по вопросам марксизма-ленинизма.

Исследования — нуждам военного времени.

В годы войны ученые вузов и НИИ свою научную деятельность подчиняли нуждам фронта. Ученые, конструкторы, инженеры и техники совместно создавали первоклассные образцы вооружения. Ученые-оптики создали для Красной Армии новые высококачественные оптические приборы. Химики находили новые способы получения ацетона, различных спиртов, пластмасс, идущих на прозрачную броню, способы про-

изводства новых взрывчатых веществ. Геологи обнаружили новые важные месторождения угля, нефти, газа, железной руды, марганца, бокситов. Медики работали над новыми методами лечения раненых солдат и офицеров, создали новые виды медицинских препаратов.

Правительство оказывало всемерное содействие развитию науки. За годы войны были созданы Академии наук в Грузии (1941), Узбекской и Армянской ССР (1943), в Азербайджанской и Казахской ССР (1945), учреждены Академии медицинских и педагогических наук (1944).

Преподаватели Бурятского пединститута сочетали напряженную педагогическую, общественную работу с развитием научных исследований, с выполнением заданий производственных организаций, с широкой агитационно-пропагандистской деятельностью среди населения. В годы войны тематика научной работы все больше подчинялась нуждам военного времени. Определялись такие темы, результаты разработки которых могли быть использованы в народном хозяйстве республики, в военно-патриотическом воспитании населения. При этом следует подчеркнуть, что на выбор тем, организацию научных исследований, их результаты оказали большое влияние прибывшие накануне и особенно в годы войны в Бурятский пединститут преподаватели, многие из которых обладали высокой научной квалификацией и опытом исследовательской работы.

Под руководством профессора Н.Г. Николаева на биологическом факультете коллективно разрабатывалась тема «Природа и ресурсы Бурят-Монголии». В ее изучении участвовали все члены кафедр естествознания, географии, часть преподавателей физики, некоторые студенты. Для выполнения этой темы в 1944 г. были организованы 3 комплексных научных экспедиций. Одна из них проводила исследования в районе реки Темник Селенгинского района (Н.Г. Николаев, М.Г. Бакутин, М.Н. Николаев), другая — в Закаменском районе (М.Я. Аксенова, Г.А. Заруцкая, К.А. Борисова), третья — в Баргу-

зинском заповеднике (И.С. Ефремов, Г.М. Симаковский и геолог Кяхтинского музея).

Кроме того, совместно с сотрудниками Бурятского НИИ культуры и экономики были проведены экспедиции по изучению охотничьих угодий, состояния оленеводства (в Северо-Байкальском аймаке), яководства (в Окинском аймаке), по исследованию растительности республики.

Доцент кафедры химии Н.И. Биргер занимался изучением серной кислоты и каустической соды и возможности их производства в Бурятии. Его исследования имели практическую направленность. Как свидетельствуют материалы отчета института за 1943/44 учебный год Н.И. Биргер руководил в Бурятии строительством завода по изготовлению каустической соды и серной кислоты из местного сырья по разработанному им электролитическому методу, отличающемуся большой экономией электроэнергии. Преподаватель этой же кафедры С.Е. Зенин работал над проблемой использования местного сырья промышленности Бурятии.

В институте проявлялся большой интерес к этим исследованиям. В сентябре 1942 г. на Ученом совете был обсужден вопрос «Об изучении местных ресурсов и использовании их в народном хозяйстве республики». С докладами выступили Н.И. Биргер, С.Е. Зенин и В.А. Святогор. Результаты их работы получили одобрение членов Совета.

В последующем материалы исследований В.А. Святогора и С.Е. Зенина использовались при написании кандидатских диссертаций, которые были защищены ими в 1947 и 1948 годах.

Плодотворно вели научную работу преподаватели кафедры математики. Среди них выделялся глубокой научной подготовкой, широкой эрудицией прибывший из Ленинградского института точной механики и оптики НКВД СССР кандидат физико-математических наук, доцент А.Г. Пинскер. Он был известным среди математиков ученым, успешно разработавшим архимедовы группы, написавший докторскую диссертацию, защита которой планировалась в середине 40-х гг. Но в начале 1945 г. пришел вызов из прежнего места работы и он

уехал. Подготовленные им здесь статьи, общение с молодыми преподавателями способствовали научному росту последних.

В 1942 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию преподаватель этой же кафедры П.И. Хайдуков. В последующие годы он занимался исследованием комбинаторных функций, планировал написание докторской работы. Вслед за П.И. Хайдуковым в 1944 г. завершил свое исследование по математике П.Ш. Хаглеев, защитив его в Томском университете. Он стал первым среди бурят кандидатом физико-математических наук.

Доцент кафедры математики В.Т. Ветров работал над «Историей методики преподавания арифметики в России XVIII и XIX веков».

В годы Великой Отечественной войны актуальные научные проблемы изучались преподавателями социальных и гуманитарных дисциплин. На кафедре основ марксизма-ленинизма преподавателем З.Л. Шоткиной разрабатывалась тема, посвященная участию бурятского народа в Великой Отечественной войне. Работа, оформленная в качестве кандидатской диссертации, в 1944 г. была успешно защищена в Иркутском государственном университете. И.А. Манжигеевым исследовались вопросы мифологии бурят.

Большим разнообразием характеризовалась тематика исследований кафедр СССР и всеобщей истории.

Профессор С.Н. Чеботарев работал над докторской диссертацией «Халдо-Урартское царство» и учебником по истории первобытного общества. В.П. Тюшев в 1942 г. завершил и успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную истории колхозного строительства в Бурятии. Спустя два года кандидатом исторических наук стал Г.Ф. Ходаков. Тема его исследования — «Вторая Государственная дума».

Кроме того, на исторических кафедрах в 40-х годах вели научные исследования преподаватели Е.М. Залкинд, Б.Д. Цыбиков, Г.Н. Румянцев. Доцент Е.М. Залкинд работал над монографией «Общественный строй бурят-монголов в XVII–XIX вв.», преподаватель Б.Д. Цыбиков — над кандидат-

ской диссертацией и монографией «Разгром унгерновщины», которая была опубликована в 1947 г. (158 с.). Г.Н. Румянцев занимался переводом некоторых «Селенгинских хроник» и «Баргузинских хроник» на русский язык. Впоследствии эти преподаватели продолжили свою научную деятельность в Институте культуры и экономики (НИИКЭ).

На кафедре литературы активно вели научные исследования В.А. Абрамов и И.Д. Чагин. Первым подготовил и защитил свою работу в виде диссертации И.Д. Чагин. Она была посвящена методике преподавания литературного чтения в бурятской школе. Это была первая диссертация по методике, защищенная преподавателем института. В 1947 г. завершил свой научный труд В.А. Абрамов. Его диссертация «Роман «Война и мир» Л.Н. Толстого и его отражение в критике 60-х годов» получила высокую оценку специалистов.

На кафедре языкознания изучались бурятские говоры. В 1944 г. ее преподавателями была организована диалектологическая экспедиция в Тункинский район, которую возглавил преподаватель Д.А. Абашеев. Материалы экспедиции были использованы при написании Д.А. Абашеевым кандидатской диссертации, которую он успешно защитил в 1947 г. Преподаватель бурятской литературы С.П. Балдаев работал над сбором фольклора о Великой Отечественной войне.

Некоторые результаты научных исследований преподавателей в годы войны нашли свое отражение во втором выпуске «Ученых записок» института (1947 г.).

В нем были опубликованы статьи З.Л. Шоткиновой «Сыны Бурят-Монголии на фронтах Отечественной войны», В.П. Тюшева «Из истории колхоза им. Сталина, Загустайского сомона, Селенгинского аймака, БМ АССР», А.П. Панчукова «Культурно-просветительная деятельность декабристов в Восточной Сибири», Е.М. Залкинда «К этногенезу эвенков», Т.А. Бертагаева «Влияние русского языка на развитие бурят-монгольского языка», И.Д. Чагина «К вопросу об изучении литературы в V–VII классах средней школы».

Научные конференции. В военные годы стало традицией ежегодное проведение научных сессий и конференций преподавателей и студентов института, на которых подводились итоги научно-исследовательской работы в коллективе, обсуждались актуальные научные проблемы, связанные большей частью с крупными историческими датами.

Так, в апреле 1942 г. впервые в институте в военные годы проведена научная сессия, посвященная 700-летию со дня Ледового побоища. На конференции были заслушаны доклады профессора С.Н. Чеботарева «Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII веке», ст. преподавателя В.П. Тюшева «Александр Невский как победитель немецких псов-рыцарей», доцента М.П. Хабаева «Стратегия и тактика Александра Невского», профессора В.Д. Кудрявцева «Военная терминология в XIII веке», ст. преподавателя В.А. Абрамова «Личность Александра Невского в древнерусской литературе».

Конференция имела не только научное значение, но и сыграла важную роль в патриотическом воспитании студентов.

В конце 1942 г. на базе физико-математического факультета состоялась конференция в связи с 300-летием со дня рождения И.Ньютона, на которой были прочитаны доклады доцента П.И. Хайдукова «Жизнь и деятельность И.Ньютона», доцента П.А. Серебрякова «И.Ньютон как физик и астроном», доцента А.Г. Пинскера «И.Ньютон как математик».

В июле 1943 года по инициативе кафедры педагогики и психологии была проведена трехдневная научно-практическая конференция на тему «О воспитании будущего учителя». В работе конференции, кроме сотрудников института, приняли участие преподаватели педучилища, школ города и студенты. Поводом для проведения конференции послужила статья «О воспитании будущего учителя», опубликованная в «Учительской газете» 7 июля 1943 года. На конференции с докладами выступили директор института, доцент А.А. Дуринов «Итоги обсуждения статьи «О воспитании будущего учителя и задачи института и педучилища», профессор Н.Г. Николаев «Глубокое и всестороннее изучение основ и методики избранной

специальности», доцент В.А. Святогор «Профессиональная подготовка будущего учителя», профессор С.Н. Чеботарев «Советский педагог как воспитатель», доцент В.М. Никитин «Общая культура и культура речи будущего учителя», ассистент Е.Е. Ачкинази и доцент А.А. Дуринов «Опорные школы и педагогическая практика». Доклады вызвали большой интерес у преподавателей, студентов и учителей.

В конце декабря 1944 г. состоялось расширенное объединенное заседание ученых советов педагогического института и научно-исследовательского института культуры и экономики, посвященное 10-летию со дня смерти академика Н.Я. Марра, на котором с докладами выступили доценты Д.А. Алексеев, Г.Н. Румянцев, В.М. Никитин и студентка В. Фомина.

В целях улучшения учебно-педагогического процесса и обмена опытом преподавателей в начале 1945 года была организована научно-методическая конференция, на которой были обсуждены доклады: доцента А.А. Дуринова «Методика и организация лекционной работы в педвузах», доцента В.П. Тюшева «Опыт и методика организации самостоятельной работы студентов», доцента И.А. Манжигеева «Опыт и методика проведения семинарских занятий», доцента В.Т. Ветрова «Методика проведения лабораторных и практических занятий студентов».

Несмотря на условия военного времени, преподаватели института принимали участие в научных конференциях, совещаниях, организуемых Министерством просвещения РСФСР, другими министерствами и ведомствами страны. В 1944 г. заведующий кафедрой русского языка доцент В.М. Никитин и доцент Т.А. Бертагаев выступили с докладами на совещании лингвистов в Иркутске, В.М. Никитин участвовал во Всероссийской лингвистической конференции, состоявшейся в Вологде. В том же году заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма доцент И.А. Манжигеев принимал участие во Всесоюзном совещании руководителей обществоведческих кафедр, которое состоялось в Москве. Заместитель директора

института по учебной и научной работе Г.Ф. Ходаков по приглашению Президиума Академии наук СССР был командирован в Москву для участия в юбилейных торжествах, посвященных 220-летию Академии наук СССР.

Активная научная работа преподавателей способствовала повышению их профессиональной квалификации. Не прекращалась подготовка в институте кандидатов и докторов наук. Во время войны защитили кандидатские диссертации 7 человек: В.П. Тюшев, П.И. Хайдуков, П.Ш. Хаглеев, И.Д. Чагин, Г.И. Упхонов, Г.Ф. Ходаков, З.Л. Шоткинова. Кроме того, И.А. Манжигееву и М.П. Хабаеву было присвоено звание доцента без защиты кандидатских диссертаций.

В результате к концу 1943/44 учебного года из 43 человек профессорско-преподавательского состава педагогического и учительского институтов было 2 профессора (без степени доктора наук), 16 доцентов с ученой степенью кандидата наук, 2 доцента (без степени), 9 старших преподавателей, 14 преподавателей и ассистентов, капитан в отставке (начальник военной кафедры).

Работники вуза участвовали в пропаганде научных, общеполитических, педагогических, военных и других знаний. За первые три года войны ими было прочитано для населения города и деревни 749 лекций.

В атмосфере взаимной поддержки. Забота о каждом. Трудности военного времени, жажда победы, единство устремлений сплачивали коллектив института, делали его единым, дружным, целеустремленным. Никогда прежде студенты, преподаватели, служащие не чувствовали себя частью целого в такой степени, как в годы войны. У них были не только общие жилье, труд, но были общими интересы и потребности, радости и печали.

Каждый из них с жадностью вслушивался в сводки Информбюро (а они передавались 18 раз в день). Радостью и гордостью наполнялись их сердца, когда был освобожден от гитлеровцев очередной город или село.

«Как сегодня помню, — говорит В.Н. Калаганская, — когда 6 ноября 1943 г. во время собрания, которое проходило в актовом зале института, зашел в зал преподаватель и сказал: «Товарищи, сегодня наши освободили Киев!» Все с криками «ура» вскочили со своих мест и тут же грянула песня «Ой, Днипро, Днипро...», да так, что казалось, задрожали стены. Подоспевший к пианино Павел Иванович Хайдуков придал этому звучанию еще большей силы. Среди студентов было много украинок. И мы все вместе радовались этому событию.

С ликованием открывали письма с фронта от отца или брата, бывшего однокурсника или просто знакомого, — читали все вместе.

И вместе с тревогой переживали сообщение о кровопролитных боях, об отступлении наших солдат, о потерях. Вместе плакали над приходившими с фронта похоронками, сообщая поминали убитых. В совместной работе, учебе, общественных делах, переживаниях проявились все их человеческие качества. Прав был Жоржи Амаду, когда писал, что «человек тогда человек, когда он вместе со всеми» (Амаду Ж. Жубиаба. М, 1973. С. 113).

Благодаря взаимной поддержке коллектив института стойко переносил трудности, невзгоды военного времени. Администрация вуза, партийная, комсомольская организации стремились материально и морально поддержать преподавателей и студентов. Директор, его заместители, деканы ввели в практику своей работы ежедневный прием студентов и работников: с 11 до 13 часов и с 20 до 22 часов.

Уже упоминавшаяся студентка тех лет Л.И. Несмелова пишет: «С 1944 г. я состояла на учете в парторганизации пединститута, избиралась членом партбюро. Преподаватели и студенты были в одной парторганизации. Эта организация воспитывала во мне ответственность и прямолинейность, дисциплинированность и самокритичность. Наши старшие товарищи (преподаватели) были во всем для нас примером убежденности и честности. Мы учились у них открыто и честно решать обсуждаемые

вопросы, высказывать без боязни свой взгляд на происходящее. Это стало для меня правилом на всю жизнь.

Институт был мне и школой и родным домом. Когда я на 3 курсе серьезно заболела (что-то случилось с легкими) мне профком выделил путевку на курортное лечение. Это поддержал лично директор института Дуринов А.А. Спасибо всем за это. Я не могла тогда поправиться сама. Без волнения и слез не могу говорить об этом сейчас».

В целях улучшения медицинского обслуживания студентов и сотрудников института в начале декабря 1941 г. в общежитии (в помещении химлаборатории) был организован врачебный прием, который проводился три раза в неделю с 20 до 22 часов. Лица, уклонявшиеся от встреч с врачом, наказывались. Здесь же проводилось и лечение больных. Преподавателям, студентам и служащим оказывалась помощь продуктами из подсобного хозяйства.

В военные годы стало традицией торжественно отмечать десятилетие успешной трудовой деятельности преподавателей и других работников института. По такому поводу издавался специальный приказ, выделялась денежная премия. Начало этой традиции было положено в августе 1941 г.: швейцару института О.В. Бурковой исполнилось 10 лет ее работы в вузе.

Приказ гласил: «За долголетнюю работу, а также добросовестное и аккуратное отношение к возложенным на нее обязанностям и за особую дисциплинированность швейцару О.В. Бурковой объявить благодарность» (АБГУ. Кн. пр. БГПИ. Приказ № 86 от 28.08.1941 г.). Она была поощрена и денежной премией.

В марте 1944 г. было отмечено 10-летие работы в институте старшего преподавателя кафедры литературы В.А. Абрамова.

В приказе говорилось:

1. Отметить исключительно плодотворную работу В.А. Абрамова в области научных исследований, любовь и преданность своей работе, высокую квалификацию и мастерство его как лектора-преподавателя, заслуженное уважение и

авторитет среди студентов, научных работников и сотрудников института, с занесением в личное дело.

2. Выдать в честь 10-летней работы т. Абрамова В.А. именную грамоту и месячный оклад его должностной ставки.

3. Дирекция института выражает т. Абрамову В.А. свою искреннюю благодарность и желает дальнейшей плодотворной работы» (АБГУ. Кн. пр. БГПИ. Приказ № 21 от 10.03.1944 г.).

Таким же образом была ознаменована 10-летняя деятельность в БГПИ профессора В.Д. Кудрявцева, доцента И.Д. Чагина и ряда других преподавателей.

С особой теплотой была отмечена подвижническая работа начальника военно-физкультурной кафедры капитана А.Г. Поповича, который, как говорится в приказе директора института, «с октября 1941 г. по январь 1945 г. несмотря на огромные трудности и отсутствия необходимой материальной базы в институте проводил большую военно-физкультурную работу среди студентов и преподавателей. Отлично справлялся с работой, пользовался большим авторитетом...».

Несмотря на трудности военного времени в институте торжественно отмечались «красные» даты календаря, проводились собрания, на которых назывались имена лучших преподавателей, служащих и студентов, добившихся хороших результатов, отмечали в приказах, их портреты помещали на Доску почета, о них рассказывали в стенгазетах, поощряли премиями. Все это положительно сказывалось на учебной, трудовой деятельности, на самочувствии, настроении людей.

В процессе целенаправленной деятельности вузовского коллектива осуществлялась подготовка квалифицированных учителей. С 1941/42 учебного года по 1944/45 учебный год было выпущено 310 педагогов. За самоотверженную работу в военные годы 42 члена коллектива института были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

4. Победа. Послевоенные ориентиры

Памятный для всех день 9 Мая 1945 г. знаменовал собой конец Великой Отечественной войны. Была одержана трудная победа над германским фашизмом, а спустя три месяца и над японским милитаризмом. Как говорил грузинский писатель А.Казбеги, «...чем трудней победа, тем драгоценнее она». Преподаватели и студенты Бурятского пединститута с ликованием встретили известие об окончании войны. Это известие всколыхнуло весь город. Каждый поздравлял с Победой знакомого и незнакомого. Кругом радость, объятия, слезы. Репродукторы один громче другого на русском и бурятском языках произносили торжественные слова. Везде красные полотнища, портреты Сталина. На площади Советов, куда, как и четыре года назад, пришли преподаватели и студенты, в этот день был праздник. Песни, танцы, поздравления, ёхор.

В полдень с балкона Дома Советов, куда поднялись руководители республики, офицеры Красной Армии, знатные люди, секретарь обкома партии М.З. Брауде открыл митинг и поздравил горожан с великим праздником.

С пламенными словами обратился к собравшимся офицер Улан-Удэнского гарнизона Чукарин. Под звуки траурной мелодии склонили знамена в память о героях, славных сынах, отдавших свою жизнь за свободу и независимость Родины. Как позже станет известно, из 120 тысяч воинов Бурятии не вернулись с войны более 34 тысяч. Из 31 тысячи улан-удэнцев — участников войны, не пришли домой более 18 тысяч (См.: Бадиев А. А. Боевой подвиг воинов Бурятии на фронтах Великой Отечественной войны // Вклад Бурятии в Великую Победу. Сб. статей. — Улан-Удэ, 1985. — С. 21).

Все выступавшие на митинге призывали быстрее залечить раны, нанесенные войной.

Преподаватели и студенты, присутствуя на митинге, с гордостью чувствовали и свою причастность к великому истори-

ческому событию, так как внесли и свой посильный вклад в общее дело разгрома врага.

После окончания войны перед страной встали задачи перевода всей жизни на мирные рельсы, восстановления разрушенного войной хозяйства. Четвертым пятилетним планом (1946-1950 гг.) предусматривалось обеспечить всеобщее обучение детей с семилетнего возраста как в городе, так и в деревне, а пятым (1951-1955 гг.) — завершить переход от семилетнего ко всеобщему среднему образованию в крупных промышленных центрах страны и подготовку условий для осуществления в последующие годы всеобщего среднего образования повсеместно.

Новые задачи были поставлены и перед педвузами. 20 августа 1945 года Советом Народных Комиссаров СССР было принято постановление «Об улучшении подготовки учителей», в котором содержалась конкретная программа перестройки педагогических институтов.

Руководство Бурятского пединститута, профессорско-преподавательский коллектив прилагали большие усилия по укреплению материальной базы, кадрового состава вуза, улучшению учебно-воспитательного процесса. К началу 1945-46 учебного года институту было возвращено общежитие, построенное еще в 1939 году, в котором в годы войны размещался эвакогоспиталь. В 1947 году было завершено строительство трехэтажного учебного корпуса (по улице Ранжурова, 6), которое длилось с перерывом 12 лет. Корпус был возведен в основном к сентябрю 1942 года, но не было завершено строительство спортивного и актового залов, парадного входа с вестибюлем и подвальных помещений. Тем не менее, занятия в нем были начаты. С введением в эксплуатацию всего здания, построенного по проекту типового учебного корпуса педучилища, институт располагал по существу собственной учебно-материальной базой. В 50-е годы было построено второе общежитие на 200 мест (ул. Сухэ-Батора, 10). Завершилось строительство второго четырехэтажного учебного корпуса (ул. Ранжурова, 5). Благодаря этому, уже к началу 60-х гг.

институт располагал около 40 лекционными аудиториями, учебными кабинетами и лабораториями. Кроме того, было два актовых, читальных и спортивных зала, ряд служебных помещений. Имелось 450 мест в общежитиях.

Новое пополнение. Укрепление материальной базы позволило расширить прием в педагогический и учительский институты. Тем более, что школы республики ощущали недостаток учителей.

В 1944/45 учебном году для школ требовалось 2814 учителей, фактически же на 1 октября работало 2596 человек. Не хватало 218 педагогов. Для обеспечения занятий в школах был закрыт ряд классов, а их учащиеся переведены в соседние школы, увеличена учебная нагрузка преподавателей старших классов, часть учителей была привлечена к работе в две смены. Кроме того, десятки педагогов вынуждены были трудиться не по специальности. Использовались в качестве учителей и специалисты других областей народного хозяйства.

Поэтому вполне естественен скачок в росте численности студентов педагогического и учительского институтов. Так, если в 1945-46 учебном году обучалось в институтах 833 чел., то в 1951-52 учебном году их количество достигало 1850 чел. Был увеличен прием на очную и заочную формы обучения.

В первые послевоенные годы в институт пришли новые студенты, возмужавшие, немало видевшие. У многих из них на защитных гимнастерках блестели ордена и медали. Они чувствовали себя победителями. Хотя их, фронтовиков, было сравнительно немного, но они были в центре внимания, задавали тон в жизни института, сразу же взяли в свои руки руководство общественными организациями. В их числе были Ю.В. Абросимов, Б.Б. Батуев, И.А. Батудаев, А.П. Буинов, Ф.В. Варфоломеев, А.И. Воробьев, А.М. Гершевич, С.С. Заяханов, П.И. Ильюшкин, И.М. Занданов, И.М. Катаманов, М.Г. Калаганский, М.Н. Мангадаев, А.М. Омбоев, В.Н. Обожин, А.М. Сучков, И.А. Соктоев, И.Ф. Суворов, Е.Е. Тармаханов, И.С. Хамгушкеев, Ц.Ц. Цыдыпов, Н.К. Шантанов.

За плечами каждого из них — фронтовые дороги, окопы, бои, отступления и атаки. Среди них были раненые, контуженные, обгоревшие... Но это были сильные, волевые, закаленные люди.

Вот стоит перед картой Древней Греции и неторопливо рассказывает о Фермопильском морском сражении широкоплечий, слегка сутулый, невысокий молодой человек в форме старшего матроса. Лобастое лицо с огромным носом обрамляют гладкие черные волосы. На груди — два ордена Боевого Красного Знамени, медали. Это Калаганский Михаил, в прошлом — чемпион Бурятии по лыжам, в годы войны — легендарный морской разведчик — «черный дьявол», участвовавший в многочисленных походах к северным берегам Норвегии, не раз высаживался в тыл врага с моря, суши и с воздуха, на заключительном этапе войны участвовал в дерзком штурме причалов города Сейсина — крупного военного и торгового порта Северной Кореи. Михаил хорошо пел, играл на баяне. Он с отличием закончил пединститут, работал секретарем обкома комсомола, заведовал отделом пропаганды и агитации горкома партии.

Ермил Стулёв — авиатор. Поступал в пединститут дважды. Первый раз поступил в 1939 г. на физмат. Но учиться пришлось недолго. Был призван в армию. Служил в Хабаровске в шестом авиационном истребительном полку. Первое боевое крещение получил 22 июля 1941 г. в районе Борисоглебска. С того момента до 1945 г. — на фронте. Участвовал в боях на Орловско-Курской дуге, под Новгородом, Брянском, Смоленском, Кенигсбергом... Воевал в составе прославленного соединения «Нормандия-Неман». Отличался мужеством и храбростью. Награжден тремя боевыми орденами и многими медалями.

После войны поступил на истфак. Работал первым секретарем Северо-Байкальского РК КПСС, заместителем командира Улан-Удэнского объединенного авиаотряда.

Одновременно в студенческие ряды вливались люди с мозолистыми руками, закаленные в тыловой страде. Они имели

за плечами немалый жизненный опыт, были зрелыми с сильной жадой знаний. Своей настойчивостью, упорством, добросовестным отношением к учебе, общественной жизни они не только показывали пример молодежи, пришедшей в вуз со школьной скамьи, но и выступали в роли ее наставников и воспитателей. Некоторые из них «сжимали» годы учебы, вместо четырех заканчивали институт за три года. В их числе Б.Б. Батуев, И.А. Батудаев, Ф.В. Варфоломеев, В.В. Заикина, И.М. Занданов, Н.К. Шантанов. Они торопились работать. Ведь как говорят китайцы, самый лучший завтрашний день не вернет вчерашнего.

Рост контингента студентов потребовал значительного пополнения преподавательского коллектива.

После изгнания фашистов с советской территории многие прибывшие в Бурятию в годы войны преподаватели, уволились из пединститута и уехали на места прежней работы.

В конце 1943 г. дирекция института обратилась в Наркомпрос РСФСР с просьбой вернуть преподавателей, которые были мобилизованы в армию в годы войны: доцента В.Ф.Рябова, старших преподавателей А.М. Убугунова, Б.Н.Смирнова, а также направить для работы в институт лиц, окончивших аспирантуру, — директора Кяхтинского педучилища А.Г. Тапхаева, директоров и учителей средних школ А.К. Гаханова, Ф.Н. Гаханова, А.В. Гончикова.

После демобилизации из армии к педагогической работе приступили Н.П.Егунов, И.А. Асалханов, А.А. Белоусов, Д.Б. Васильев, Ф.С. Данилов, Л.Н. Устинов-Иванов, О.А. Сухов, Р.Н. Щербаков, И.В. Баранников, И.А. Дуринов и др.

Бывшие воины пользовались особым уважением у студентов. Они были желанными гостями на вечерах, которые устраивались в учебном корпусе, в студенческом общежитии. Да и лекции, и практические занятия в первые месяцы их работы нередко по просьбе студентов заканчивались рассказами о ярких, запомнившихся эпизодах их фронтовой жизни. Почти все они по прибытии в институт стали руководителями факультетов, кафедр.

Потребности в преподавателях института удовлетворялись и через направление Наркомпросом РСФСР выпускников центральных вузов и аспирантур, особенно из Московского и Ленинградского государственных университетов, а также через приглашение из других институтов и школ опытных преподавателей. В 40-е и 50-е годы коллектив Бурятского пединститута пополнился такими квалифицированными, перспективными специалистами, как А.А. Атарханов, Б.В. Башкуев, Б.О. Гатанов, И.Л. Дульбинов, Г.В. Забанова, В.И. Затеев, О.С. Игнаева, И.В. Измайлов, Н.Г. Краснопевцев, В.Н. Краснопевцева, Б.В. Матхеев, О.А. Нечаева, В.М. Соколов, Е.Е. Тармаханов, И.М. Тимофеев, Е.Т. Тимофеева, Д.Б. Улымжиев, Г.М. Хабаева, М.П. Хамаганов и др.

Многие из них со временем защитили кандидатские и докторские диссертации, в течение продолжительного времени возглавляли важнейшие участки деятельности вуза, трудились в стенах университета на общественных началах, передавая свои богатые знания и опыт будущим научным работникам и учителям.

Глава III

ТРУД ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

Отдавая дань глубокого уважения фронтовикам, общество помнит, высоко ценит труд, подвиг тех, кого скромно называют людьми тыла.

К людям тыла относятся не только те, кто учился или работал в годы войны в БГПИ, но и те, кто в военное время трудился на предприятиях, в колхозах, совхозах, других организациях, кто своим трудом участвовал в обеспечении фронта и тыла вооружением, продовольствием, промышленными товарами. Многие из них в послевоенное время связали свою судьбу с Бурятским пединститутом. Не одно десятилетие посвятили подготовке учителей для школ республики. А в годы войны являлись тружениками тыла. Тыл — это предприятия, организации, хозяйства, осуществлявшие обеспечение войск всем необходимым для жизни и боевой деятельности. В широком смысле слова тыл — это вся воюющая страна с ее населением, экономическими ресурсами и территорией. Надежный тыл — успех победы. Известно из истории много примеров, когда слабый тыл даже сильные армии обрекал в итоге на поражение. Говоря о роли тыла, прославленный советский полководец Г.К. Жуков подчеркивал: «Тыл — это половина победы, даже больше...». Советская армия имела сильный, надежный тыл. Несмотря на то, что мобилизация на фронт лишила город и деревню наиболее работоспособной части населения, значительной части техники и тягловой силы, оставшиеся в тылу мужчины, женщины, подростки, инвалиды заменили ушедших на войну. Они, не щадя себя, работали от зари до зари, у них не было ни выходных, ни отпускных, ни праздников. Пахали и сеяли, молотили и убирали урожай, заготавливали корма и ухаживали за скотом, добывали рыбу на Байкале. Многие ветераны военного тыла, которые впослед-

ствии работали в БГПИ-БГУ, оставили небольшие воспоминания под названием «О времени и о себе»: Воспоминания ветеранов тыла Великой Отечественной войны (1941-1945) Бурятского государственного университета». Составителями сборника воспоминаний являются председатель Совета ветеранов тех лет доцент П.С. Дырхеев, члены Совета Е.А. Атутова, Е.А. Бальхаева, Л.В. Шапова, ответ. редактор доцент А.К. Сокольников.

Сборник воспоминаний был опубликован к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (2005). Часть воспоминаний авторами приводится в данной главе.

Татьяна Борисовна Абзаева

Когда началась Великая Отечественная война Абзаевой Тане исполнилось 14 лет. Она с братом жила у бабушки Анны Варнаковны и дедушки Бухная Абзаевича. Дело в том, что когда ей было 5 лет умерла мама Улахнай Михайловна. В 1937 г. был репрессирован дедушка. Жизнь была трудной. Работать приходилось с раннего детства.

В своих воспоминаниях она пишет: «Я с малых лет помогала моей бабушке-чабанке колхоза имени Пушкина, во время учебы все летние каникулы справлялась с отарой самостоятельно. Отец мой Боргол Бухнаевич через год после смерти матери вновь женился, мы с братом иногда проживали в его семье. Отец был знаменитым рыбаком, прекрасно знал норы Байкала, умел сплотить вокруг себя людей, поэтому его не взяли на фронт, выдали, как тогда говорили, белый билет и отправили бригадиром в Нижнеангарск. Когда я жила у отца, то вместе с ним ловила рыбу и сетями, и неводом. Рыбы было много. Работали с большим энтузиазмом, преодолевая и холод, и трудности, зная, что рыба пойдет на питание бойцам Красной Армии.

Когда в детстве жила на Байкале, я не осознавала, в каком красивом месте я живу. Возможно, это потому, что несчастья сыпались одно за другим. В 1942 г. мой единственный брат

Панфил в начале войны был призван в армию, служил в Читинской области: армейцев в тылу недокармливали, писал, что терпит голод. Он умер через год после призыва от дизентерии. Мы с бабушкой и отцом глубоко переживали его смерть, она казалась нелепой случайностью: тогда ведь погибали на фронте, а тут — в тылу. Позднее в его честь я назвала своего старшего сына Панфила» (О времени и о себе... — С.6).

После окончания средней школы Татьяна Борисовна поступила в Бурятский пединститут. Получив диплом, трудилась в школе. Затем в течение 20 лет (1962-1982) работала в Бурятском педагогическом институте в основном методистом по заочному обучению под руководством С.А. Тыхеевой.

Надежда Борисовна Алдарова

Детство и юность Нади Алдаровой прошли на Ольхоне. Они были нелегкими. В 1938 г. был арестован отец Борис (Баргей) Иванович, работавший заместителем председателя колхоза. Он был обвинен в троцкизме, панмонголизме, о которых не имел никакого представления. Через два года его освободили. Вернулся домой весь больной, старый. В семье было четверо малолетних детей, Надя была старшей. Естественно, ей на ее детские плечи легло немало трудных забот.

В своих воспоминаниях она пишет: «В начале войны ушел в армию отец. С тяжелым сердцем мы проводили отца, еще не окрепшего после репрессии, страдавшего болезнью сердца. А вскоре пришли горестные вести: в пожаре войны, при стечении грозных обстоятельств, погибли все наши близкие родственники: два маминых брата Афанасий Александрович и Бахаруу Александрович Донькины, двоюродный брат отца Илья Петрович Хабаев. Получали подобные вести и многие другие колхозники, но ненависть к врагу и необходимость жить подняли народ. В Ольхоне, как и во всей необъятной стране, трудился и стар, и млад.

В две рыболовецкие бригады колхоза, в которых обычно было человек по 25, были включены подростки, учащиеся Се-

мисосенской начальной и Хужирской 7-летней школ, в числе которых была и я. Бригадиром были Радна Гармаевич Мангутов, Владимир Нохоев, после демобилизации из-за тяжелых ранений работал бригадиром Баргай Бадаевич Тугулов, на груди которого красовались ордена и другие знаки отличия. Их выбирали обычно из людей опытных, знающих море, требовательных и с хорошими организаторскими способностями. В бригадах были и старейшины — мудрые знатоки моря, миграции рыбы, атмосферных и других признаков окружающей среды, как дед Эмхээл Данчинов — человек необыкновенной душевности. Вспоминается мне и Евдокия Аримхеева — женщина средних лет, вынужденная пойти на рыбалку, оставив дома детей и хозяйство. Все были одержимы целью выловить как можно больше рыбы и отправить фронтовикам, а государственный план был велик, не всегда удавалось его выполнить, хотя был девиз: «Все до последнего омуля — на фронт».

За сутки в основном делали по 2-3 притонения. Если на одно притонение было необходимо при пологих берегах Семисосен минимум 7-8 часов, то можно представить, сколько времени приходилось на сон, еду, на то, чтобы просушить и починить невод, который часто приходилось вытаскивать из воды рваным, нитки для невода в то время были натуральные, слабые. Садись чинить невод, как только он высохнет, и старые, и дети. Исключение составляли те, кто уезжал сдавать рыбу в Хужирский рыбзавод, куда ездили поочередно, если вылавливали мало рыбы. Сдать рыбу — это был самый тяжелый труд для подростка: грузить ее на носилки, затем таскать нагруженные омулем носилки в лабазы, ставить на весы, от туда — к чанам, которые были довольно высокие для нашего роста, хотя врытые в землю, затем опрокидывать и снова тоже самое, пока не кончится в лодке рыба. А если вылавливали по 30-40 центнеров, ехали уже всей бригадой, оставив стариков и самых младших сушить и чинить невод. Ночной улов старались сдать как можно раньше, спешили, гребли изо всех сил, что было нелегко после тяжелого труда и бессонной ночи. А

чтобы вернуться на притонение, уже гребли под палящим солнцем километров 25-30 в зависимости от места нахождения стоянки.

Одним из важным этапов работы была загрузка невода со всеми стопами просмоленной толстой бечевы. Взрослые могли брать по одной стопе, разделив для обоих плеч, нам же стопу делили на двоих, да и то плечи сгибались, а ноги подкашивались, и нести их приходилось на довольно значительное для нас расстояние к берегу. Невод тащить по земле, затем по воде вроде бы было легче.

Загрузка на баркас, подготовка к отплытию в море занимала часа 2-3, и мы всегда спешили. Закинув невод, возвращались на берег и долгие часы потихоньку, спокойно тянули невод, прислушиваясь к указаниям бригадира, стараясь не спугнуть рыбу. Работа заканчивалась на рассвете часто с богатым уловом. Оживленные, мы залезали почти по горло в воду и приподнимали невод за поплавки и веревки, чтобы рыба не выскочила и не уплыла, а шла в огромный мешок в сердцевине невода. Окружив улов, подгоняли баркас, куда ребята постарше и покрупнее сачками закидывали рыбу.

Загрузив рыбу, мы прятались, чтобы снять с себя мокрую одежду и, чуть сполоснув, выжав, снова натягивали ее на себя и бежали к костру, тепла которого едва хватало на всех, а одежды не было, чтобы менять каждый раз. Неприятно ворошить прошлое, вспоминать выстраданное, нищету, но иногда приходится. Зато радостно думать, что наш труд, выловленная рыба, помогал фронту, фронтовикам, стране, Родине.

В годы войны Байкал наш любимый, наш кормилец, давал рыбу как никогда, сама природа была на нашей стороне. Бывало, часто слышали, что та или эта бригада выловила много центнеров рыбы за сутки, за неделю. Сейчас я, конечно, не могу с точностью вспомнить, сколько мы вылавливали, но старались изо всех сил.

Иногда бывали перерывы в нашей напряженной работе. Мы отсыпались в ветреную погоду, когда Байкал шумел, бурлил, когда рыбаки не выходили в море по несколько дней. И

молодость брала свое: мы много пели, начиная с обычной в то время «Мой костер», кончая любимой всеми нами «Прощайте, скалистые горы», и вообще знали много песен на военную тематику, пели и танцевали бурятский ехор, славили Байкал и свой родной край. Все достаточно хорошо владели русским и бурятским, хотя в школах района не было ни одного предмета по бурятскому языку и литературе, что, естественно, было большим упущением работников народного образования и политики тогдашнего правительства» (О времени и о себе... — С.9-10).

В 1954 г. Надежда Борисовна Алдарова закончила литературный факультет Бурятского государственного пединститута. Позже прошла аспирантуру в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, защитила кандидатскую диссертацию в Институте востоковедения АН СССР. Всю свою последующую жизнь посвятила преподаванию русского языка в Бурятском педагогическом институте, позже университете, подготовке высококвалифицированных специалистов для школ Бурятии.

Елизавета Африкановна Атутова

Когда началась война Е.А. Атутова училась в пятом классе Нукутской средней школы Иркутской области. Учащиеся 9-10 классов ушли на фронт. «Мы же, — как она пишет в своих воспоминаниях, — стали помогать колхозу: в летнее время на пшеничных полях руками пололи, выдергивали сорняки, косили сено, вязали снопы. Была норма: связать 800 снопов, а с 4-5 часов утра надо было заготовить «пояса» для их вязки. Осенью и зимой помогали молотить хлеб. Было очень трудно, все время хотелось есть, чтобы утолить голод варили суп из крапивы, заваривали чай из трав, собирали колоски, летом в болоте босиком собирали дикий лук — все это и было основной едой.

В школу нас привозили только 7 ноября, так как до поздней осени помогали молотить зерно на зернотоке.

... Много односельчан не вернулось с фронта. Во время войны наши родители получили более 40 похоронок на сыновей, мужей и братьев. Нас, учеников, просили, чтобы мы на карте искали города, села, где погибли и были похоронены мужья и сыновья. Вместе с ними мы горевали и плакали, как могли, утешали своих близких. Первым с войны вернулся наш земляк Илья Николаев, израненный, без одной ноги, на костылях, все мы побежали посмотреть и послушать его, а наши матери и бабушки горько плакали, глядя на него.

В месяц один-два раза показывали кино о войне, в то время кино было немое. Билеты стоили 5 копеек, но и этих денег у нас не было. Взяв по 2 яйца из дома, мы бежали к кинемеханику, чтобы он пропустил нас. Колхозники получали за труд трудодни, которые переводили на деньги и на них получали зерно и крупы. Летом меня назначили учетчицей животноводческой бригады, и я должна была на трудодни начислять продукты дояркам.

Когда демонстрировали первые фильмы о войне, наши родители плакали, некоторые даже не могли досмотреть фильм до конца и уходили в слезах. Как мы все ждали победы! Мы учились уже в восьмом классе, когда узнали о победе. Все ученики выбежали в школьную ограду, пели, плясали, ехорили. Мы переживали, что наши родные поздно узнают о победе, потому что наша деревня располагалась в 45 километрах от центра» (О времени и о себе... — С. 16).

Е.А. Атутова окончила Бурятский пединститут, работала в Советском РК КПСС, в БГПИ, старшим преподавателем кафедры истории партии.

Евгений Лубсанович Бадмаев

Третьекласснику Жене Бадмаеву на всю жизнь запомнился конец апреля 1940 г. В это время состоялась торжественная встреча с земляками первого бурята Героя Советского Союза, участника финской войны верхнеторейца Гармажапа Аюровича Гармаева. Как он пишет в своих воспоминаниях, на

встречу прибыли руководители республики, а также видные деятели культуры, в числе которых находились Хоца Намсараев, Цыден Галсанов и другие. Для приветствия героя у здания Верхне-Торейского сельсовета была построена дружина школы, и собрались жители села. К этому времени Хоца Намсараев опубликовал стихотворение «Геройдо», которое мне, пионеру 3 класса, поручили продекламировать и выступить с пионерским приветствием. Торжественная встреча героя, пионерское приветствие и декламация стихотворения прошли очень празднично.

По окончании в 1941 г. местной начальной школы учебу продолжил в Гэгэтуйской неполной средней школе. Это были трудные годы Великой Отечественной войны. В районе, как и во всей стране, население испытывало острый недостаток товаров первой необходимости и продовольствия. В классах и общежитиях школы было холодно, так как не удавалось выполнить план заготовки дров. Преподаватели-мужчины ушли на фронт. В школе не велось преподавание физики, иностранных языков и физкультуры. В таких условиях тяжело было учиться. Но, несмотря на все эти трудности, школа продолжала работать.

В колхозах и совхозах основной рабочей силой стали женщины и старики. В летний каникулярный период к выполнению сельскохозяйственных работ широко привлекались школьники. В родном колхозе все годы учебы в летние месяцы мы убирали сорняки с грядок огородных культур, картофельных полей, перевозили копны сена для скирдования, распиливали и перевозили дрова для местной школы.

Когда мне исполнилось 14 лет, по решению бригадира полеводческой бригады меня назначили машинистом конной сенокосилки, и все последующие годы учебы в летние периоды я работал машинистом сенокосилки. Воспоминания о военном тыле были бы не достаточными, если не говорить о том, что в то время в стране осуществлялась программа военной подготовки ребят 8-9 классов средней школы. В августе 1945 г. по линии военкомата в числе других я был мобилизо-

ван и направлен в палаточный городок, расположенный в низовьях Верхней Березовки (около г. Улан-Удэ). По прибытии в лагерь нас распределили по отделениям, ротам и взводам. Меня отправили в отделение ручных пулеметчиков, где ознакомили с требованиями строевой подготовки, тактики пулеметчика в условиях оборонительных и наступательных боев, учили методам стрельбы из пулемета и т.д. После 1945 г. по решению правительства страны сборы учащихся школ для военной подготовки были прекращены (О времени и о себе... — С. 18-19).

Трудовую жизнь Евгений Лубсанович начал в 1951 г. в качестве преподавателя Цакирской средней школы Закаменского района. В 1955 г. избран вторым секретарем райкома партии. В 1960-1967 гг. работал заведующим Улан-Удэнским городским отделом образования, позже доцентом, заведующим кафедрой, секретарем парткома БГПИ. За трудовую деятельность неоднократно награждался почетными грамотами разного уровня, медалями РФ, знаками отличника просвещения РФ и СССР, имеет звание «Заслуженный учитель Бурятской АССР».

Владимир Лазаревич Балдаев

Не намного отличалась от других биография военного времени Владимира Лазаревича Балдаева. «Мое детство, — как он пишет, — было трудным, как и у всех детей довоенных и военных лет, испытал все тяготы Отечественной войны. Рано начал работать в колхозе: возили, копнили и даже косили сено, работали на посадке картофеля, сахарной свеклы, турнепса и других овощей, а также работали на прополке и уборке с мая месяца до самого сентября, за что был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Работа в колхозе давала возможность бесплатного питания, что было немаловажно для многодетных семей. Нас, детей 9-11 лет, на сенокосе поднимали в шесть часов утра. В эти часы, пока везешь копну до зарода, успевали заснуть на

лошади в седле. Разбудят тебя и галопом скачешь к следующей копне.

После войны Владимир Лазаревич окончил 10 классов средней школы №18 г.Улан-Удэ, Ленинградский государственный институт физической культуры им.П.Лесгафта. Позже защитил кандидатскую диссертацию. 20 лет трудился заведующим кафедрой физической культуры и спорта. Профессор.

Галина Балдановна Балданова

Каждый по-своему услышал слово «война». Галине Балдановне было уже 18 лет и она, судя по воспоминаниям, «понимала, что будет тяжело и была готова к любым трудностям, тем более что и детство мое было тяжелым, полусиротским: мама растила нас, четверых детей, одна, отец умер. Жили мы в Агинском Бурятском автономном округе Читинской области. Я окончила семь классов, но далее учиться не могла, надо было помогать семье. Познала все виды сельскохозяйственных работ: заготовку сена, прополку, уборку хлеба, когда началась война, наша работа обрела более высокий смысл: это все было нужно уже фронту.

Райком комсомола оценил мою активность и рекомендовал меня на должность инструктора райкома комсомола. Позже вступила в партию, и как партийный работник ездила по деревням и селам, встречалась с тружениками, проводила беседы, привозила свежие новости о положении на фронте. Люди хорошо понимали, что требует от них родина, работали добросовестно. Женщины оставляли маленьких детей дома одних, без присмотра, на работу выходили и старики, и дети-подростки. Многие женщины овдовели уже в первый год войны. Для меня, молодой девушки, самым трудным было разговаривать с матерями и женами, получившими похоронки на сыновей и мужей. Когда я вспоминаю время моей партийной работы в период войны, я представляю в воображении людей,

с которыми приходилось общаться. Как они тогда верили в нас, коммунистов, и в победу!

В г. Улан-Удэ приехала с мужем, где он работал художником-оформителем книжного издательства. Почти двадцать пять лет я проработала начальником канцелярии БГПИ им. Д.Банзарова. За эти годы при мне сменилось четыре ректора, со всеми находила общий язык, помогала им, как могла.

Елена Александровна Бальхаева

Как свидетельствуют воспоминания, не беззаботным было детство и у Елены Александровны. Надолго в памяти остались страшная засуха 1933 г., позже массовые репрессии, в начале 40-х — война. Она, как топором обрубила детство. «На селе не осталось трудового населения: и мы, — пишет он, — с дошкольного возраста стали работать в колхозе: пололи зерновые посеы от сорняков, ездили верхом на лошадях на сеноуборке, на бороновании пашен, а кто чуть постарше садился на грестилки, сенокосилки, жатки. В то время основная вспомогательная сельская работа выполнялась гужевым транспортом — на лошадях, волах, значительно менее производительных. Хорошо помню: работали почти весь световой день с перерывом в знойное, жаркое время. Я смело шла на любую работу, не хотела отставать от мальчиков. Это хорошо помогало мне быстрее и лучше осваивать навыки порой непосильного труда. Мы, дети войны, знали, что своим посильным трудом помогаем Родине, фронту. В бригадах, на станах нас кормили чем могли — тоже хорошее подспорье семьям.

С наступлением школьных занятий (я пошла учиться в 1942 г.) мы продолжали работать с отрывом и без отрыва от занятий в основном на уборке урожая: на стационарной молотилке подавали снопы, отвозили солому. Но мы чувствовали всеобщее удовлетворение, когда из бункера сыпалось хлебное зерно, основной и важнейший продукт колхозов. Порой молотилка работала круглые сутки, дабы ускорить заготовку зерна и уменьшить потери урожая. В наших краях с плодородными

Т. Б. Абзаева

Н. Б. Алдарова

Е. А. Агутова

Е. Л. Бадмаев

В. Д. Дылгеров

П. С. Дырхеев

В. Л. Дудченко

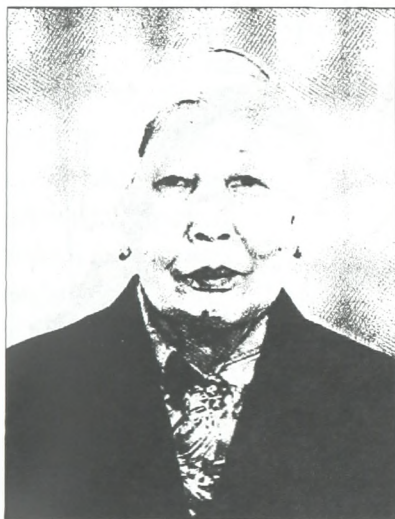
О. Т. Ильина

Г. М. Хабаева

В. Н. Краснопевцева

М. Б Лобсанова

Д.-Н. Д. Доржиев

Е. А. Бальхаева

В. Л. Балдаев

И. В. Будник

Н. Н. Буланова

землями наряду с хлебопашеством занимаются животноводством, скорее они дополняют друг друга, образуя единую сельскохозяйственную систему. И мне приходилось работать телятницей в летнюю пору, за что насчитывали трудодни, и в конце благополучного года мы получали натуральные продукты. Но в военные годы основные продукты производства сдавались больше государству и меньшая часть их оставалась на внутривоспроизводственные расходы — для общественных столовых и распределение.

За годы войны погибло много моих земляков, основных тружеников. И это отразилось в послевоенные годы. Обнищали колхозы и сами труженики-колхозники. Но моральный дух, воля людей, вернувшихся с фронта, подрастающего поколения способствовали быстрому восстановлению народного хозяйства.

Несмотря на все тяготы и лишения, я продолжила учебу в школе. Успешно закончив ее в 1951 г., сдав конкурсные вступительные экзамены, я вместе с подругой Майей А. поступила в Боханское педагогическое училище — настоящую кузницу педагогических и научных кадров. Это была моя заветная мечта: в 16 лет выбрала профессию учителя (О времени и о себе... С. 24–25).

В 1970 г. Елена Александровна окончила Бурятский пединститут. Многие годы трудилась зав. кабинетом марксизма-ленинизма, преподавателем истории. Награждена знаком «Отличник народного просвещения РСФСР», почетными грамотами, медалями.

Доржи Молонович Бурхинов

Когда началась война, Доржи Молоновичу было уже 14 лет. Он до войны помогал в дни летних каникул семье: пахал землю, косил и убирал сено, работал на зернотоках. Продолжались эти занятия и в годы войны. С большим желанием учился, правда школа находилась далеко от села. В своих воспоминаниях он пишет: «До пятого класса я не знал русского

языка, стал изучать его и говорить, когда учился в Баянгольской семилетней, а после — в Курумканской средней школе. Школы находились в 25 и 50 километрах от нашего села, ходил пешком, один раз даже пришлось заночевать в стогу. Несмотря на эти трудности, все мы хотели учиться, получить образование. У нашего поколения была огромная тяга к учебе, хотя многие и не могли получить высшее образование из-за тяжелого материального положения. Им нужно было работать, чтобы помогать своим семьям. Да и все ученики летом были заняты на колхозных работах.

Однажды пришлось перегонять лошадей до станции Татаурово, откуда их отправляли на фронт. Так мы сдали табун в 500 голов. Среди 4 погонщиков я был самый маленький, хотя уже мастерски владел искусством верховой езды. Да и какой же деревенский мальчишка не мог лихо скакать на лошади. Было очень трудно, хотелось домой, в тепло. А дома я был единственный грамотный, поэтому письма родителям от братьев с фронта читал я. Один брат вернулся из Кенигсберга, другой — из Болгарии, а двое пропали без вести под Ленинградом» (О времени и о себе. С. 31–32).

Я, Бурхинов Д. М. окончил физико-математический факультет Бурятского государственного педагогического института, работал в средних школах г. Улан-Удэ с 1947 по 1963 год. С 1963 по 1965 год учился в аспирантуре института теории и истории педагогики АПН СССР, защитил диссертацию на степень кандидата педагогических наук, работал деканом физмата и заведующим кафедрой педагогики и психологии Кызылского государственного педагогического института, затем доцентом БГУ.

Сержена Валентиновна Вампилова

О начале войны Сержена Валентиновна узнала по сообщениям радио, установленному на рынке в центре с. Алари. Запомнился ей отчаянный крик из уст женщин: «Дайн захалаа» (война!). Ясный, солнечный июньский день в один миг пре-

вратился для нее в бесконечно долгое, мрачное время, полное тревог и лишений, потерь и ожиданий. Как и везде, в деревне остались старики, женщины, дети и те, чье присутствие в тылу было продиктовано потребностями военного времени.

Из Алари (по ее подсчетам и по материалам архива старшей сестры Ирины) ушли на фронт 70 человек, из них 36 не вернулись домой. Из Вампиловых 10 человек являются участниками Великой Отечественной войны, двое Роман Николаевич и Бадма Савельевич погибли. Есть в Алари семьи, не дождавшиеся многих своих сыновей. Так, погибли четверо сыновей Баторовых, трое Будеевых, Иринчевых, двое — Борисовых, Назаровых.

У Сержены Валентиновны военное время делится на две части. Одну часть она прожила в Бурятии у родственников, другую — дома, в Алари Иркутской области. Второй период, по ее словам она вспоминает с особым трепетом. Здесь приходилось много работать, помогать колхозу. «После уроков нас, школьников отправляли на уборку колхозного картофеля. На этой работе мы чувствовали себя лучше, увереннее, чем во время сеноуборочной или хлебоуборочной кампании. Здесь мы могли сами себе задавать ритм своей работе, могли передохнуть, пошутить, чтобы веселее шло дело. Было трудно, тяжело косить сено на аларских просторах, где густая, сочная трава не совсем легко поддавалась маленьким косарям. Иногда коса оказывалась выше того, кто держал ее в руках (как у меня, например). С большим удовольствием я подвозила верхом на коне копны сена к зароду. Так что война изнуряла своими тяготами не только на фронте, не только взрослых, но и малолеток в глубоком тылу. И в этом, видимо, сила и слабость военного лихолетья: пройдя через трудности, люди закалялись, чтобы в конце концов победить...

Спасибо богине памяти: она помогла мне оживить военные страницы моей жизни. Но она рыдает порой от горя и отчаяния «при виде того, что совершается» у нас последние 20 лет — в стране-победительнице. Мы захлебнулись в парадоксах сегодняшней жизни. Несмотря на «блеск и фанфары» в честь

Победы, одержанной советским народом в самой кровавой, но справедливой войне, мы, ветераны фронта и тыла (может, не все?), пожилые, еле живые все бредем и бредем по России сирой... И это после той «Великой Победы?!» (О времени и о себе... — С.38, 40).

Даши-Нима Доржиевич Доржиев

В начале июня Даши-Нима сдал последний текущий экзамен, получил у классного руководителя С.М. Самдано табель об окончании пятого класса. Настроение было очень хорошее. Вдали на берегу Аги виднелись белоснежные бурятские юрты. Недалеко велись ремонтно-строительные работы. Хорошо думалось о планах на лето. Но вскоре все поменялось. Сам Даши-Нима Доржиевич об этом пишет так: «Утром 22 июня я позавтракал, запряг трех своих лошадей, погрузился и поехал к месту засыпки земли. В это время подходит проходящая мимо дороги полуторка со стороны Агинска и, позвав меня, вышедший из машины человек, сказал: «Иди, собери людей!». Когда собрался народ, он с волнением сказал: «На нашу родину вероломно напала фашистская Германия. Передовые части нашей Красной Армии дают достойный отпор зарвавшимся врагам!». Так началась для меня Великая Отечественная война, война советского народа против фашистской Германии.

Мы, ребята, воспитанные на идеях непобедимости Красной Армии, между собой рассуждали: «Этих фашистов раздробим в пух и прах! Пройдет какой-нибудь месяц, и они будут разгромлены». И к вечеру 22 июня, сами погрузили и перевезли последние тележки с землей, пошли ужинать. Видим, что все взрослые колхозники призывного возраста уехали в центральные усадьбы колхозов, остались старики и дети школьного возраста, повара и некоторые женщины. На следующее утро все разборные тесовые дома-летники, войлочные юрты были погружены на воловь и верблюжьи телеги, и вся оставшаяся масса людей двинулась в направлении своих колхозов. К вечеру остались старики и школьники, ожидавшие

указания своих председателей и бригадиров, завтра необходимо было выехать на сенокос.

Лето было дождливое, трава выросла хорошая. По прибытии на сенокосное угодье поставили большой продолговатый шалаш для сенокосчиков, изгородь для лошадей, работающих на сенокосилках, конных граблях по перевозке копен и для других хозяйственных нужд. Были привезены ручные косы, грабли, вилы и другие необходимые сеноуборочные орудия и инструменты. Наступила горячая сенокосная пора.

Хотя тогда мне было всего тринадцать лет, бригадир Раднаев-ахай сразу же назначил меня сенокосильщиком. Эта работа весьма была ответственна, по-своему почетная, престижная, ибо заработки были высокими. В моем ведении находились четыре отборные сменные лошади. Вместе со мной на косилке работала пожилая, опытная женщина Лхама-абгай, которая помогала мне, поддерживала меня в трудных моментах. Мы, косильщики, должны были каждодневно работать без простоя, чтобы вовремя обеспечивать работой остальных сеноуборщиков сушеной травой для копнования, перевозки этих копен и скирдования сена в зароды. Напряженная сенокосная работа кипела, как говорится, от зари до зари. Я все четыре военных года работал на конной сенокосилке во время сеноуборочной страды.

Чтение газет, приносимых агитаторами, бригадирами, возчиками продуктов, вызывало у нас постепенное понимание того, что идет ожесточенная борьба на фронтах, мы скорбели по поводу сдачи известных крупных городов страны. С другой стороны, мы радовались героизму наших летчиков, Талалихина и других, которые, не щадя жизни, сражались с немецкими «ястребами». Из центра колхоза нам ничего не передавалось, не сообщалось, так как все лето мы находились неотлучно на сенокосе, а людей становилось все меньше и меньше, ибо многих трудоспособных стариков и женщин отправляли в другие места: по уходу за скотом, на гурты овец и на иные работы.

В сентябре заканчивалась сеноуборка, и нас перебазировали на хлебоуборку, привезли в полевой стан. Здесь кипела работа по очистке зерна на государственную поставку. Мы работали на сушке зерна, очистке его веялкой, сортировкой трером, а также подготовкой семенного зерна. Эта работа продолжалась до 20 октября, т.е. до начала учебных занятий школьников.

В те годы в Аге была одна средняя и три семилетних школы. Начало учебных занятий было одновременно радостным и печальным событием, ибо тогда шла война, после ухода детей в школу оставались работать на полевом стане почти одни старики и старухи. Нам было жалко их, поэтому мы, школьники, оставались работать с ними до самого конца октября.

Я отношусь к тем, кто всю войну учился в нашей Агинской средней школе. В военные годы большое количество ребят-школьников было отправлено в ФЗО, многие ребята, в основном девушки, оставили учебу и стали работать у себя в колхозе скотниками, доярками, чабанами, а также в полеводческих бригадах. В 1940/41 учебном году в Агинской средней школе было пять пятых классов, из них осталось в 1944/45 учебном году в десятом классе всего десять человек. Военные годы были тяжелейшими для всего советского народа, особенно было трудно подрастающему поколению, несшему на своих плечах немалую долю тягот в обеспечении тыла ресурсами и поддержке фронта. Дети страдали от недоедания, отсутствия необходимой одежды и обуви, нехватки школьных принадлежностей, начиная от тетрадей, ручек, карандашей и т. д. Несмотря на эти и другие трудности военного времени, советские люди своим героическим трудом обеспечивали фронт всем необходимым, начиная от вооружения, заканчивая продовольствием» (О времени и о себе... С. 41–43).

После войны Даши-Нима Доржиевич окончил Агинское педучилище, Бурятский государственный пединститут. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Многие годы преподавал бурятский язык и литературу в Агинском педучилище, в Бурятском пединституте. Заведовал кафедрой бурят-

ской филологии. Ему присвоено звание профессора. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель науки Республики Бурятия.

Валентина Леоновна Дудченко

Когда началась война, Валентине Леоновне исполнилось 16 лет. В семье было восемь детей, она была старшая. «В 1937 г., — пишет она в воспоминаниях, — в наш дом пришла беда: отца репрессировали, и мать осталась без мужа с маленькими детьми, работать было некому. И мне как старшей пришлось пойти работать с 15 лет. Взяли меня работать санитаркой в больницу. Я старалась выполнять свои обязанности как можно лучше, ведь мой паек кормил всю семью.

Началась война. Я в этом же году пошла работать в военный госпиталь. Шли эшелоны с ранеными. Нам приходилось их разгружать и доставлять в госпиталь. Работа была трудная. Мы, шестнадцатилетние, выносили раненных на носилках, обмывали их, ухаживали за ними, дежурили по ночам. Таким образом, я проработала в эвакуогоспитале с 1941 до 1945 г.

После войны, когда расформировали госпиталь, ушла работать в стоматологическую поликлинику №1 г. Улан-Удэ, где проработала до 1980 г. В 1981 г. поступила на должность вахтера в пединститут. Отсюда ушла на пенсию по болезни. За свой труд была награждена медалями». (О времени и о себе... С.44).

Владимир Дагбаевич Дылгеров

Шестиклассник Владимир Дылгеров узнал о начале войны 23 июня. Бригадир и парторг бригады объявили собранию, на котором присутствовали и дети, что фашистская Германия внезапно напала на СССР, подверглись бомбардировке многие наши города и села. Правда, как пишет Владимир Дагбаевич, — «Мы, дети, по своей наивности встретили эту грозную весть без особого беспокойства, так как были уверены, что

Красная Армия в скором времени прогонит фашистов от наших границ и разобьет их в самой Германии. Реакция же взрослых была, конечно, прямо противоположной. Многие плакали, говорили, что пришла большая беда, все мужчины будут призваны в армию, вернутся ли они обратно домой, в колхозе работать будет некому, как будем жить и т.д. И, действительно, вскоре многие их опасения начали оправдываться. Все мужчины призывного возраста стали призываться и ребята, с которыми совсем недавно играли в лапту, в городки, купались и т.д. Когда началась война, мне было не полных 13 лет. Ребята чуть постарше стали постепенно впрягаться в работу наравне со взрослыми, женщинами и стариками. Первого сентября, как и прежде, пошел в школу учиться в седьмой класс Торской школы.

Вопреки нашим ожиданиям фашисты продолжали наступать. Захватив многие города и села, они приближались к Москве и Ленинграду. Огромную радость принесла нам весть о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Появилась, наконец, надежда, что фашистов можно бить и побеждать, а недалеко то время, когда они будут изгнаны с нашей территории.

После окончания седьмого класса сразу включился в работу бригады своего колхоза. Рабочих рук не хватало. Работа подростков была большим подспорьем колхозу. С нас требовали как со взрослых как в смысле объема выполняемых работ, так и в смысле ответственности. Работали в буквальном смысле день и ночь, особенно во время сенокоса и хлебоуборки. Подросткам приходилось пахать, боронить, жать, возить, стоговать сено и т.д. Так работали с июня по сентябрь в 1942–1944 гг. В 1944 г. мы уже составляли основную ударную силу в своем колхозе.

Учеба в годы войны также была нелегкой: сказывалось слабое материальное обеспечение, отсутствие учителей по некоторым предметам и другим причинам. Ученики сами заготавливали дрова, отапливали школу в зимнее время. В боль-

шинстве случаев в классах сидели в верхней одежде при температуре минус 5–10 градусов.

Наше ликование, наша радость были поистине «со слезами на глазах», когда мы узнали о победе Красной Армии. 9 мая 1945 г. — этот день является в моей памяти самым волнующим и радостным днем в жизни, так как четыре года войны были для нас годами изнурительного труда, годами утраты, печали и горечи.

После войны в 1950 г. окончил физико-математический факультет Иркутского госуниверситета, в 1954 г. — аспирантуру Красноярского педагогического института и защитил диссертацию. В 1954–1965 гг. работал там же старшим преподавателем, доцентом, зам. декана. С 1965 г. работал в БГПИ-БГУ доцентом, зав. кафедрой теоретической физики, деканом физико-математического факультета. Заслуженный учитель школы Республики Бурятия.

Максим Абидуевич Зонхиев

Нелегкими были детские годы у Максима Абидуевича. В 1937 г. подвергся незаконному аресту его отец и был выслан как «враг народа» на Урал. Мать и трое детей оказались бездомными: дом и все имущество было конфисковано. В годы войны старшие братья Максима Абидуевича были призваны в армию и направлены на фронт. Самому же Максиму Абидуевичу рано пришлось приобщаться к труду. В своих воспоминаниях он пишет: «Мне рано пришлось начать трудовую деятельность. Я начал работать в колхозе: учился боронить, убирать хлеб, помогал пасти овец. Было очень трудно, но мы знали, что это нужно для фронта. Старшие братья были на фронте, и мы ждали весточки каждый день. Кто-то в деревне уже получил похоронки, и мы стали бояться прихода почтальона. Есть было нечего, мы собирали на полях колоски, замерзшую картошку, травы для чая, грибы и ягоды.

Мне, Максиму, пришлось в 1944 г. работать в сельскохозяйственном производстве в колхозе им. Калинина, потом

объединенного с колхозом им.К.Маркса. Все колхозные мужчины ушли на фронт. Поэтому мы, женщины и дети, выполняли всю мужскую работу. Я пас коров, ухаживал за телятами, задавал им сено и корма, поил водой, убирал за ними в стайках, в которых коровы и телята проводили почти все зимнее время. Приходилось косить сено, стоговать его в зароды, заготавливать и пилить дрова, возить на быках воду и еще многое другое.

В зимнее время молочнотоварная ферма, на которой я работал, размещалась в долине реки Баргузин. Заведующей фермы была моя тетя (сестра отца) Эрэнжит Зонхиевна Гомбоева. Ее муж Радна Бадмаевич Гомбоев и два сына Очир и Будэ храбро сражались с врагом. Муж и сын Очир были ранены и умерли, едва вернувшись домой.

Летом стада перегонялись на летние пастбища и переходили на подножный корм на левобережье реки Инны (Онео), являющейся одной из крупных полноводных быстрых левых притоков Баргузина. Сено на зиму мы ездили заготавливать в долину Баргузина. Работа эта была не из легких, но мы с ней справлялись. Мой труд в тылу в помощь стране и фронту был по достоинству оценен: за доблестный и самоотверженный труд в годы войны я был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». (О времени и о себе... С.50–51).

После окончания школы Максим Абидуевич поступил в педагогический институт имени Доржи Банзарова на физико-математический факультет. В 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук в Ленинградском политехническом институте. Тридцать лет с 1969 по 1999 год проработал в пединституте. Доцент, член-корреспондент Международной академии информатизации. Имеет правительственные награды.

Екатерина Филипповна Куржумова

Когда началась война Екатерине Филипповне было 17 лет. Ее семья жила в деревне Сухая Кабанского района. В Сухой была только начальная школа. Продолжила обучение в Оймурской средней школе. Интерната в Оймуре не было. Ученики из ближайших деревень жили или у родственников, или у знакомых.

Наша деревня, пишет Екатерина Филипповна, находилась в тридцати километрах от Оймюра. Домой за продуктами ходили пешком. Выходили вечером в субботу, возвращались в воскресенье. Все летнее время ученики работали в колхозе: пахали землю, сеяли хлеб, жали, веяли зерно, косили сено, ловили рыбу. Учебный год начинался глубокой осенью. Электричества и керосина не было. Дома освещались очагом. Разжигали очаг смоляными лучинками и возле него шили, вязали, починяли одежду, стирали, готовили уроки. Дрова заготавливали сами, из леса возили их на себе, на санках.

По окончании стала полностью работать в колхозе. Труд оплачивался трудоднями, на которые почти ничего не получали. Работающим выдавали хлеба по 400 граммов в день, а иждивенцам — по 200 граммов. Хлеб пекли пополам с кукурузой и гольяном. В январе 1944 г. была зачислена стажером гидрометслужбы Иркутского управления, а в мае этого же года переведена наблюдателем метеостанции в нашей деревне Сухая. В свободное от дежурства время опять-таки работала в колхозе, только теперь уже совсем без оплаты.

День Победы никогда не забудется! Все люди бежали к сельскому совету, радостные, но со слезами на глазах. После войны тоже были трудности, но стали возвращаться мужчины, и жизнь понемногу налаживалась. В нашей семье вернулся с войны один из двух братьев, ушедших на фронт, Иван Филиппович, а другой брат Николай Филиппович погиб. Эта война никогда не забудется.

Мария Будажаповна Лобсанова

Так как Мария Будажаповна была дочерью партийного работника, которого периодически направляли на работу из одного района в другой, то и ей приходилось менять места учебы. Год в одной школе, следующий — в другой... Но независимо от географии школы, учащиеся каждой из них принимали участие в сельскохозяйственных и других работах в колхозах, на промышленных предприятиях, транспорте.

В своих воспоминаниях Мария Будажаповна пишет: «В 1942 г. я в числе других старшеклассников Сосновоозерской средней школы работала на местном рыбзаводе — летом мы под руководством опытных рыбаков (в основном стариков) «неводили», а зимой «бармашили» (занимались подледным ловом рыбы). На этих работах мы познали нелегкий труд рыбаков, лучше стали понимать, как непросто достаются рыбацким бригадам каждые «ударные», «для фронта», центнеры рыбы.

После перевода отца в Селенгинский район (1943–1945 гг.) мне, уже «опытной» работнице «трудового фронта», к тому же дочери партийного руководителя района, пришлось показывать пример добросовестной работы уже на сенокосе и на хлебоуборке (в колхозе имени Кагановича). Здесь пришлось осваивать ручную косьбу сена на неудобьях, в болотных местах, метание стогов, вручную (серпами) жатву зерновых, вязание снопов и установку суслонов, работу у молотилок, чаще всего ночью и т. д. Так что мое поколение не понаслышке знало тяжесть крестьянского труда, голод и холод тогдашнего быта.

Между прочим, я, по своему характеру, да и по состоянию здоровья, не была шустрой, но все порученное мне выполняла добросовестно и аккуратно. Это каждый раз замечалось и отмечалось бригадиром, и он нередко поручал мне быть учетчицей и принимать работы. Однако мои подруги не обижались на меня, так как я старалась быть справедливой, помогала «отстающим».

Наряду с сельхозработами, которые приходились на лето, зимой мы заготавливали дрова для школы, больницы. Конечно, на такие работы в первую очередь мобилизовывали парней, но их-то среди старшеклассников почти не было. Поэтому приходилось и нам, старшеклассницам, участвовать, как мы шутили, в «лесоповалах».

Завершение школьной учебы и поступление в вуз совпало у меня с окончанием войны. В 1945 г. я поступила на исторический факультет БГПИ, после окончания которого занималась преподавательской деятельностью, а также работала старшим лаборантом кабинета общественных дисциплин.

Либерия Лаврентьевна Маркова

Военные годы моей жизни связаны непосредственно с военной средой: отец, майор связи, служил на востоке, и мы, его семья, вели вместе с ним кочевой образ жизни. То жили в воинской части в Николаевске-на-Амуре, то в Хабаровске, то в селе князь-Волконское, только тогда я не вникла в суть названия князь-Волконское, позже поняла, что оно не случайное.

В военной городке мало было гражданского населения, и мы, дети офицеров, очень гордились, что живем среди бойцов Красной Армии. Нас и учили не просто учителя, а те, кто познал войну, ленинградскую блокаду. Они по тем или иным обстоятельствам вынуждены были приехать на Дальний Восток. В годы войны в школе было ужасно холодно, не помню почему, но печи не топились. В классах стояли буржуйки, от которых тянулись трубы. Мы торопились прийти на уроки пораньше, чтобы занять место у теплой трубы.

Ни о каких праздниках в годы войны не могло быть и речи, ни о елке, ни о Первомая мы не знали, но подарки нам давали. Хорошо помню, что это были пряники. Мешок с пряниками ставили в проеме двери класса, и каждому, кто подходил, кому в ладони, кому в карманы, кому в ученический фартук, клали, не помню сколько, это сладкое чудо. Голодные годы войны забыть невозможно. Хлеб по карточкам — это 300 г. на

день. Хлеб привозили из Хабаровска раз в неделю. Нас собиралось много у магазина, весь военный городок. Как только ни коротали мы это время в очереди: играли в лапту, чижику, зимой катались на санках, лепили снежную бабу, дурачились, но никогда не ссорились, не дрались, не завидовали друг другу, не вырывали из рук такой дорогой ценой доставшийся нам хлеб.

Летом переходили на подножный корм: собирали конский щавель, заячью капусту, а в реке ловили раков и доставали со дна реки моллюсков. Это было непросто — нырнуть, успеть засунуть палец в пока еще открытые створки, иначе не достать было мягкого нежного мяса, садили огурцы, большую часть засаживали табаком, затем сушили, мелко-мелко рубили и продавали бойцам, только сами не притрагивались и не пытались курить.

В кино нас не пускали. Солдатская столовая после ужина, где демонстрировали фильмы, была для нас неприступной крепостью. И если выпадал случай, то разрешалось сидеть только на полу, что нас совсем не огорчало. Кино было вторым чудом после новогодних пряников.

Военная дисциплина, а может быть, война, накладывала и на нас какой-то отпечаток, я думаю, прежде всего, воспитывала в нас ответственность. Это качество особенно проявлялось, когда мы вступали в комсомол. Мы поступали так же, как те, кто уходил на фронт, прибавляли себе годы. Я тоже прибавила себе год и тем самым вступила в комсомол раньше.

Членские взносы нужно было платить каждый месяц. Как комсорг я должна была увозить деньги в Хабаровск, это в 40 км от нашего военного городка, и вот в мороз, в ветер и вьюгу приходилось добираться и пешком, и на попутках. И один раз я обморозилась, в райкоме мне потом растирали щеки и ноги снегом.

Несмотря на войну, голод, мы умели радоваться жизни. Ни радио, ни телевизора, ни магнитофона не подарило нам военное детство, зато выдумки, веселья, задора, шуток, песен было через край. Художественная самодеятельность заполняла все

наше время. В годы войны в моде была чечетка, и мы все учились в спортзале выбивать ту-степ, из номеров успехом пользовались живые пирамиды в 3-4 яруса — страшно было, но красиво. Песни у костра, походы, гайдаровские движения, сбор колосков — всем этим мы жили, как и дети всей нашей страны.

И вот долгожданный День Победы! В моей памяти — это музыка, потому что 9 мая на военном плацу сводный военный оркестр, не переставая, играл «Прощание славянки». Радость, гордость и музыка переполняли нас, юных, вступающих в большую жизнь. После войны окончила историко-филологический факультет БГПИ, работала в школе, а с 1961 г. работала в родном институте до ухода на пенсию. Кандидат педагогических наук, доцент, отличник народного образования Российской Федерации.

Гармацырен (Геннадий) Цыденович Молонов

Неблагоклонной была детская судьба к Геннадию Молонову. Не исполнилось еще и пяти лет — репрессировали и расстреляли отца, когда исполнилось десять лет — умерла мама. Вдвоем с братом остались у деда. Будущий профессор трудиться начал с самого раннего детства. Уже после окончания второго класса, летом 1942 г. возил копны сена к зароду, ухаживал за лошадьми. Несмотря на трудности работа на сенокосе, по воспоминаниям Геннадия Цыденовича, доставляли огромную радость. Помощь колхозу требовалась и в следующем году и наверно в каждый летне-осенний сезон.

Не случайно и в 1943 г. он с удовольствием трудился на сенокосе, на уборке хлеба. В своих воспоминаниях он с любовью описывает технологию своей работы. «Я работал гусевиком (ведущим на конной жатке). Две лошади тянули жатку, которая скашивала поспевший хлеб, а третий конь, на котором сидел гусевик, помогал тащить жатку. В обязанности гусевика входило смотреть, нет ли камней, которые могут повредить зубья жатки. Кроме того, гусевик начинал повороты, когда

жатка доходила до края зернового поля. Женщина, которая правит жаткой, из-за лошадей не видит край поля. До 20 сентября я работал на хлебоуборке, а потом пошел в четвертый класс. Закончил четвертый класс с похвальной грамотой.

После 20 мая я участвовал во вспашке паров: в плуг запрягаются две лошади, они должны ровно тянуть, плуг вгрызется в землю, примерно до 20–30 см, слой земли поворачивается, затем вспаханный участок нужно заборонить и потом сеять зерна. В конце мая-июня нужно вспахивать под пар, для посева в будущем году.

Летом в сеноуборке выполнял работу по сгребанию сена, гребли деревянными граблями и ставили копны. Я в бригаде №1 колхоза им. С.М. Кирова был ведущим гусевиком и работал на поле до 11 октября, работали допоздна, при свете луны, спали в укрытии, сделанном из высоких жердей, на них накидывали сено, солому, на пол набрасывали солому, на нее потник, укрывались старой шубейкой. О простынях, наволочках, подушках, одеялах речи не было.

Каждый год 11 октября я думаю, как это я спал на уже холодной земле. И ведь не простывали, не болели. Работали с душой, с пониманием, что помогаем Родине побеждать врага. Как мы гордились, когда первыми увозили зерно на государственный заготпункт на Чикое, оттуда пароходом зерно увозили в Улан-Удэ.

20 ноября дедушка увез меня в бурятское село Хаян, там в 1943 г. организовали 7-летнюю школу, она действовала до 1945 г. Занятия уже шли с начала октября, но меня приняли. Такое стало возможным потому, что дядя (брат отца, вернувшийся раненым с фронта) женился на учительнице, она поддерживала материально и морально. Однако я жил в Хаяне 20 дней, а дома 10. В том учебном году из нашего улуса в учился Бичуре лишь сын председателя колхоза Максим Гармаев, классом выше. Больше никто, т.к. были невероятные трудности с транспортом, никаких машин, автобусов, мотоциклов.

Наступила весна, пришел май. 9 мая был теплый день, я подхожу к школе, на крыльце сидят директор школы Баханов

Трофим Васильевич, милейший и образованный учитель, и другие. Он говорит примерно так: «Война кончилась, мы победили, сегодня День Победы, учиться не будем». Никаких «ура», линейек не было. Учитель физкультуры (имя, отчество не помню), биологии (Ирина Хапдархаевна, впоследствии Жигжитова, сын ее Жигжитов работает в Закаменске, один из спонсоров культурно-образовательной сферы своего района) с тремя учениками (нами) долго гуляли за селом. Без конфет, без чая, застолья. Молодой учитель физкультуры вскоре ушел в армию и погиб в войне с Японией осенью того же года.

Войну мы, дети, переживали очень глубоко. Дядя с тетей выписывали газеты «Бурят-Монгольская правда» и «Унэн», из них я вырезал газетные фотоснимки наших военачальников: Жукова, Рокосовского, Ватутина, Черняховского, Воронова, Лелюшенко и других. Через Хаян проезжали первые фронтовики в военных кителях, шинелях, на них смотрели с благодарностью и радостью. Несколько десятков моих односельчан сложили головы на фронтах Великой Отечественной войны. Многие были покалечены, один из них, Дымбырл Жигжитов, вернулся слепым, ему было не более 23 лет. После войны долго и тяжело поднимали хозяйство, обустроивались. А сколько осталось жен без мужей, детей без отцов. Все это вспоминается чуть ли не каждый день.

Учеба и труд в годы войны, послевоенные годы оставили в памяти тяжелые воспоминания, но была глубокая вера в лучшее будущее. («О времени и о себе...» С. 61–64).

В 1954 г. Геннадий Цыденович окончил истфак БГПИ с отличием. Прошел в МГПИ им. В.И. Ленина аспирантуру, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации по педагогике. Профессор. Автор более 200 научных работ. Подготовил более 50 кандидатов и докторов наук. Кавалер медали К.Д. Ушинского. Отличник народного образования СССР и РСФСР. Член-корреспондент Сибирского отделения МАН ВШ.

Маргарита Викторовна Монкетова

Маргариту Викторовну война застала в Кабанске. Она была ученицей 4 класса средней школы. Осенью 1941 г. семья переехала в Улан-Удэ и Маргарита стала учиться в средней школе №4, где директором была Е.А. Рампилова.

В 1943 г., как отмечает М.В. Монкетова, школы города были разделены на мужские и женские, и нас перевели в здание бывшей гимназии по ул. Куйбышева и стали называть женской средней школой № 3. Директором была Е.Я. Яцевило, прекрасный педагог, отличный организатор. Начиная с лета 1942 г. и по 1945 г. я ежегодно выезжала на летние каникулы к бабушке в колхоз «Сталинский путь» Нукутского района Иркутской области. Там вместе со своими ровесниками работала в колхозе на сеноуборке, сборе колосков пшеницы, на прополке овощей и картофеля и даже пробовала работать на жатке. К бабушке я выезжала оказывать посильную помощь, так как она после ухода двух сыновей на войну против фашистской Германии оставалась дома одна. Бабушка очень радовалась, когда я после работы приносила домой заработанные продукты: 100 граммов мяса, горсть муки с полынью и др.

А летом 1943 г. на месяц я выехала со своим классом школы № 3 в с. Оронгой Иволгинского района, где мы занимались прополкой пшеницы, заросшей полынью, и нам приходилось иногда вдвоем тянуть один стебель полыни, который был выше нашего роста. После Оронгоя я опять выехала к бабушке. Так что в 1941-1945гг. я работала в летние месяцы в колхозах нашей республики и Иркутской области, где познала все тяготы сельской жизни и гордилась, что вносила свой вклад в общую борьбу народа против немецких фашистов.

В 1951 г. окончила БГПИ. Работала в школах республики. С 1970 по 1985 г. (до выхода на пенсию) являлась руководителем подготовительного отделения БГПИ. Отличник просвещения РСФСР.

Виктор Васильевич Морохоев

Когда началась Великая Отечественная война, Виктору было 11 лет. В своих воспоминаниях вдова Виктора Васильевича М.Ш. Шобогорова-Морохоева пишет: «Как все деревенские дети периода войны, он выполнял в колхозе самые разные работы: косил, стоговал, боронил, пахал и т.д. Во время сенокоса работал на конной косилке. Утром рано выезжали на косьбу. Днем отдыхали, ибо в жару на лошадях невозможно было работать.

Когда осенью собирали первый урожай зерна, то торжественно, празднично, с подъемом организовывали его сдачу в зернопункт. Готовили несколько пар лошадей. На телегу грузили мешки с новым урожаем. На переднюю подводу укрепляли красный флаг, а дальше висели лозунги: «Все для фронта, все для победы!» В такие моменты собирались все люди, работающие в поле, они помогали готовиться в путь и проводжали подводы, которые ехали в Черемхово, где сдавали зерно. От первого урожая везли зерно на мельницу, мололи и пекли хлеб. Виктор вспоминал этот момент как большой праздник: люди с большим нетерпением ждали первый хлеб нового урожая. Для детей он был особенно вкусным.

Во время войны Виктор год не учился по семейному положению — болела мать. Она не хотела, чтобы сын только помогал дома, хотела, чтобы он работал в колхозе, так как рабочих рук не хватало. Всю зиму Виктор проработал в колхозе, кормил лошадей, убирал.

Он очень любил лошадей, знал их повадки и клички. Видимо, поэтому на его письменном столе под стеклом все время лежали репродукции картин с изображением лошадей.

Но самая тяжелая работа, по его воспоминаниям, была сдача зерна. Он ездил сдавать от колхоза зерно в Черемхово на трех лошадях, а на каждую телегу грузили по 6-8 мешков. Там, на зерновом пункте, мешки таскали на спине до самого верха зерновой кучи, куда поднимались по трапу, сколоченному из досок. Вот такую тяжелую работу выполнял трин

дцатилетний мальчишка. Приходилось работать очень много, так что Виктор часто задерживался до ночи. Иногда мать даже выходила его встречать ночью за деревню.

Когда окончилась война, он заканчивал 8 класс. Он вспоминал, что это был замечательный, теплый, солнечный день. Ликованию народа от счастья, что окончилась война, не было конца. По просьбе директора школы Виктор водрузил красное знамя над школой, этим он очень гордился. Говорил, что это знамя долго висело над школой.

В Аларской школе не было 10 класса, от кого-то он узнал, что в Улан-Удэ открывается школа для сирот, и он приехал в Улан-Удэ и стал учиться в 10 классе в республиканской бурятской школе-интернате. После ее окончания поступил в педагогический институт на исторический факультет, который закончил в 1951 г. Работал в школах Джидинского района учителем, завучем, затем директором.

Впоследствии, закончив аспирантуру в Воронежском университете, работал доцентом в ВСТИ, через некоторое время перешел в БГПИ, где работал проректором по заочному обучению, деканом историко-филологического факультета, зав.кафедрой истории КПСС. До последних дней своей жизни работал в родном университете, он заслуженный учитель Республики Бурятия, отличник народного просвещения РСФСР и СССР. («О времени и о себе...». С. 66–67).

Михаил Петрович Хамаганов и Ольга Александровна Нечаева

Эту семью война застала в Москве. Ольга Александровна и Михаил Петрович заканчивали Московский областной пединститут, сдавали государственные экзамены. В Москве была напряженная атмосфера. 3 июля выступил по радио И.В. Сталин, который объяснил сложившуюся на фронтах обстановку и призвал народ перестроить всю жизнедеятельность и экономику страны соответственно требованиям войны, призвал

партию и народ подняться на борьбу с врагом, покончить с беспечностью и резко повысить бдительность.

Москва в июле по ночам подверглась бомбардировкам.

В своих воспоминаниях Ольга Александровна пишет: «Я со своими подругами пряталась в это время в бомбоубежище в подвале, а Михаил Петрович с другими ребятами дежурил на крыше: сбрасывали неразорвавшиеся бомбы или осколки с крыши общежития. Он выполнял также отдельные комсомольские поручения: несколько раз сопровождал партии машин до линии фронта. От мобилизации Михаил Петрович был освобожден по состоянию здоровья.

Днем мы работали на срочном строительстве бомбоубежища, также помогали перевозить библиотеку института за город, куда был переведен МОПИ в связи с тем, что здание института занималось под госпиталь. Были случаи, когда электричка останавливалась, все по тревоге быстро выбегали из вагонов и бросались на землю по обочинам, потому что над головами грозно, жутко гудели немецкие самолеты.

В конце августа 1941 г. по направлению Наркомпроса СССР мы с Михаилом Петровичем приехали в Улан-Удэ в распоряжение Наркомпроса Бурят-Монгольской республики, а затем в райцентр Тункинского района — поселок Кырен, в Кыренскую среднюю школу.

В Кыренской школе Михаил Петрович работал директором, затем заведующим Тункинским районо, а я работала учителем русского языка и литературы в 5-10 классах. В этой школе учительствовала 3,5 года, до середины 1944 г., пока мы переехали в Улан-Удэ. Михаил Петрович работал консультантом культуры в Наркомпросе, затем заведующим ИУУ. С 1944 г. я стала работать на кафедре русского языка Бурятского пединститута защитила в Москве в 1955 г. кандидатскую, в 1975 г. — докторскую диссертации.

Кыренская школа в годы войны, конечно, переживала огромные трудности, но продолжала работать, как и до войны. И ученикам, учителям было и холодно, и голодно, приходили повестки мобилизации учителей, а затем и старших учеников.

Хлеб выдавали по карточкам: сначала по 150, а затем по 100 граммов. В школе не было учебников и тетрадей, не было дров для отопления. Учителя ходили по домам учеников, просили родителей привезти по возу дров, но далеко не все родители могли это сделать. Не было керосина, чтобы зажечь лампы, а электричества в Кырене не было.

Голодали и ученики, и учителя, но работали и в школе, и на колхозных полях, и на пришкольном участке. Дети приносили на участок куриный помет, выращивали в бумажных стаканчиках картофельную рассаду из глазков, собирали колоски.

Особенно тяжело было, когда стали брать на фронт мальчиков-учеников старших классов. Помню, как провожали учеников 9 класса: Меньшикова Виктора, Бутакова Александра, Молонова Сокто и др. Но школа работала, как и до войны, в две смены, выполняла закон всеобуча. Жизнь не останавливалась, учились дети, учили и воспитывали в трудных условиях учителя, часто готовясь к занятиям при лучине, проверяя детские работы, написанные на старых газетах между строчками. Но и взрослые, и дети — все жили единой верой, что победа будет за нами.

Добрые воспоминания остались о первых наших коллегах-учителях. Светлая память Анне Александровне Бабоевой, заслуженной учительнице Бурят-Монголии. Она была бессменным завучем, великим тружеником, организатором тяжелейшей работы в школе в годы войны. Так начиналась наша педагогическая деятельность. Это были трудные, но незабываемые годы». (О времени и о себе... С. 68–69).

Михаил Петрович защитил кандидатскую диссертацию, затем докторскую — в 1969 г. Профессора Михаил Петрович и Ольга Александровна — заслуженные деятели науки Российской Федерации. О.А. Нечаева — кавалер Ордена Октябрьской революции.

Серафима Дармаевна Никорова

Для Серафимы Дармаевны активная трудовая жизнь началась еще в довоенную пору. Она, пятнадцатилетний подросток, обязана была выкашивать по пять соток травы, тем самым оказывать помощь родному колхозу села Жемчуг, что в Тункинской долине.

Вот так она пишет о своих первых трудовых опытах: «Мы с сестрой впервые держали в руках косы, которые постоянно вонзались в землю. Мы пролили немало слез, пока научились косить. Жили мы на полевом стане. Кормили нас хорошо, ежедневно варили суп с мясом, а вечером угощали саламатом или творогом со сметаной. По существу, это был лагерь труда и отдыха, и поэтому в бригаде работали и дети 6-7 лет, они после обеда возили копны. Спали мы на общих нарах, ребята наперебой рассказывали сказки о колдунах, чертях, оборотнях. Было очень страшно. К сожалению, будили нас рано, чуть забрезжит свет — а мы уже завтракаем. Косили мы без отдыха по три-четыре часа. Во главе прокоса шли дедушки, юноши, женщины, а потом мы, подростки. Наши косы дружно пели: «дзинь, дзинь, дзинь ...». Это было красивое зрелище. Днем мы ворошили сено, копнили, а взрослые стоговали. Мы работали без усталости, как бы играючи, весело. После работы к полевому стану, мы шли с песнями, шутками. Именно тогда я научилась петь бурятские песни. Так нас учили работать, дружить и радоваться результатам своего труда.

После окончания 6-го класса я с подружкой работала в бригаде по заготовке сена в лесу. Нас опекала моя тетя, повар бригады. 25 июня 1941 г. к нам приехал бригадир и сообщил страшную весть о начале войны, он говорил, что вражеские самолеты и танки бомбят и разрушают наши города и села. Мы со слезами слушали каждое его слово. Я горько плакала и о нашем брате Максаре Шатонове, который после окончания артиллерийского училища в г. Тамбове служил в г. Орле. Я понимала, что он уже на фронте, что его могут убить. Я как

бы предчувствовала: в 1942 г. наш брат, молодой капитан, пропал без вести. До сих пор мы ничего не знаем о его судьбе.

Бригадир успокаивал нас, уверял, что война закончится через 3-4 месяца. Закончив покос в лесу, мы переехали в центр колхоза на уборку луговых трав. В то лето на покосе работали одни женщины, старики и дети. Косили и сгребали сено только вручную, так как лошадей тоже «призвали» на войну. Меня назначили учетчицей на центральной молочно-товарной ферме. С рассветом босиком (не было обуви) бежала по холодной росе до фермы и принимала молоко, разливала по бидонам и везла на маслозавод в соседний колхоз. Молоко вечерней дойки я увозила уже ночью. Мне было 13 лет, я боялась темноты, волков и чертей. На завод приезжала уставшая, напуганная, вся в слезах. Мама очень жалела меня, по ее просьбе меня перевели на уборку зерновых. Хлеб убирали также одни женщины и дети. Мальчишки 7-9 классов жали хлеб на конных жатках, так как все трактористы колхоза были призваны в армию; Мы, девочки, вязали снопы и ставили суслонны. Учащиеся 5-10 классов работали до конца уборки хлебов. С нами рядом работали наши учителя И.Ж. Жамсарано, Б.Я. Ажеев, Г.С. Шалтыков, Л.Л. Ревина, З.И. Петухова и другие. С началом учебных занятий в конце октября нас перевели на работу в животноводстве. После уроков мы убирали стайки, кошары, свинарники, ухаживали за телятами, чистили и поили коров, овец и свиней, а мальчишки возили сено, солому, силос. И так каждый день. В нашей школе не преподавали физику, биологию, иностранный язык, пение и физкультуру.

Обучаясь в 7-м классе, я два месяца вечерами учила русскому языку молодых девушек на курсах трактористок при Кыренской МТС. Днем они учились ремонтировать трактора, а после занятий я обучала их пению и танцам. Мы любили петь песни: «Помню я молодухой была», «Тройка», «Во поле береза стояла», «Мама, я летчика люблю», «Гори, гори, моя звезда» и другие. Так мы жили и работали в годы войны. Мы понимали, что работаем для фронта, для победы.

После окончания 7-го класса Жемчугской семилетней школ 1942 г. я поступила учиться в Театрально-музыкальное училище, Улан-Удэ. Меня приняли сразу на два отделения — театральное и вокальное. Все годы учебы мы ездили на заготовку дров для училища и общежития. В лесу жили в бараках и землянках, работу выходили, голодными, и только вечером мы с жадностью съедали свои 400 г хлеба. Мы, хрупкие и голодные подростки (многим было по 14–17 лет), все делали сами: спиливали деревья (сосны), срубали сучья, сжигали ветки, распиливали бревна на двухметровки и складывали в штабеля. Было очень тяжело, но мы не жаловались.

В годы войны в училище было создано много концертных бригад. Мы выступали в госпиталях. Каждый концерт мы начинали песней Александрова «Священная война». Со слезами на глазах раненые слушали песни «Москва моя», «В землянке», «Темная ночь», «Письмо матери». Мы пели и романсы Чайковского, Глинки, Рахманинова и других композиторов. Я еще и читала. В моем репертуаре был монолог Татьяны из романа «Евгений Онегин», исполняла роли Заремы из «Бахчисарайского фонтана», Марины Мнишек из «Бориса Годунова» Пушкина.

В госпиталях не хватало медсестер, и мы часто оставались дежурить на ночь, мы перебинтовывали раненых, кормили, выносили судна, читали книги, писали письма родным солдат, а с некоторыми по их просьбе разучивали песни.

После окончания училища я два года работала в Бурятском театре оперы и балета, затем была направлена на учебу в Ленинградскую консерваторию. Мне посчастливилось учиться вместе с уже знаменитыми певцами Н.К. Петровой, В.Д. Лыгденовой, Л.Л. Линховоиным и другими. Но, к сожалению, консерваторию я не окончила по состоянию здоровья.

В 1963 г. Серафима Дармаевна окончила Бурятский пединститут, в 1973 г. аспирантуру при НИИ национальных школ РСФСР, защитила диссертацию. Из женщин-буряток стала первым кандидатом педагогических наук. В БГПИ и БГУ про-

работала в общей сложности 34 года, из них 4 года деканом вновь созданного факультета начальных классов.

Цымжит Нимаевна Нимаева

Когда семилетняя Цымжит услышала слово «война», оно не показалось ей чем-то серьезным. «Но вот, — пишет она, — увидела девушек нашего села, сидящих на полutorке, увозящей их в райцентр. Все они были молоденькие, юные, в своих бурятских тэрликах-дэгэлах, с очень печальными глазами. Но они не плакали, потому что с детства нам внушали: не плакать, не показывать людям свои «грязные слезы». Тогда-то, увидев их, я поняла, что пришла беда. До сих пор эти девушки, как живые, ярко предстают перед глазами, будто это было вчера. Большинство из них не владело русским языком. Вернулось их очень мало. Помню из них Хандаму, очень добрую женщину, говорили, что она стала попивать.

Моему отцу в это время было за пятьдесят. В военкомате ему сказали, что он уже стар для фронта, и, переодев в солдатскую форму, отправили в Забайкальский военизированный конный завод, в Борзинском районе, выращивать лошадей для фронта. До войны он был охотником, имел специальное удостоверение. В свободное от охоты время он в лесу занимался смолокурением для нашего колхоза. Когда ушел в армию, мы с мамой и старшей сестрой пытались продолжить его работу. Но это оказалось очень трудным делом. В скалу была вделана печь из кирпичей, ее надо было непрерывно топить сосновыми поленьями, тогда через трубу бежала черная смола-деготь в бочку. Это был очень нужный колхозу продукт, потому что им смазывали оси телег, иначе они быстро изнашивались, производили ужасный скрип при движении колес.

Наступили самые трудные дни: люди начали получать похоронки. Из многочисленных похоронок до сих пор тяжело вспоминаю, как их получила семья моей подруги Далаевой Цыцык: сначала пришла похоронка на ее отца, а затем на брата Бадара. У соседки Митуповой Мыдык погиб единственный

сын, приемный. До конца своих дней она тяжело оплакивала своего дорогого Цыдыпа. Был он очень добрым, хорошим парнем, работал до войны водовозом.

К 1943 г. мы перебрались на хутор, недалеко от села Агинска. Благодаря отцу-охотнику у нас был свой конь — смиренный чубарый мерин. В колхозе не хватало лошадей, и стали просить нашу чубарку на работы. Но мама никому его не доверяла, говорила, что плохо будут с ним обращаться, бить по голове и т.д. И мне пришлось ездить на нем. Мне было уже девять лет, и с раннего возраста я была приучена сидеть на коне. Приходилось выполнять разные работы: возила воду для тракторной бригады, копны на сенокосе, зерно для мельницы.

В нашем хуторе было всего два коня — у нас и у бабушки Цырегмы Санжаевой. Жила она с шестилетней внучкой Надей — круглой сиротой: ее отца, сына бабушки Цырегмы Даши, забрали в армию еще в 1938 г., а мать ее, невестка Цырегмы, умерла от туберкулеза. Бабушка Нади тоже никому другому не доверяла коня, и поэтому маленькая Надя ездила на нем сама. Когда возили копны, Надя держалась около меня: ведь я считалась уже большой. Кажется удивительным, но мы выполняли дневную норму.

Мельница была на окраине с. Агинска, а там почти у всех были коровы, козы, куры и т.д. От этих животных опять мы с Надей сторожили телеги с зерном целыми днями, возвращались уже поздно ночью. Иногда попадали под ливень, грозу. Муку укрывали, укутывали брезентом от дождя. За лето нас сильно кусали комары, болячки гноились и даже было больно надевать и носить обувь. До сих пор остались следы на ногах и руках. А ночами готовили для фронтовиков посылки: овчинные рукавицы, вязаные носки, кисеты. Один год мы даже не учились: все время работали. И вот пришла долгожданная весть: Победа!

Хорошо помню 9 мая 1945 г.: старшеклассники шумно кричали, бегали по улицам с криком: «Победа! Победа!» Радовались, но с некоторой сдержанностью, потому что вокруг было много горем убитых друзей, подруг. У кого-то убит

отец, брат, сестра и т. д. Поэтому слезы были горячие и радостные.

Любовь Николаевна Раднаева

Семья Любви Николаевны жила в селе Аргада Курумканского района. Семья была большой: родители и семеро детей. Все от мала до велика трудились на колхозном огороде, так как отец являлся бригадиром. Он собственно и стоял у истоков огородничества. Ему приходилось обучать членов бригады различным агротехническим приемам работы по выращиванию огородных культур.

Любе, которой не исполнилось и девяти лет, вместе со всеми трудилась в прохладных колхозных подвалах на переборке картофеля. Позже, в 1944 г. была построена сушилка, в которой сушили картофель, овощи для отправки на фронт.

В своих воспоминаниях она пишет: Мы сортировали овощи, а взрослые их нарезали и сушили в печке. Затем затаривали сушеные овощи в мешки. Помню, что подъезжали люди на лошадях и отвозили сушеные овощи на телегах в центр для отправки на фронт. Увозили и сушеный табак для фронта. В марте начинали сеять рассаду. Мы всей семьей из газетной бумаги делали горшочки для рассады. Затем горшочки наполняли землей, высаживали в них рассаду, а позднее рассаду высаживали на колхозный огород.

В дружной семье огородников работали дети разных национальностей: русские, буряты, китайцы, татары. Все работали добросовестно. Труд был тяжелым, изнурительным. Основным орудием труда, конечно, были плуги, лопаты, грабли, бороны, тяпки. Тягловой силой были волы. Площадь огорода была достаточно большой. Полив огорода шел вручную, воду привозили из речки в бочках на телеге. Здесь кишмя кишели комары, пауты, мухи, мошкара. Страдали из-за них все. Плакали, но работали. Нам приходилось полоть, поливать, прореживать, окучивать, собирать урожай. Должна отметить, что в те голодные годы огород кормил всех. Колхозники осенью

могли получать на трудодни свой, а не привозной картофель, овощи. Уже к концу сороковых годов многие аргадинцы научились выращивать овощи на своих частных огородах. Глубокая усталость и истощение сил замечалось в деревне. Ни отдыха, ни сколько-нибудь сытной еды, а еще в зимнее время многие страдали из-за ветхой одежды. Но люди стойко переносили все трудности.

В сентябре 1944 г. я пошла в школу. Это был настоящий праздник, но проучились мы всего одну неделю. С 10 сентября всех школьников на месяц отправили собирать колосья в Куйтун. Фактически почти полтора месяца мы собирали колосья. Очень радовались, когда находили норки сусликов, в них был целый склад зерна (примерно с килограмм). Мы оттуда выгребали чистое зерно. Учитель вел учет. Лучших отмечали на линейке. Ясное дело, что каждый стремился собрать больше. Собирали колосья ежегодно до 1947 г.

Другим ярким примером заботы о наших доблестных воинах Красной Армии был сбор теплых вещей. Аргадинцы вносили в фонд теплые вещи: полушубки, рукавицы, варежки, носки, шапки и т. д. Помню, что зимой 1944 г. только мы с бабушкой Дарьей связали и сдали в фонд рукавицы, носки и варежки. Я рано научилась вязать от бабушки, которая постоянно пряла и вязала для нашей большой семьи. В том году родители сдали несколько теплых вещей (телогрейку, шапку, шарфы и т. д.), также подписались и на государственные займы.

В начале 1945 г. в Аргадинской семилетней школе были организованы сборы облигаций госзаймов. Все облигации родителей мы сдали в школу. Директор школы на линейке объявил нам благодарность. Тогда дети многих колхозников сдали облигации школе. Хочу отметить, что многие колхозники и рабочие Бурятии в то время добровольно вносили в фонд обороны деньги, драгоценности, сельскохозяйственные продукты, различные вещи. В этом патриотическом движении активное участие приняли и колхозники села Аргады. Все наши дела и помыслы были направлены на приближение скорой победы. Несмотря на военные трудности и лишения все дети в

нашей семье закончили школу и получили высшее образование.

Альбина Кирилловна Сокольников

Когда началась война Альбине Кирилловне было 11 лет. Во время переезда семьи из Читинской области в Бурятию в поселке Тупик, был арестован отец Кирилл Кириллович по 58 статье и то селение на военные годы стало местом жительства Альбины Кирилловны и ее близких.

Нас, школьников, пишет она в своих воспоминаниях, определили для работы в совхоз Северный. Работали на огородах и в основном в лесу, так как вечная мерзлота не очень-то расположена к земледелию. Выручала тайга: собирали березовые почки, грибы, ягоды. Все это сдавали в совхоз. Трудно было детям, на себе испытала. Однажды нам дали задание нажать травы для телят. Выдали серпы, рассказали, как надо ими работать: сначала траву захватить серпом, а уже потом взять пучок рукой. Теорию я уяснила, но была слаба физически. Сильно болела спина, и я жала траву, сидя на корточках. Неосторожное движение — и я полоснула себя по коленке. Боль, кровь, слезы. А шрам остался до сих пор. И зимние работы тоже были связаны с лесом: заготавливали и вывозили на санках дрова для себя и для школы. Мороз жуткий, одежка ветхая, труд непосильный. Отрадой были школа и библиотека. Учились мы с удовольствием, участвовали в самодеятельности, проводили интересные вечера в школе, выступали в доме культуры перед населением, а все свободное время проводили в библиотеке: читали, играли в литературное лото, брали книги домой. Зимой читать приходилось около печки: ни свечей, ни керосина не было. Благо, нам мама сумела сделать так называемую печурку, что-то вроде камина, только повыше, чтобы мы могли читать, не сгибаясь, надо было только вовремя подкладывать мелкие полешки. При печурке и уроки делали. Тетрадей не было, писали на старых книгах между строк. Но главное — овладевали знаниями. Следили за продвижени-

ем нашей армии, радовались каждому взятому городу. Ждали победы, посылали подарки на фронт, вышивали на кисетах: «Привет с Крайнего Севера!».

Трудно было с учителями. Но основные предметы нам преподавали классные профессионалы: русский язык и литературу вел учитель, выехавший из блокадного Ленинграда, математику учительница, приехавшая с оккупированной Украины, физику вела секретарь райкома комсомола, не имея педагогического образования, но предмет был. А вот с иностранным языком не повезло. Всего несколько дней мы в шестом классе изучали немецкий язык.

У учительницы математики Клавдии Павловны Зозули был сын Миша, вместе они сбежали с запада от немцев в такую даль. Кроме него из беженцев в нашем классе училась Нина Лебедь. Нам их было жалко, особенно Нину. У Миши мать учительница, получает дополнительный паек, а Нина жила со старшей сестрой — тоже ученицей и матерью. У них не было ничего. У нас, местных, было что-то в хозяйстве: коровы, куры. Коровы давали мало молока, но все-таки давали — если не попить, то хоть чай забелить. Помню такой случай. Пришла к нам мать Нины, была зима, а она одета кое-как, замерзшая, как сейчас вижу ее, но, ни тогда, ни теперь не могу сказать, какова она была по возрасту и по внешности. Очевидно, это была участь большинства женщин во время войны. Это хорошо показано у Виктора Астафьева в рассказе «Шорник». Так вот мама ей налила молока, чтобы она отнесла детям, и эта женщина благодарности бросилась маме в ноги. Я единственный раз в жизни видела подобное. Мне было жутко. Мама ее подняла, и они долго вместе плакали, проклиная подлую войну.

Не могу не рассказать о таком случае. Было лето третьего года войны. По поселку ходили слухи: «Дезертиры! Дезертиры!»). Люди боялись ходить в лес. Дезертиров вскоре поймали. И одного я видела сама. Два милиционера вели по поселку мужчину-эвенка, вид у него был жалкий, руками он держал солдатские штаны (ремень был снят), шел, наклоняясь вперед,

постоянно спотыкаясь; Зрелище было не из приятных, чувство было неопределенное: надо было ненавидеть его (сбежал с фронта), а вид этого «воина» вызывал жалость. Много лет спустя я прочитала повесть Валентина Распутина «Живи и помни», и передо мной ярко ожила эта картина. Оказалось, что Распутин в детстве, во время войны, видел точно такого же дезертира у себя на родине в Иркутской области. И будучи талантливым писателем, развернул этот жизненный эпизод в щемлящую душу повесть о дезертире и его жене Настене.

В год Победы я окончила семилетнюю школу, дальше учиться было негде: средняя школа только в сотне километров. Наступил сентябрь. Мы не учимся. Тоска. 15 сентября мы с подружкой Валей пошли за ягодами. День был солнечный. Хорошо в лесу, но нас это не радует. Вместо сбора ягод лежим на полянке, и одни разговоры о желании учиться. Подобно трем чеховским сестрам, которые бредили Москвой, мы бредили учебой. И уже много лет спустя, когда я была студенткой Бурятского пединститута, нас, десятерых отличников, направили на экскурсию в Москву. Я плакала на ступеньках недавно построенного МГУ имени Ломоносова от зависти, что не смогла учиться именно здесь. И только значительно позже, будучи сама преподавателем БГПИ, на курсах факультета повышения квалификации в Москве и в Ленинграде я прослушала полный курс русской литературы в МГУ, слушала лекции таких корифеев науки, как Лихачев, Благой, Западов, Панченко, Лотман, Фохт и другие, мое тщеславие было как-то удовлетворено.

Бросили мы собирать бруснику и вернулись домой. Дома нам сказали, что нас просил прийти заведующий районо Леонид Иванович Чижов, он по совместительству вел у нас русский язык и литературу, поэтому знал нас хорошо. Перед Леонидом Ивановичем — ленинградцем, человеком высокой культуры и благородства, предстали плохо одетые девчонки, да к тому же босиком. Наш мэтр и учитель тут же оформил нас на работу воспитателями детского сада. Только посоветовал надеть что-нибудь на ноги. Долго рылась я в куче старой

обуви, пока не нашла изрядно потрепанные туфли (если их можно было назвать этим словом) на 2 размера больше моей ноги, но зато на ремешках, что и удерживало их на ногах.

Так с 16 сентября 1945 г. начался мой трудовой стаж. Внешне я на воспитателя совсем не походила, уж очень худая и маленькая. Дело в том, что в девять лет я жутко болела, была дистрофиком, год не училась. Подняла с постели и выходила меня мама, но, ни в росте, ни в весе, ни перед войной и за время войны я не набрала. В седьмом классе на уроках военного дела (у нас был такой предмет, учились стрелять, бросать гранату) на построении я была почти последней.

И вот такой я стала воспитательницей. Повар Мария Спиридоновна посмотрела на меня и сказала: «Давай померяемся». Она была невысокого роста, а я ей была — до уха. Но за год работы в детском саду я так вымахала, что теперь Мария Спиридоновна мне была ростом до уха. А причиной тому, как мне кажется, была кружка супа, которую повариха наливала мне во время обеда каждый день. Это, очевидно, было самым полноценным питанием за многие предыдущие годы. Через год работы в детсаде тот же Леонид Иванович перевел меня на работу в школу старшей пионервожатой. А еще через год я поехала осуществлять свою мечту — учиться. (О времени и о себе... С. 79–80).

Альбина Кирилловна в 1955 г. окончила историко-филологический факультет Бурятского государственного пединститута, в 1974 г. — аспирантуру ЛГПИ. Защитила кандидатскую диссертацию по филологии в МГПИ им. В.И. Ленина. Доцент. Более тридцати лет трудилась в БГПИ-БГУ.

Григорий Алексеевич Тармаев

Война с первых дней вошла в жизнь семьи Тармаевых, как впрочем, в жизнь каждого советского человека, круто изменила все ее планы. Сам Григорий Алексеевич и три его брата были призваны в Красную Армию. Старший брат Бадма, как говорится в воспоминаниях, студент 3 курса Иркутского фи-

нансово-экономического института, был призван на третий день войны, 24 июня. В ноябре 1941 г. он был уже на фронте. В феврале 1942 г. был награжден медалью «За отвагу». С боями из-под Москвы, через Харьков Сталинград, Орел и Курск, форсируя Днепр, Вислу, Одер, дошел до Берлина. Погиб 18 апреля 1945 г. при форсировании реки Шпрее. Он командовал отдельной инженерно-саперной ротой, трижды ранен, в последнем бою командовал ротой на костылях, сбежав с санбата. Награжден орденами, медалями, был гвардии старшим лейтенантом. Маме пришла похоронка после Победы.

Я был призван 6 февраля 1942 г. В ноябре этого года был отправлен на фронт, но не доехал. В Казани меня сняли с эшелона, отправили в инфекционный госпиталь с подозрением на тиф. Я знал, что у меня не тиф, а простуда, просил не отправлять меня в госпиталь, не хотелось отстать от своих. После госпиталя меня отправили в приемно-распределительный пункт 20-й запасной лыжно-стрелковой бригады. Случайно застрял в Казани до конца войны. В приемно-распределительном пункте меня временно привлекли помогать писарям. Однажды во время моего дежурства по приемно-распределительному пункту нагрянул командир бригады генерал Щербаков со свитой. Я отчеканил ему рапорт. Генерал спросил у меня, откуда я. Я в ответ пальнул: «Я потомок Чингисхана, бурят-монгол» (накануне посмотрел фильм «Потомок Чингисхана»). Он сказал «Ого!», вся свита засмеялась. После этого меня стали ставить на дежурства, когда ожидался визит высоких чинов. Еще я выполнил успешно два трудных задания, после чего меня ввели в штат приемно-распределительного пункта. В начале апреля 1943 г. мне не повезло. Во время сопровождения военного груза на двух открытых вагонах-платформах повалил обильный мокрый снег с дождем. Я промок насквозь с головы до ног. На другой день плохо стал видеть, воспалились левое ухо, глаза, особенно левый глаз, зубы. Три месяца пролежал в казанском госпитале, но вылечить не смогли, хотя там были эвакуированные крупные врачи-окулисты из Одессы, Киева, Ленинграда. Меня вы-

писали из госпиталя с заключением: не годен для службы в войсковых частях, годен к физическому труду. Но я остался в рядах Советской Армии до конца Великой Отечественной войны, демобилизовался в октябре 1945 г.

Моего младшего брата Игнатия, 1925 г. рождения, призвали в армию в конце 1942 г. Он участвовал в войне с Японией, награжден медалью «За отвагу». После войны служил в Советской Армии на Курилах до конца 1949 г., почти семь лет, всю молодость, он служил в армии. Наша престарелая мама со своей младшей несовершеннолетней дочерью перебивалась, переживая дома. Вот какой ценой досталась победа нашей семье. Обидно, что сегодня растеряны плоды победы, послевоенных усилий народов СССР.

После войны Григорий Алексеевич окончил физико-математический факультет БГПИ (1949), аспирантуру НИИ общего политехнического образования РСФСР, защитил кандидатскую диссертацию по педагогике. Работал учителем, зав. кафедрой педагогики и психологии БГПИ, проректором по заочному обучению БГПИ. Профессор.

Екатерина Иннокентьевна Тынтуева

Родилась Екатерина Иннокентьевна в с. Дулан Кабанского района. Детство было трудным. В своих воспоминаниях она пишет: «На детские плечи легло страшное военное лихолетье. Когда исполнилось одиннадцать лет, я вынуждена была оставить учебу в дневной школе и пойти работать в колхоз, помогать матери содержать семью. Мы были детьми с взрослым пониманием жизни: соскакивали, чуть забрезжит рассвет, и работали до темноты без отдыха. Военного пайка не хватало. Постоянное чувство голода было самым страшным испытанием для молодого растущего организма. Колоски, которые собирали младшие сестренки в поле, мы перетирали, жарили и грызли, чтоб хоть немного утолить голод. В определенные дни нам разрешали получить на семью в столовой баланду. Это была мутная вода, в которой плавало несколько лапши-

нок, изготовленных из пшеничной муки... А самый трудный месяц в нашей жизни был тогда, когда я потеряла талоны на хлеб. К счастью, люди, окружавшие нас, были чуткими, отзывчивыми, они не дали нам умереть с голода. Военные трудности сплывали над людьми духовно. Светлая память им, многих уже нет в живых. Остались дети, внуки, с которыми до сих пор дружим семьями. Добро, сделанное хотя бы раз в жизни, не забывается, ведь в беде познается человек. Эти трудные детские годы многому научили, закалили.

И в большую взрослую жизнь мы входили не тепличными детками. С великим чувством гордости мы вспоминаем то время, когда вязали теплые варежки, носки, шарфы для отправки посылок солдатам на фронт. Нам казалось, что обязательно эти посылки получат наши братья, отцы. И такая теплота разливалась в душе, что нам, детям, хотелось плакать. Мы ждали обратного ответа, но ответа мы почти не получали. Леденящее чувство охватывало нас при виде почтальона, иногда он приносил извещение, этот страшный серенький кусочек бумаги, на котором было написано: «Пал смертью храбрых ...». Эти три слова, как три молота, жестко били по сердцам, душам осиротевших детей, вдов. Окружающие люди застывали в немом оцепенении. И нам, детям, становилось жутко, нестерпимо жаль своих сверстников. И еще долго слышалось из того или другого дома глухое рыдание вдов, сирот, потерявших кормильца. Сжималось сердце, напрягались нервы от бессильной злобы, что ничем уже нельзя помочь. Мы проклинали войну, фашистов.

Генриетта Морхозовна Хабаева

Школа №2, где училась Генриетта Морхозовна, до войны называлась «Образцовая средняя школа №1 имени Моссовета». В ней, как пишет автор воспоминаний, тогда работали лучшие учителя нашего города Евгения Никитична Пискунова, Мария Прокопьевна Хохлова, Надежда Николаевна Амагаева, Анна Андреевна Колобова, Клавдия Афанасьевна Убугу-

нова, Агния Александровна Фурман и другие. Эти учителя заложили в нас, своих учениках, основы всех наук.

Но главной моей учительницей, которую я помню всю жизнь, была Екатерина Александровна Танская. Она поражала наше детское воображение своей необычной по тем времена манерой одеваться: на ней всегда были длинные, в пол, юбки, благоухающие свежестью блузки с длинными рукавами и неизменное белоснежное жабо из дорогих французских кружев. Уроки русского языка этой образованнейшей женщины запомнились на всю жизнь, она объясняла грамматические правила очень доходчиво и образно, приводя интересные примеры. Обучала написанию тех или иных сложных слов, рассказывала об их происхождении, учила верному их произношению и правильной постановке ударения. На уроках литературы она сначала слушала наши впечатления о произведениях, которые мы читали по ее заданию, а потом своим рассказом многое дополняла и разъясняла. Ее преподавание литературы предполагало, что ученики должны были обязательно выучивать наизусть довольно много отрывков из произведений русской классики. Именно поэтому до сих пор помнятся многие великие строки, что были выучены тогда. Сама она легко и с вдохновением читала нам наизусть «Евгения Онегина» и другие произведения. У Екатерины Александровны была богатая домашняя библиотека, включавшая редкие старинные книги, среди которых были даже прижизненные издания А.С.Пушкина.

Ее квартира напоминала музей, наполненный антиквариатом. Так, в кабинете ее мужа, доктора М. Танского, находились две полуметровые, небольшого диаметра колонки из серого мрамора, про которые она говорила, что они — из дома Николая Бестужева. Много позже, в 1970-х годах, в Селенгинском доме-музее Н. Бестужева я увидела такие же колонки, возможно, это были те самые, принадлежавшие Е.А. Танской. Екатерина Александровна показывала нам, входяим в ее дом ученицам, маленький столик черного дерева с причудливо изогнутыми ножками и небольшое круглое ручное зеркальце в

белой металлической оправе. Эти вещи, по ее словам, принадлежали когда-то княгине Марии Волконской.

В июне 1941 г. мы жили на Верхней Березовке на дачах для преподавателей пединститута, артистов и работников обкома партии. Отец работал заместителем директора пединститута и читал курс основ марксизма-ленинизма, а мама преподавала на рабфаке и в педучилище. Дачный дом стоял на опушке густого соснового леса, теперь на этом месте находится городской ипподром.

Мы, дети, узнали о начале войны 23-го июня, когда к нам приехали родители сообщить эту ужасную новость. Детей, подростков на дачах было много, и все мы, воспитанные на патриотических песнях вроде «Если завтра война, если враг нападет, если темная сила нагрянет...», совсем не испугались и решили, что через 2-3 месяца война окончится нашей победой. Тут же все мы начали играть «в войну», мальчишки, конечно, сразу стали лихими разведчиками, а девочки — самоотверженными санитарками, и никто не хотел изображать фашистов.

Никто из родителей в отпуск в то лето не пошел, все стали работать для фронта, как тогда говорили. Часть преподавателей и студентов пединститута была мобилизована в действующую армию, другие пошли добровольцами. В результате институт практически опустел, некому стало проводить занятия. Тогда директор пединститута, Дуринов Алексей Алексеевич, срочно телеграфировал в Наркомвуз о том, что все преподаватели собираются на фронт. Из Москвы пришла срочная правительственная телеграмма: институт должен продолжать работать, поэтому преподавателям выдается бронь, освобождающая их от призыва. В тот момент преподаватели Хайдуков Павел Иванович и Зенин Сергей Емельянович уже погрузились в воинский эшелон, и директор, примчавшийся на вокзал, буквально вытащил из вагона своих упиравшихся коллег. Он предъявил им правительственную телеграмму и бронь, которая распространялась на ряд преподавателей. Среди них, кроме отца, я помню только А.А. Дуринова, В.И. Хайдукова и

СЕ. Зенина, которых я хорошо знала, потому что они были друзьями наших родителей и часто бывали у нас дома.

Прошло лето 1941 г. Здание нашей школы заняли под госпиталь, мы перешли учиться в старый деревянный корпус. Первое сентября в школе началось с митинга, где выступавшие учителя говорили о положении на фронтах. С первых же дней учебы в школе была введена почти воинская дисциплина, так, в начале каждого урока дежурный, стоя у доски, командовал классу: «Встать! Смирно!» и рапортовал учителю: «Товарищ преподаватель! В классе 40 учеников, присутствуют 38, двое больны. Класс к уроку готов!». На уроке английского языка рапортовали Агнии Александровне Фурман по-английски.

Первый урок каждого понедельника начинался с доклада дежурного политинформатора о положении дел на фронтах за неделю. Мы пофамильно знали всех генералов, командующих фронтами, командующих армиями. На стене класса висела карта СССР, на которой значками отмечалось прохождение линии фронта. В первые дни войны, мы, как и взрослые, очень огорчались, когда слышали сводки Информбюро об отступлении наших войск. А когда в декабре 1941 г. мы услышали по радио информацию о разгроме фашистских войск под Москвой, нашей радости не было предела. Мы с удовольствием читали перед классом опубликованные в газете Приказы Главнокомандующего, где говорилось о победе наших доблестных войск в битве под Москвой, об окружении немецкой армии под Сталинградом. И каждый раз, когда приходили сводки об освобождении крупных городов, мы спорили между собой за право торжественно зачитать вслух очередной приказ Сталина, посвященный этому событию.

В это время в прессе и на радио широко сообщалось о патриотическом поступке саратовского колхозника Ферапонта Головатого, который передал свои личные сбережения на постройку боевого самолета. Его поступок был высоко оценен И.В. Сталиным, поблагодарившим Головатого персонально. Примеру Ф.Головатого последовали многие советские люди, в

том числе и наша Екатерина Александровна Танская. Она собрала все свое унаследованное от отца столовое серебро и другие ценные вещи и сдала их в фонд обороны для постройки самолета. Как и Ферапонт Головатый, наша учительница тоже получила телеграмму с благодарностью от И.В. Сталина, по поводу чего в школе состоялся торжественный митинг.

В течение всех военных лет наши учителя, школьный комитет комсомола регулярно организовывали нас на сбор металлического лома, который впоследствии должен был использоваться для выплавки металла для строительства танков. Нередко мы уносили какие-нибудь металлические вещи, которые еще служили хозяевам, за что нам частенько попадало.

В первые же дни сентября 1941 г. Е.А. Танская, будучи членом общества Красного Креста, организовала группу сандружинниц из учениц 8–10 классов. В наш город привозили на лечение раненых бойцов Красной Армии, поезда с ними обычно приходили в 3–4 часа ночи. Информация о прибытии очередного эшелона передавалась от одной сандружинницы к другой по цепочке: первая девочка получала от Танской сообщение о сборе и бежала до ближайшего дома подружки, стучала в ставень, вторая девочка быстро выходила, и они вместе бежали к дому следующей. Таким образом, все сандружинницы собирались очень быстро и шли на Читинский переезд, куда чаще всего прибывали эшелоны с ранеными и где их уже ждала Екатерина Александровна. Эти 14-16-летние девчонки были настоящими героинями, потому что они не только помогали выходить из вагонов раненым, которые могли передвигаться, но и своими хрупкими руками, часто выбиваясь из сил, несли носилки с лежащими бойцами. С 3 до 5-6 часов утра они выгружали раненых из эшелона, помогали подняться им в крытые грузовики, а затем развозили их по госпиталям, в которые были превращены городские школы. Наступало утро, и к 8 часам все они шли в школу на занятия. Моя сестра Роза, ученица 9 класса, была одной из таких сандружинниц, вместе с ней в этой деятельности принимали участие ее одноклассницы Клара Ченкирова, Зина Заркова, Ляля

Колобова, Мила Балдунникова, Аня Сорокина, Октябрина Сункуева и многие другие.

А нас, учениц 5-7-х классов, Екатерина Александровна учила оказанию первой медицинской помощи. Она читала нам небольшие лекции о болезнях, которые могут возникать в полевых условиях. Рассказывала о гангрене, о столбняке, об их симптомах, объясняла, как распознать перелом конечностей или вывих, показывала, как накладывать гипс или шины на сломанную руку или ногу. На практических занятиях учила нас бинтовать суставы конечностей, демонстрировала, как следует бинтовать раненую голову, показывала приемы искусственного дыхания. При этом и гипс, и бинты она приносила из дома. Я на всю жизнь запомнила эти уроки, и до сих пор умею делать перевязки не хуже медсестры.

Начиная с 1936 г., когда был открыт городской Дом пионеров, в Улан-Удэ и в республике стали проводиться смотры школьной самодеятельности. Наша школа принимала в них самое активное участие, а общее руководство школьной самодеятельностью осуществляла Е.А. Танская. Она организовала в школе большой (70–75 человек) ансамбль песни и пляски, в который принимали учеников и младших, и старших классов. В составе ансамбля были танцевальная группа, певцы-солисты, хор, тещы. Во время войны Екатерина Александровна постаралась сохранить наш ансамбль, и его участники стали выступать с концертами перед ранеными, проходившими лечение в городских госпиталях. Я и мои сестры принимали активное участие в этих концертах: я читала стихи К.Симонова «Жди меня и я вернусь...», моя младшая сестренка Аля лихо плясала кавказскую лезгинку с девочкой, эвакуированной из Дагестана, весь концерт шел под аккомпанемент на пианино моей старшей сестры Розы. Всегда читала стихи «Если я не вернусь, дорогая...» Ася Колобова, ребята танцевали русские, украинские, татарские танцы. В заключение концерта хор исполнял народные русские, украинские и военные песни. Кроме нашей Розы, аккомпанировала на пианино ее

одноклассница Зина Заркова. Раненые бойцы — наши зрители — принимали эти школьные концерты с энтузиазмом.

Вспоминая те годы, я всегда удивляюсь, какой духовной силой обладала Екатерина Александровна! Она превосходно вела уроки, возглавляла работу сандружинниц, вела кружок с ученицами 5–7 классов, руководила школьным ансамблем и организовывала его концерты в госпиталях. Безусловно, она была истинным патриотом своей страны.

Летом 1942 и 1943 гг. группы, состоящие из учеников 6–9 классов нашей школы, направлялись на сельхозработы в Селенгинский район. Помню, что среди нас были девятиклассницы Шура Акимова, Лара Басанова, Валя Соловьева, а также мои одноклассники Ася Колобова, Нина Димова, Лев Белов и др. Руководила нами учительница Анна Андреевна Колобова. Работали мы на прополке овощей и посевах пшеницы вблизи поселка Ключи. Жили в школе, спали на полу, но не унывали — хорошо работали и вообще жили дружно. Анна Андреевна очень беспокоилась о нашем питании и по этому поводу часто обращалась к колхозному начальству. В результате ее хлопот нам выдавали пахту и картошку, а вот хлеба нам было недостаточно, поэтому чувство голода нас почти не покидало. Но, несмотря на это никто из нас не просился домой. На сельхозработы в колхоз нас привозили на автобусах, а по окончании работ мы возвращались домой на машинах, груженных копнами сена. На каждый такой грузовик, на самый верх копны сена буквально забрасывали двух человек, чтобы таким образом «транспортировать» их в город. Мы крепко цеплялись за канаты, стягивавшие сено, и всю дорогу до Улан-Удэ ехали, лежа на сене. Сейчас, вспоминая это, можно испугаться: ведь в любой момент, когда машина кренится в ту или иную сторону, мы могли легко слететь с воза! Однако в то военное время не только нам, детям, но даже и нашим родителям и в голову не приходило возмутиться таким способом передвижения. У меня сохранилась любительская фотография тех времен.

Ученики нашей школы участвовали и в тимуровском движении — помогали семьям фронтовиков. Мальчики пилили для них дрова, приносили с водокачки воду, а девочки помогали нянчить малолетних детей. Я помню, как мы с одноклассницей Олей Шишмаревой ходили в семью фронтовика профессора Чеботарева присматривать за их 9-месячной дочкой, пока ее мама уходила по делам». (О времени и о себе... С. 90–95).

После войны Генриетта Морхозовна окончила Марийский государственный пединститут (1949), аспирантуру Зоологического института АН СССР. Защитила диссертацию по биологии. Многие годы работала доцентом, зав. кафедрой зоологии БГПИ, БГУ. Заслуженный работник народного образования Республики Бурятия, Отличник народного просвещения СССР и РСФСР.

Зоя Николаевна Цыдыпова

Город Ефремов Тульской области, в котором жила семья Зои Николаевны уже осенью 1941 г. оказался прифронтовым.

В своих воспоминаниях Зоя Николаевна пишет: «Впервые дыхание войны я ощутила, когда как-то на рассвете проснулась от какого-то непонятного шума. Подойдя к окну, увидела, что вся улица запружена сплошным потоком людей, как в колонне демонстрантов. Запыленные, с измученными лицами. Кто нес на руках ребенка, кто узел с вещами, кто катил тележку с домашним скарбом. Шли молча, тяжело. Это был поток беженцев. Мамы не было в комнате. Я вышла во двор и увидела, что мама бьется в рыданиях. И какое-то тяжелое предчувствие охватило меня.

Как-то, уже поздней осенью, папа прибежал с работы и сказал: «Быстро собирайтесь, сейчас придет машина, поедете на станцию в эвакуацию. Никаких вещей, только одежду на себя и постель». Мы честно так и сделали, хотя некоторые взяли чемоданы, швейные машинки и т.п. Нас погрузили в пассажирский поезд, и мы поехали на восток. Мой папа,

Николай Федорович Райский, остался в Ефремове в составе сформировавшегося партизанского отряда. У меня был не страх, не грусть, а какая-то окаменелость. Все оборвалось, все кончилось. Любимая школа, подруги, речка, куда мы бегали купаться, роща, где мы гуляли, этажерка с книгами, — все мое детство, — все осталось позади. Вскоре нас перегрузили в теплушки, где по обе стороны от двери были сделаны двухэтажные нары, И там вплотную друг к другу мы и помещались. Нас у мамы, Варвары Сергеевны Райской, было трое: я окончила пятый класс, брат Слава — второй класс, сестре Нине было два годика. Ехали долго, иногда стояли по несколько дней, пропуская военные эшелоны. Стояли иногда на станциях, иногда в поле. Наступила зима. Посреди вагона была железная печурка. Мы по очереди спускались с нар и грелись у печки. Стены вагона покрылись, изморозью. Один бок греешь, другой бок мерзнет. Когда миновали Ряжен, узнали, что после нас на эту станцию был очень сильный налет немецких самолетов. В Ефремов пришли слухи, что наш эшелон разбомбили, и папа посчитал, что вся его семья погибла.

На одной из станций я увидела, как девочки, мои ровесницы, прыгают через веревочку и весело смеются. Я подумала: «Неужели и я буду когда-нибудь так смеяться». Выгрузили недалеко от Моршанска (Тамбовская область) и на санях отвезли в село. Поселили в пустовавшем доме. Чтобы было чем топить, колхоз выделил лошадь с санями, пилу, и мама вдвоем с еще одной эвакуированной женщиной поехали в лес. Моя мама, эта хрупкая городская учительница, впервые запрягла лошадь и потом, проваливаясь по колено в снег, пилила дровья. Я пошла в школу, а брат остался дома смотреть за маленькой сестрой. Мама начала работать в госпитале. В Ефремове немцы были всего 21 день, в ходе битвы за Москву его освободили. Где-то весной мы вернулись домой. Наш дом сохранился. А вот моя родная школа на той же улице сгорела. Ни одна школа в городе не работала, кроме железнодорожной. Мы, около десяти бывших одноклассников, стали учениками этой школы.

Д. М. Бурхинов

З. Н. Цыдыпова

Л. Д. Цыренбазарова

Ц. Ц. Цырендоржиев

Г. С. Молонов

Л. Л. Маркова

М. В. Монкетова

В. В. Морохоев

О. А. Нечаева

С. Д. Никорова

Ц. Н. Нимасва

Л. Н. Раднава

Е. Ф. Куржумова

А. К. Сокольникова

М. И. Уланова

С. В. Вампилова

Г. А. Заруцкая

М. А. Зонхиев

Г. А. Тармаев

Е. И. Тынтуева

Папа был уже на фронте политруком артиллерийского полка. Его старший брат, Алексей Федорович, кадровый военный, воевал где-то на юге. Младший брат, Михаил Федорович, воевал на Западе. Как-то удивительно, что когда освобождали Польшу, они с папой встретились. Моего дядю назначили комендантом Бигдоша. Высокий, красивый, очень спокойный, он вершил не только военные, но и гражданские дела города. Папа рассказывал, что поляки относились к нему с большим уважением. Так и слышалось: «Пан Райский, пан Райский».

В Ефремове было очень холодно и голодно. Не работали городские водоклонки, за водой ходили на речку. Зимой добывали воду из проруби. Речка протекала под горой, так что с ведрами воды надо было идти в гору. Хлеб, который нам давали по карточкам, пекли из зерна, сторевшего вместе с элеватором. Был он какого-то фиолетового цвета и обладал таким отвратительным запахом, что приходилось, откусывая его, другой рукой зажимать нос, иначе невозможно было его есть. Чтобы было чем топить, мы с мамой пилили в нашем саду фруктовые деревья, яблони и груши. Пилили и плакали.

До сих пор перед глазами моя сестренка, маленький голубоглазый ангелочек с посиневшими от холода ручками, тихо говорит: «Мама, я хочу кушать». Некоторые из моих подруг стали опухать от голода. Нам в нашей железнодорожной школе давали завтрак: 100 граммов хорошего, не горелого хлеба и чайную ложечку сахара. Я договорилась, что буду получать этот хлеб не каждый день, а сразу весь в конце недели. А сахар я собирала в кулечек. Какое счастье было принести в субботу 600 граммов настоящего ржаного хлеба и разделить его между мамой, братом и сестрой, посыпав каждый кусочек сахаром. Никакое пирожное потом в благополучные годы не было таким вкусным!

Вместе с пионервожатой мы ходили в госпиталь, давали там концерты для раненых, пели и декламировали. В госпитале — душа сжималась. Тяжело было видеть там много израненных людей, в окровавленных и гнойных бинтах, иные без руки или ноги. Специфический запах больницы, стоны тяже-

лораненых. У меня не было чувства безгливости, только жалость и желание помочь. Я стала приходить в госпиталь и без концертов: помогала сестрам скатывать бинты, кормить раненых, кому-то дать попить, кому-то надо было написать письмо. Тогда я решила, что когда закончу школу, стану врачом. К сожалению, мечта не осуществилась.

Летом во время каникул под руководством нашей классной руководительницы работали в пригородном овощеводческом колхозе. Колхоз выращивал капусту, лук, морковь, огурцы, помидоры. Это километров шесть-семь от города. В шесть часов утра мы уже шагали на работу. Шли по проселочной дороге. По обе стороны от нее — поля. Вдоль дороги — заросли полыни, и этот запах навсегда остался для меня любим и дорог. Синее небо, утренняя свежесть, хорошо! Все лето я ходила босиком. Только к школе мне купили на базаре брезентовые тапочки на подошве из автомобильных шин. В колхозе мы пололи и тяпали. На обратном пути после зноя мы часто купались в речке. Когда стал поспевать урожай, лакомились морковкой (очистив ее, немытую, какой-нибудь стекляшкой), огурцами и помидорами, стараясь, чтобы не увидел объездчик. Через какое-то время колхоз стал кормить нас обедом. Мы садились под навес за длинный стол и ели из железных мисок. Наша классная руководительница Анна Николаевна Красненко, окончившая в молодости институт благородных девиц в Петербурге, старалась привить нам основы этикета. Например, что не надо откусывать от ломтя хлеба, а следует положить его рядом с тарелкой и класть в рот, отламывая по маленькому кусочку. Однажды нам дали щи, сваренные с мясом. Ох, как это было вкусно! Но вместе с кусочком мяса в щах плавали червячки. Мы, в отличие от матросов броненосца «Потемкин», не взбунтовались, а, выловив червячков, доедали щи.

Со временем горожанам выделили участки земли под картошку. Какой-то чиновник, додумался дать землю бывшего аэродрома (конечно, не бетонированную, но прокатанную самолетами не хуже асфальта). Мы с мамой копали, младший

брат и сестра были тут же. Копали. Потом без сил падали на землю. Полежишь, отдохнешь — и опять копать. Помню, маме где-то удалось достать немного пшена. Принесли с собой кастрюлечку пшенной каши. Конечно, на воде, без масла. Но какой казалась она вкусной и как от нее прибавилось сил! В следующем году дали другой участок и собрали хороший урожай картошки. Жизнь стала полегче — картошка выручала. Варили ее утром, в обед и вечером. А еще делали «тертики» — оладьи из тертой картошки. А когда удавалось добавить горсточку муки — уже о лучшем нечего и было мечтать!

Уже после войны, когда приехала в отпуск в Ефремов, мне в сарае попался на глаза большой чугунок. Я говорю маме: «Подумать только, мы съедали три раза в день по полному чугуну картошки. А теперь и небольшую кастрюлечку не доедаем». Но, видно, одной картошки маловато. Как-то за столом я ткнулась лицом в свою тарелку с картошкой. Мама подняла мою голову: «Ты была белая как бумага. Глаза закрыты». Голодный обморок.

Копать картошку было радостно. Приятно было сознавать, что теперь на всю зиму есть еда. И вокруг так хорошо: тихо, тепло, летает паутина, дымит костер. Возили урожай на ручной тележке: я впрягалась впереди, мама толкала сзади, брат старался ей помогать, а маленькая Нина сидела на мешках и частенько пела своим чистым голосочком.

Однажды я видела такую картину: по шоссе мимо нашего поля шел обоз. Колхоз вез хлеб сдавать государству: на 10–12 ручных тележках лежали мешки с зерном, в каждую тележку впряглись по две женщины, а на передней тележке был укреплен красный флаг. А от зерноводческого колхоза до города не менее 10, а то и 15 километров. Как тут не вспомнить Некрасова: «Долюшка русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать!»

В период битвы на Курской дуге немцы особенно активно бомбили Ефремов. Мы различали, какой самолет летит — наш или немецкий, у немецких был низкий, прерывистый гул, и сразу начинали бить зенитки. Наша школа стояла у самых же-

лезнодорожных путей. Нас тотчас отпускали с уроков, говорили: «Бегите домой, дети». И мы бежали через весь город. Вот интересно, но страха не было, видимо, у детей нет чувства опасности. Мы просто радовались, что отпустили с уроков. А вечером и ночью мы видели зарево над соседним с Ефремовым Ельцом, в той стороне, где шла битва в районе Курска или Орла. Немцы сбрасывали бомбы и осветительные ракеты.

В то лето в Ефремове была тревожная атмосфера. Завод синтетического каучука (СК-3), как теперь сказали бы «градообразующее предприятие», начали эвакуировать. Все, кто имел хоть какую-то возможность, старались уехать с заводом. Те, кто пережил оккупацию, говорили: «Хоть пешком уйдем, хоть на четвереньках поползем, но не останемся». А кто пережил эвакуацию, говорили: «Пусть разбомбят, пусть расстреляют, но больше с детьми с места не тронусь». Мама не смотря ни на что продолжала сажать помидоры.

Летом после девятого класса РК комсомола направил меня вожатой в пионерлагерь. Он размещался в хорошей кирпичной двухэтажной школе в селе Никольское, примерно в 12-15 километрах от Ефремова. Места красивейшие, прямо как в песне: «Средь широких хлебов затерялося...». Около школы — большой плодовый сад. Рядом — речка. Директором была женщина, вернувшаяся с фронта без руки. Поваром в школьной столовой была старушка, всю жизнь проработавшая поваром в детском саду. Какие это были люди с высокой буквы. Образец честности, преданности детям. Особенно я запомнила медсестру Серафиму Ивановну. Благодаря ее стараниям за весь сезон не было ни одного случая заболевания. А между тем, спали мы и на полу, на матрасах, набитых сеном. Многие дети поступали грязные, запущенные. Серафима Ивановна договорилась с какой-то воинской частью, они привезли на берег реки походную баню, мыло, растянули палатку, и под руководством нашей медсестры мы мыли всех детей. Серафима Ивановна вставала, когда все еще спали, и своими руками мыла, драила деревянный туалет здания. Он всегда сверкал чистотой. Я на всю жизнь взяла себе за образец такое отноше-

ние к делу, такое чувство долга. Тяготы войны не могли остановить хода времени. И мы из детства переходили в юность. А юность все равно прекрасна. Как сказал поэт, «Сороковые, роковые, а мы такие молодые».

Школьная наша жизнь была ключом. Я участвовала в драмкружке, а потом — в кружке танцев, его вела Ольга Григорьевна Колпакова, статная, величавая, потрясающе красивая женщина. Несколько поколений ефремовцев научились танцевать под ее руководством. Она не просто показывала танцевальные па, она учила жить в танце. Осанка, прямая спина, плечи развернуты, голова поднята, улыбка, радость от музыки и от танцевальных движений. Одно жаль, тогдашняя «цензура» запрещала «чуждые нашей идеологии» танго и фокстрот. У нас царили падеспань, падекатр, краковяк, полька, коробочка и т.п. К счастью, разрешался вальс. На школьных вечерах мы с удовольствием танцевали эти так называемые балльные танцы.

Кроме того, Ольга Григорьевна создала танцевальный ансамбль, где я с радостью танцевала русские, украинские, молдавские, польские и другие танцы. Мы выступали в школах города, в клубах и имели успех. Я тогда писала стихи. Мне посчастливилось учиться в очень хорошей школе. Душой ее был, конечно, наш директор, историк Александр Михайлович Щеглов. Он пришел с фронта с раной в ногу, которая так и не зажила до самой его смерти. Он собрал замечательный коллектив учителей. Литературу вела старая учительница, она не успела, к счастью, усвоить вульгарно-социологический подход к литературе. Она просто учила нас понимать и любить художественное слово. Мы много заучивали наизусть. Я, например, выучила всего «Евгения Онегина», многое из Некрасова. Математику вел уже пожилой Михаил Гаврилович Иванов, несколько мрачноватый, желчный, насмешливый, многие ученики его побаивались. Но как он замечательно преподавал.

Очень хорошо нам преподавали химию. Учительница читала нам лекции, научила записывать их, весь материал там был

очень четкий, гораздо лучше, чем в учебнике. Благодаря ей, у меня по химии был прочный фундамент знаний, который помогал мне читать специальную литературу, когда я преподавала философию на биолого-химическом факультете.

Наш директор школы был нам вместо отца, ведь у большинства отцы были на фронте, а у иных они остались там навсегда. Когда мы учились в десятом классе, Александр Михайлович понял, что многие ученики на грани полного истощения, и нашел какие-то средства, чтобы организовать для десятиклассников бесплатные обеды (в 10 классе нас оставалось 10-12 человек). Свой дом для столовой бесплатно предоставила мама нашей одноклассницы Али Ивановой, на кухне работали другие родительницы. С такой поддержкой мы сумели дойти до экзаменов на аттестат зрелости.

Я училась хорошо, учителя говорили обо мне — «первая ученица». В школе я была председателем Совета пионерской дружины. На этой работе я просто «горела». К концу десятого класса меня приняли кандидатом в партию. Школу я окончила с медалью. К выпускному балу мне сшили белое платье из модеполама (бельевая дешевая ткань вроде ситца). Но сшито было высокочеловеческой портнихой. Воротник и карманы по тогдашней моде моя подруга-художница украсила узором из красного шелкового рулика. Соседка срезала в своем саду белую розу и» прикрепила к моим косам. Директор школы организовал всему классу поездку в Москву в отдельном вагоне, мы и жили несколько дней в этом вагоне, отведенном в тупик, так как наша школа была железнодорожной. В результате все выпускники поступили в вузы и получили высшее образование.

Наступило время снаряжать меня на учебу в Москву. На базаре купили солдатскую шинель, из которой мне сшили пальто. На ноги купили такие самодельные суконные чулки, простроченные на ватине. Их называли «бурки», носили с калошами. Вот в этих «бурках» с калошами я взойшла по марморным лестницам под своды Московского университета.

Университет я закончила с отличием». (О времени и о себе... С. 96–102).

Зоя Николаевна вышла замуж за воина-фронтовика из Бурятии, Ц.Ц. Цыдыпова, в 1954 г. приехала в Улан-Удэ. В 1967 г. защитила кандидатскую диссертацию по истории. С 1954 до выхода на пенсию работала на кафедре философии и научного коммунизма БГПИ-БГУ. Доцент. Заслуженный работник культуры Бурятии.

Любовь Доржиевна Цыренбазаровна

В своих воспоминаниях Любовь Доржиевна пишет: «Война застала меня ученицей 9 класса в поселке Нижний Ангарск Северо-Байкальского района. С первых же дней войны началась мобилизация мужского населения на фронт. В семьях были срочные сборы, проводы отцов, братьев, сыновей. Буквально за 2-3 дня наш поселок опустел. Ученики 9–10 классов призывного возраста добровольно ушли на фронт. Школа тоже перешла на военное положение! Ученики старших классов несли круглосуточное дежурство, проводилась светомаскировка. Военное дело стало одним из главных предметов, военная подготовка шла и во внеурочное время. Девушки 9-10 классов прошли курсы медсестер и радисток, в случае необходимости нас могли призвать в армию радистками. После окончания средней школы нескольким девушкам предложили преподавать военное дело в школах района, они работали военруками до окончания войны, пока их не заменили демобилизованные офицеры.

В годы войны мы не только учились в школе, но и работали. Мы были основной рабочей силой. Первый год войны я работала в огороднической бригаде, выращивали овощи, картофель для района от райпотребсоюза, последующие — на сенокосе, на заготовке дров в лесу. После уроков иногда отправляли на обработку рыбы, на упаковку и погрузку консервов на рыбоконсервном заводе. Наш район был рыболовецким, и приходилось рыбачить.

В 1943 г. окончила среднюю школу и поступила на биолого-химический факультет Бурятского педагогического института, окончила его в 1947 г. Годы учебы в институте были для меня тяжелыми, голодными и холодными. Общежития не было. Студентов размещали в комнатах учебного корпуса по 10-15 человек. Помещение отапливалось очень плохо: в кружках вода замерзала, в аудиториях на занятиях сидели в одежде. Питались в студенческой столовой, на завтрак получали овсяную кашу, тушеную кислую капусту, на обед — щи из мерзлой капусты с сушеной картошкой. Хлеб давали по карточкам, по 400 граммов. Мне пришлось особенно нелегко, так как помощи со стороны родителей не было. Отец был на фронте. А мать с младшим братишкой сами голодали.

Кто из студентов жил в ближних районах, привозил продукты из дома. Трудно было с одеждой, ходили в дырявых валенках, в стоптанных брезентовых туфлях, но, несмотря на это жили дружно, поддерживали, помогали друг другу, не было никакого воровства, аморальных проступков.

В 1944-1945 гг. я поехала на заработки к родственникам в Курумканский район. Работала в колхозе «на току», на уборке хлеба, на чабанских отарах, на стрижке овец. За работу получала картошку, зерно, что служило подспорьем в жизни.

Шел 1945 год, приближался конец войны. 9 мая рано утром услышали, что война окончилась. Это было незабываемо. В день Победы на улицах люди поздравляли друг друга, целовались, обнимались, плакали от радости. На площадь Советов стекался весь город, состоялся митинг. Народ до глубокой ночи не расходился. Праздник длился до утра. Так окончилась война, впереди нас ждала мирная жизнь.

Цыден Цыжипович Цырендоржиев

Когда началась война, Цыдену Цырендоржиеву исполнилось десять лет. В июне 1941 г. его отец, как и другие мужчины села Орот Кижингинского района, ушел на фронт. К сожалению, домой не вернулся. 5 мая 1944 г. погиб. Мать всю вой-

ну и после войны работала дояркой. Это тяжелый труд: в светлое время суток — дойка коров, уход за ними, ночью — подвоз сена, работа на зернотоках. Выполнялись и другие не легкие мужские обязанности на конных сенокосилках и зерноуборочных агрегатах. Весь день была занята в колхозе. За свой труд она получала натурой мизерное количество зерна. Это были трудные и голодные военные годы. Конечно, ее добросовестный труд не оказался незамеченным. После войны, в 1947 г. она была избрана депутатом Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР. До выхода на пенсию работала заведующей МТФ, избиралась секретарем партийной организации колхоза.

В военные годы Цыден Цыжипович с 10 лет работал в колхозе копновозом, потом на конных граблях, а в 12-14 лет стал помощником матери на конных сенокосилках в уборочный сезон. За этот труд был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

После войны окончил Республиканскую бурятскую среднюю школу №18 г. Улан-Удэ. Затем учился на геологоразведочном факультете Иркутского горно-металлургического института. После его окончания работал начальником геофизического отряда Хартинской партии Мегетской геофизической экспедиции. В 1967 г. защитил диссертацию на степень кандидата геолого-минералогических наук. С 1977 г. в течение 15 лет работал доцентом кафедр ПМНО и географии БГПИ. Заслуженный деятель науки Республики Бурятия.

Галина Алексеевна Заруцкая

Г.А. Заруцкая родилась в марте 1918 г. в Башкирии. Школу окончила в 1935 г., называлась она тогда первой образцовой средней политехнической школой имени Моссовета. После ее окончания поступила в Иркутский мединститут, где проучилась два с половиной года, поняв, как она пишет в воспоминаниях, что хорошего врача из меня не получится, решила перевестись в Бурятский пединститут. В феврале 1941 г. я уже бы-

ла студенткой третьего курса биофака. Началась война, и в связи с ней — ускоренное обучение на четвертом курсе, 15 ноября мы уже получили дипломы об окончании БГПИ.

Две даты из памяти не изгладятся никогда. Это первый день войны — 22 июня 1941 г. и 9 мая 1945 г. — День Победы, который мы ждали с июня 1941 г., мы ждали его, ждали терпеливо, надеялись, верили в непобедимость Советской Армии. Каждый день начинался сводкой о положении на фронте и этим же заканчивался. По городу, на улицах были установлены огромные репродукторы, и люди, идя на работу, слушали известия, передаваемые голосом диктора Юрия Левитана. По его голосу было сразу понятно, что творится там, на фронтах войны.

После окончания института работала учителем биологии в школе № 65. Запомнился мой первый урок в 8 классе. Ребята меня встретили недоверчиво и первым вопросом, который они задали, был: «Давно ли вы вышли из пионерского возраста?». Я растерялась, не зная, как ответить, а потом решила на вопрос ответить вопросом. А дальше все было нормально, ребята меня приняли.

После окончания моего первого учебного года учителей и учащихся 6-8 классов направили в Оронгой Иволгинского района для оказания помощи в полевых работах. Учащиеся младших классов работали на прополке посевов, старшие ребята — в качестве помощников механизаторов на животноводческих фермах. В течение трех месяцев до начала учебного года мы трудились в колхозах. Трудно было и нам, учителям, и ребятам осваивать сельский труд, деревенский быт. Вставали рано, заканчивали работу поздно. Когда ребята привыкли, отношение к труду стало совершенно иным. Уезжали из колхоза с благодарностью, с подарками и везли продукты, выданные на заработанные трудовые дни.

1943 год — это первый год работы в институте. Здесь мы также оказывали посильную помощь сельчанам и многое другое делали для института. Во время войны зимы были суровыми, не хватало топлива, в учебном корпусе было холодно.

И студенты, и преподаватели работали в верхней одежде, шапках, перчатках. Чернила замерзали, приходилось писать карандашом.

В один из сентябрьских дней нашу группу, состоящую из преподавателей, лаборантов, студентов, направили в Уточкину падь на заготовку дров. Деревья уже были спилены, и нам оставалось погрузить их на баржу. Народ был неумелый, без сноровки, но как бы то ни было, баржу загрузили дровами. Здесь со мной чуть не приключилась беда, меня придавило бревном, которое я несла со своими товарищами, но все обошлось.

В июле 1944 г. вручили мне повестку из военкомата. В первые годы войны я окончила курсы медсестер, получила звание ефрейтора и состояла на военном учете. Прошла комиссию, признали годной к несению военной службы. Вызвал меня к себе военком, посмотрел на меня и сказал: «Не могу я вас отправить на фронт, не справитесь вам». И это все потому, что рост у меня был «метр с кисточкой», видимо, я не внушала большого доверия из-за небольшого роста и веса, да плюс к тому гражданская специальность — учитель. Оставили в распоряжении военкомата, направили в госпиталь ухаживать за ранеными.

Наступил 1945 год, принесший великую победу, и этот день победы для нас, всех тыловиков, был великим днем, днем радости и, печали, смеха и слез. В этот весенний день всегда с грустью вспоминаются мои друзья, с которыми училась, но они не вернулись с фронта. Это — биологи Урбан Заяханов, Толя Хуторной, Федор Печкин, филолог и доморощенный поэт Иллидор Ваганов, математик Валентин Носырев и др.

1945 год запомнился еще и тем, что был тогда самый маленький выпуск на биофаке: всего 5 человек, то — Женя Гаськова, Нин Громько, Рая Раковщик, Слава Тасс, Шура Давыдова, замечательные учителя, отдавшие много сил и энергии воспитанию и обучению детей. Наш досрочный выпуск был седьмым. Первые полтора года военных лет проработала

в школе № 65. Учителей не хватало, и приходилось вести уроки и по арифметике и по машиноведению (изучали трактор), по растениеводству животноводству.

В 1943 г. из школы перевелась в институт на кафедру ботаники. Не хватало и здесь работников, и многие из нас совмещали несколько работ, одновременно я была лаборантом, секретарем учебной части, спецчасти (так раньше назывался отдел кадров). В августе была переведена на кафедру зоологии на должность ассистента. Первые годы работы ассистентом были для меня очень трудными. В то время работали на кафедре два штатных работника — М.Г. Бакутин и я, остальные были почасовиками. Приходилось вести несколько разных дисциплин, но основной мой предмет — зоология беспозвоночных. В 1963 г. была переведена на полную ставку старшего преподавателя, в 1966 г. назначена заместителем декана биофака. На этой должности пребывала до 1970 г., затем в связи с отъездом на курсы повышения квалификации в Ленинград, была освобождена.

Наряду с учебной работой занималась и методической. В соавторстве с И.А. Старковым было написано методическое пособие для студентов и учителей биологии «Зоологические экскурсии в природу». Книга издавалась дважды — в 60-е и 90-е годы. Написала несколько статей по изготовлению наглядных пособий, по обобщению работы школьных бригад, сделала разработки по проведению биологических вечеров («Поэзия родной природы», «День птиц»). Много времени отдавала общественной работе: была куратором. Неоднократно избиралась членом и секретарем партбюро факультета, членом парткома института, несколько лет курировала факультетскую газету «Биолог».

В общей сложности в институте проработала 34 года. Судьба свела меня со многими замечательными людьми. Довелось работать под руководством многих ректоров. Это А.А. Дуринов, Е.А. Рампилова, А.В. Булгадаев, П.Н. Матханов, Н.Д. Шулунов, А.В. Никоров, неизгладимый след в жизни института оставил И.А. Батудаев. Я благодарна тем, с кем

многие годы шла рука об руку вместе. Прежде всего, своим учителям — Михаилу Григорьевичу Бакутину, Валентину Андреевичу Святогору, коллегам по работе — Б.В. Башкуеву, И.В.Измайлову, Г.М. Хабаевой, Г.К. Боровицкой, О.М. Зыковой, Т.К. Имехеновой, Т.Х. Никитиной и многим другим.

Можно сказать, что жизнь прожита не напрасно: высажено много деревьев. Воспитана дочь — биолог, учитель высшей квалификации, отличник народного просвещения. Имею двух внуков: старший окончил железнодорожный колледж, младший — студент юридического факультета БГУ, подрастает правнучка. Имею награды: медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», юбилейные — «30, 40, 50 лет Победы», Медаль «Г.К.Жуков», «Ветеран труда», значок «Отличник Народного просвещения».

Глава IV

В УСЛОВИЯХ ОККУПАЦИИ

В годы Великой Отечественной войны в Бурятском государственном пединституте работали многие преподаватели, которые были направлены Министерством просвещения РСФСР с прифронтовой полосы, других мест. Ими была оказана большая помощь в осуществлении учебной, научной деятельности, в подготовке учительских кадров для республики. По мере освобождения захваченной фашистами территории они в большинстве своем возвращались обратно, на места своей прежней работы, о чем говорилось во второй главе. В числе прибывших в разное время в Бурятию и многие годы трудившиеся в Бурятском пединституте были и преподаватели, чьи детские, юношеские годы прошли на территории, оккупированной фашистской Германией. Они — свидетели чудовищных преступлений режима, установленного гитлеровцами. Им досталось трудное детство. После освобождения захваченной территории они, несмотря на детский возраст, наряду со взрослыми трудились: кто в колхозе, кто на фабрике, заводе, участвуя в восстановлении народного хозяйства. За свой труд они удостоены правительственной награды — медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

Их воспоминания, на наш взгляд, могут дополнить представления о войне, ее целях, фашизме, о борьбе советского народа против этого общечеловеческого зла.

Начнем с того, что уже летом 1940 г. в час военного триумфа Германии, когда почти вся Европа лежала у ног победителей, Гитлер в разговоре с фельдмаршалом Г. фон Рундштедтом так сформулировал основную задачу своей жизни: «Рассчитаться с большевизмом».

Уже 30 июня 1940 г. начальник генштаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Мысль Гитлера. Основное внимание — на Восток». Позже, 31 июля он снова запишет слова фюрера: «Чем быстрее мы разгромим Россию, тем лучше. Операция имеет смысл лишь в том случае, если мы стремительным ударом уничтожим все государство в целом».

С этого момента началась подготовка к нападению на СССР. В конце августа 1940 г. был составлен очередной вариант плана нападения на СССР. В дальнейшем он неоднократно дорабатывался и уточнялся на оперативных совещаниях с участием Гитлера, В. Кейтеля, Б. Браухича, Ф. Гальдера. Последний вариант, предложенный Ф. Паулюсом как директива № 21 верховного главнокомандования вооруженных сил, получил условное название «План «Барбаросса», был подписан Гитлером.

Документ требовал все приготовления начать немедленно и закончить к 15 мая 1941 г.

Одновременно с военным планом был разработан план «Ост», который предусматривал создание на территории оккупированного СССР четырех рейсхкомиссариатов — «Остланд», «Украина», «Москва», «Кавказ». За три месяца до войны Гитлер заявил, что война против России — это не обычная война. «Мы должны уничтожить население. Это входит в нашу миссию... Нам придется развивать технику уничтожения населения». В соответствии с планом «Ост» предполагалось за 25 — 30 лет уничтожить 120 — 140 миллионов людей. В мае Гитлер подписал приказ об окончательном сроке нападения — 22 июня. 21 июня в войска был передан условный сигнал «Дортмунд», что означал начало наступления (Житомирщина. Исторический очерк. Житомир: Полісся. 2003. С. 151–152).

22 июня огромная военная сила фашистской Германии двинулась на СССР. Несмотря на многочисленные факты массового героизма бойцов и командиров, Красная Армия отступала. За три недели боев из 170 дивизий действующей армии

на советско-германском фронте боеспособность сохранили только 70. Враг продвинулся в южном направлении на 600 км и вышел на подступы к Киеву и Одессе. А через 5 месяцев войны врагу удалось захватить территорию, которая превышала 1,5 миллиона квадратных километра, на которой перед войной проживало 74,5 миллиона человек.

Что же представляла собой жизнь на оккупированной территории? Согласно генеральному плану «Ост», разработанному под руководством Гимmlера, предусматривалось онемечивание Польши, Балтии, Белоруссии, Украины и значительной части европейской России. Имелась ввиду ликвидация существенной части населения (в частности, в Западной Украине — 65%) и онемечивание тех, кто подходил по расовым стандартам. На плодородных украинских черноземах колонизаторы намеревались разместить после войны помещичьи и фермерские хозяйства ветеранов вермахта — офицеров и солдат (Гусев В.И., Калинин Ю.О., Кульчицкий С.В. История Украины. За ред. С.В. Кульчицкого. Київ, 2003. — С. 283).

Немцы установили на оккупированных территориях жестокий режим. Оккупационные гарнизоны превратились в армию грабителей, садистов, убийц.

С самого начала немецкая политика была оккупационной и имела колонизаторский характер. Земли были разделены по заранее разработанным планам.

После захвата Киева нацисты осуществили исключительную даже для их террористической практики операцию по уничтожению в урочище Бабий Яр десятков тысяч евреев. Из 6 миллионов евреев, уничтоженных в разных странах, более 1 млн. составили советские евреи, в основном на территории Украины и Белоруссии.

Нечеловеческим было отношение к советским военнопленным. Общее количество красноармейцев, что оказались в руках немцев до мая 1944 г., составляло 5,8 млн. человек. Нацисты удерживали пленных в лагерях смерти, где они умирали от голода, холода, болезней. Только на территории Украины было создано 230 лагерей, в которых погибло 1,4 млн. воен-

нопленных (Гусев В.И., Калинин Ю.О., Кульчицкий С.В. История Украины. За ред. С.В. Кульчицкого. — Київ. 2003. С. 283–284).

Особое внимание уделялось фашистами формированию нового поколения, новой идеологии, выращиванию новой расы, не знающей жалости к людям.

«Времена сентиментальности прошли, — писал один из главных фашистских идеологов писатель Ханс Йост. — Тот, кто проявляет мягкость, уже пронзен кинжалом ненависти. Должна заговорить исконно здоровая кровь, пробудиться расовое сознание».

Что имел ввиду главный писатель Третьего рейха? Перед расстрелом детей эсэсовцам объясняли:

– Дети не враги. Врагом Германии является кровь, которая в них течет. Когда они вырастут, то станут опасными для нашей страны. Вот почему дети тоже должны быть уничтожены.

Но эти взгляды нужно было прививать. Для этого в Третьем рейхе создали целую систему воспитания молодежи.

Расовой судьбой одним predeterminedено управлять миром, другим исчезнуть с лица земли, провозгласил Гитлер. Все, в ком течет чужая кровь, даже младенцы, должны быть уничтожены, чтобы освободить жизненное пространство для носителей арийской крови. Идеалом был высокий стройный человек с длинным черепом и узкой головой, светлыми волосами и голубыми глазами. Генрих Гиммер мало соответствовал собственному идеалу. Особенно ему не нравилось его лицо — широкое и круглое. Он выбривал голову с боков, чтобы череп казался более узким.

В созданной им школе для высшего командного состава СС он сам отбирал слушателей и столь же внимательно изучал их будущих жен. Невесты членов СС проходили такое же серьезное обследование. Гиммер сам изучал их анкеты, определял расовые характеристики. И если фотографии не нравились, он запрещал своим подчиненным жениться.

Надо было также представить и так называемый Ahnenpass («Паспорт предков»). В этой книжечке была указана вся родословная начиная с 1750 года. Наличие хотя бы одного предка, сомнительного с точки зрения происхождения, ставило крест на карьере (Млечин Леонид. Зов рейха // Новая газета. 2015. 29 апр. С. 20).

Так формировалась новая «раса» убийц, которая, рвалась к господству на территории СССР, как, в прочем и во многих других странах.

Ниже приводятся воспоминания ветеранов, находившихся в годы своего детства на оккупированной немцами территории.

Иван Иосифович Осинский

Когда началась война мне не было еще и восьми лет. Наша семья жила в селе Болярка, что на Житомирщине (Украина). Кстати, сел с таким названием только в Житомирской области восемь. И никто не знает, что означает это название. В 1941 г. в Болярке было 206 дворов, проживало 690 человек. Село не отличалось богатой историей. Было основано в 1894 г. Жили в основном поляки. Через него прошли две войны: одна первая мировая, вторая — война с белополяками. Следы первой — глубокие, длинные окопы сохранялись еще многие годы. В них прятались, играя в войну, подростки. В 30-е годы жители Болярки не торопились вступать в колхозы. За это и за то, что некоторые были более состоятельными, десятки семей оказались, кто в Николаевской области, кто в Казахстане, а кто-то и на Колыме. Но прихода немцев боялись все. А разговоры о том, что будет война, по деревне ходили все больше и больше. Особенно после того, как где-то недалеко от деревни во ржи, по рассказам очевидцев, поймали немецкого парашютиста. Правда, после этого случая нам родители строго-настрого запретили уходить далеко от дома. А если, дескать, увидите незнакомого человека, то сразу же сообщите в сельсовет или кому-то из взрослых жителей села. И мы хоть и боялись такой

встречи, но смотрели в оба, каждому хотелось «поймать» шпиона. И все же война пришла к нам неожиданно. 22 июня утром мы слышали гул самолетов. Самолетов было много. Они летели на большой высоте несколько в стороне от деревни, в направлении Житомира. Вся деревня была на улице. Люди с испугом смотрели в небо. В то утро упали первые бомбы на Житомир, Киев, Бердичев, Коростень, Новоград-Волынский. Было видно, как самолеты один за другим с большой высоты резко снижались, и через некоторое время раздавался глухой взрыв. Это, как стало потом известно, фашисты бомбили Новоград-Волынский (30 километров от нашей деревни), мост через реку Случь, электростанцию... А ночью в той стороне было видно темно-красное зарево, занимавшее почти полнеба. Так началась война. Люди со страхом спрашивали друг друга: «Что будет дальше?».

Вскоре в деревне появились немцы. Они ехали по дороге на мотоциклах, не обращая ни на кого внимания, в сторону районного центра Емильчино.

Несмотря на запреты родителей не подходить к окну, я все же, спрятавшись за цветами, стоявшими на подоконнике, успел разглядеть как они, сидя по три человека на мотоцикле, ехали по пыльной дороге. Все в железных касках, в темно-зеленых френчах с оружием.

Житомирщина встретила фашистов с оружием в руках. В каждом городе и в ряде сел шли ожесточенные бои. Некоторые населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Например, небольшой город Малин четыре раза немцы брали, и почти столько же раз им приходилось его оставлять.

Спустя много лет маршал Г.К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» (т. 2. М., 1988. С. 41) напишет: «4 июля немецкие войска подошли к Новоград-Волынскому укрепленному району, где их атаки были отбиты с большими для них потерями...».

Бои в районе Бердичев — Житомир, начавшиеся 9 июля, продолжались до 26 июля. Неся большие потери и опасаясь удара с севера во фланг своей главной группировки, командо-

вание группы немецких армий «Юг» приостановило свое наступление в районе Житомира».

Благодаря мужеству воинов, добровольцев Житомирщины враг на сравнительно небольшой по территории области был задержан до 21 августа 1941 г.

А потом почти 28 месяцев область находилась под гитлеровской оккупацией. На оккупированной территории захватчики установили неслыханный режим террора, насилия и грабежа. В области не было ни одного города и села, где бы не пытали и не убивали советских людей. Еще шли бои на территории района, а в Болярку приходили вести одна страшнее другой. Села здесь находятся недалеко друг от друга. В районном центре Емильчино в день его захвата немцы расстреляли около 200 военнопленных, а также детей еврейской средней школы. В первый день оккупации Овруча (28.08.1941) фашисты расстреляли 500 человек. Несколько дней спустя в селе Варваровка было расстреляно около тысячи человек. Сразу же после захвата немцами Бердичева на центральном его рынке и близлежащих улицах было устроено гетто, куда собрали большинство еврейского населения города. В августе была расстреляна первая группа стариков, женщин и детей (около 2 тыс. человек). Детей иногда не расстреливали, а бросали в яму живыми. Потом были другие... Всего в этом городе за годы оккупации гитлеровцы уничтожили около 30 тыс. его жителей, почти каждого второго.

Массовые расстрелы стали обыденным явлением. Их было очень много. Кроме того, фашисты повсеместно сжигали дома, а то и целые деревни. В апреле 1943 г. мы были свидетелями того, как горело соседнее с Боляркой село Великая Цвиля. За сопротивление оккупантам. Они сожгли всю деревню — 243 дома, в которых проживало 1064 человека, 17 жителей были убиты. Остались в селе только 2 строения — церковь и рядом с ней школа. Некогда цветущая деревня, имеющая почти 300-летнюю историю, вмиг превратилась в пепелище. Люди жили в землянках. Не было одежды, продуктов. Нередко сжигали дома вместе с их жильцами. В 1942 г. в с.

Болярка была сожжена семья партизана А.И. Конопацкого. Немцам каким-то образом стало известно, что он в тот момент находился дома. Правда, сам хозяин, увидев приближение немцев, сумел спрыгнуть с чердака и убежать по снегу босиком, добро до леса было недалеко, километра полтора, а жена и дети, включая малых детей, остались дома. Они были закрыты в сарае и сожжены. Моя мама долго плакала (они приходились нам родственниками). Жители села тяжело пережили эту трагедию. Сегодня на том месте стоит большой деревянный крест. Горели дома в селе и после этого случая. В целом в Емильчинском районе из 42 населенных пунктов частично уцелело только семь. Остальные (35!) немцы превратили в пепелища.

Всего за годы оккупации на Житомирщине погибло около 147 тыс. военнопленных, замучено и расстреляно 170,5 тыс. мирных граждан, было повешено 220 человек, погибли от пыток 713 человек (Житомирщина. Историчный нарис. Житомир, 2003. — С. 159). Таковы официальные данные. Такова страшная цена войны. Но она далеко неполная.

Нелегкой была доля тех, кто остался живым на оккупированной территории. Они должны были выполнять тяжелую трудовую повинность. Рабочий день, даже на вредных производствах, составлял 14–16 часов в сутки. Тех, кто отказывался от работы, отправляли в тюрьмы или на виселицы.

«Я выжму из этой страны даже последнюю каплю, — заявил имперский комиссар Украины Кох в публичном выступлении в Киеве. — Я не пришел сюда, чтобы раздавать благословения». Как «выжималась» из населения последняя капля, можно увидеть на примере села Каменка Емильчинского района (обобщенных данных по своему селу автор не нашел). Население этого села в 1942 г. должно было сдать оккупантам 75 голов скота, 4 460 кг мяса (из них 100 кг свинины), 84 600 литров молока. А в селе после предыдущего «выжимания» на 138 хозяйств осталось только 69 коров, 27 лошадей и одна свинья. Селян также обязали отдать немецкой армии 7 200 пудов зерна, весь урожай капусты, свеклы, огурцов, моркови.

Кроме того, каждое хозяйство было обложено податями: с хозяйства 400 руб., с человека — 100 руб., «за освобождение» — 50 руб., за собаку — 150 руб., за кошку — 100 руб. (Житомирщина. Историчний нарис. Житомир, 2003. — С. 160).

Неплательщиков жестоко наказывали, вплоть до расстрела. Часто сбор податей носил форму карательных операций. Немцы нередко брали с собой овчарок, которые бросались на людей. Мы, дети, прятались, кто куда мог.

Тяжелым испытанием для жителей было отправление их, особенно молодежи, в Германию. Чтобы обеспечить необходимое количество рабов, оккупационные власти рассылали в каждую управу твердую разнарядку на рабочую силу. Когда же выполнение требований срывалось, фашисты начинали настоящую охоту на людей — хватали их на улицах, базарах, в домах, проводили карательные экспедиции против целых сел. Собранных насильственно людей отправляли под конвоем в Германию. Среди них немало было несовершеннолетних. Во время таких экспедиций моя мама заставляла меня лезть на печь, а сама объясняла, что я уже давно болею, да и лет мне совсем мало. Хотя мне в ту пору было 9 — 10 лет, но ростом я был выше мальчишек своего возраста. К сожалению, многие же из односельчан были увезены в Германию. Всего же из Житомирщины в Германию, другие страны было отправлено более 75 тысяч юношей и девушек. Будучи лет 7 назад в Болгарке, я встретился с одной из этих несовершеннолетних Шишкиной Еленой Ивановной, увезенной в 1942 г. в Австрию. При нашей встрече ей было более 80 лет. Но она всё до деталей помнила, как их постригли наголо, как погрузили в товарные вагоны, везли. Спали на нарах. Сидели под замком. Открывали дверь только тогда, когда была нужда в туалете. При этом двое немцев держали девушек за руки, чтобы не могли спрыгнуть с идущего на ходу поезда. Туалетом была улица. «Легкую» же нужду справляли непосредственно в вагоне (заметим, что сие бытовое изобретение — дело рук самой культурной европейской нации). На всю жизнь Елене Ивановне запомнился непосильный труд, постоянное чувство го-

лода, высокомерие, унижающие человеческое достоинство оскорбления. Нас там, говорит она, считали людьми низшей расы. Нередко остарбайтеров доводили до отчаяния и самоубийства. Гитлер на совещании эсэсовских генералов в Познани в связи с этим заявил: «Будут ли эти люди жить, или будут умирать голодной смертью, меня это интересует лишь столько, сколько мы чувствуем потребность в них, как в рабах».

Не меньше издевательств люди терпели от бандеровцев. По жестокости они не уступали фашистам, особенно за связь с партизанами, независимо от того были это поляки или украинцы. Однажды группа бандеровцев, представившись партизанами, якобы отставшими от своего отряда, попросила помочь найти «свой» отряд. Двое сельчан, ничего не подозревая, вызвались показать дорогу. Они знали, где находились партизаны. Когда же поняли, с кем имеют дело, то отказались вести. Здесь же подверглись страшным пыткам, были замучены. Растерзанные тела были брошены в канаву за селом.

Запомнился мне такой случай. Пришла в село большая группа бандеровцев. Часть из них разместилась в нашем доме. Мать с 6 — летней дочерью (моей сестрой), как и многие жители, сумели убежать в лес. Мы с отцом не смогли. Я днем пас свою корову, и отец вынужден был ждать моего возвращения. Я был свидетелем, как пьяные, озверевшие бандиты били отца, прижатого к стене, поджигали бороду, тыкали в лицо горящими папиросами. В заключение их главарь, обращаясь к другому бандиту, показал на нож и отца, сказал: «Надо». Правда, в разгаре было застолье, шумно пили самогон, и внимание переключилось на что-то другое. Везде стояли караульные. Я же все ночь сидел у окна. Твердо решил: если кто-то ко мне приблизится — разобью стекло, выпрыгну и спрячусь за домом в кустах. Потом отец мне говорил, что я все время твердил: «Папа, я буду убежать». Под утро бандеровцы быстро собрались и уехали. Вернулась со слезами и мама с сестренкой. К сожалению, подобные примеры не единичны.

С бандеровцами нашей семье, родственникам приходилось встречаться не один раз. Как-то глубокой ночью к нам постучали в окно. Оказалось, что это племянник отца, Осинский Франц Станиславович. Он накануне войны окончил Киевский университет или пединститут (не помню точно) и сейчас, будучи сброшенным с парашютом, в качестве командира направлялся в Западную Украину для организации партизанского отряда, цель которого — борьба с бандеровцами и фашистами, он был у нас недолго, может с полчаса. После его ухода, мама нам сказала, чтобы мы об этом никому не говорили. Потом по прошествии какого-то времени его родители нам рассказывали, что партизанский отряд был им создан, который с полгода громил и немцев и бандеровцев. К сожалению, в одном из боев отряд был уничтожен бандеровцами. В Западной Украине их было много. Тело Франца Станиславовича, изрезанное на куски, местные жители там же и захоронили. После войны останки были перевезены в родные места. Почти в одно время с гибелью Франца Станиславовича на фронте был тяжело ранен в голову его брат тоже офицер Советской Армии Иосиф Станиславович. Умер в госпитале. Такие вести тяжело воспринимали в нашей семье. Казалось, что смерть торжествовала везде. Причем она не просто косила, она с невероятной жестокостью уничтожала всё живое, человеческое.

К сожалению, везде были условия для ее черного дела.

Военное время было очень трудным. Оккупированные районы вернулись к натуральному хозяйству. Купить в селе нельзя было ничего. Что-то выменивали за картошку, булку хлеба у заезжих мелких торговцев (например, иголки, нитки, спички). Все продукты питания производили сами. Одежду, обувь — тоже. Выращивали лен, коноплю, потом из них извлекали волокна, последние превращали в нитки. Из ниток делали конопляную и льняную ткань, после покраски которой, шили одежду. Все это требовало много времени, больших физических сил, умения, сноровки.

Население не мирилось с фашистской оккупацией, сопротивлялось, как могло. Иногда люди прятались в лесу. Леса немцы боялись. Там были вырыты землянки, которые хорошо маскировались. Мы, подростки, носили ветки, траву для маскировки, ведрами относили свежую землю. Бывало, нас просили сходить в село, посчитать количество немецких машин, запомнить места их стоянки... При этом давали нам корзины — будто бы мы грибники или ягодники. Но это случалось нечасто. Как правило, обходились без нас. К тому же люди уходили в лес по мере приближавшихся каких-то серьезных неприятных акций со стороны немцев. Часть жителей, главным образом мужчины, ушли в партизаны, некоторые, находясь дома, помогали народным мстителям.

В 1942 г. ушел в партизаны и отец. Первые две-три недели приходили от него кое-какие вести, а потом наступило продолжительное молчание. Через людей из соседних сел, мы узнали, что он в составе партизанского отряда перешел линию фронта и воюет в кадровой армии. Спустя некоторое время вдруг от его сослуживцев-земляков приходит известие, что отец погиб (якобы видели своими глазами). Вскоре получили и похоронку. Это была страшная для нас весть. Мама устроила поминки. Все село выражало сочувствие, поддержку. Правда, была тревога, опасение, как бы кто-то случайно не проговорился, что муж Осинской Е.А. был в партизанах, потом в армии. Чтобы себя как-то обезопасить, в первое время мы — мама, сестренка и я — брали с собой постель и шли ночевать куда-то недалеко от дома, в канавы, кусты, иногда к родственнице-соседке. Ночи были холодные. Потом стали ночевать дома. Будь что будет. Иногда маме приходилось отвечать на вопрос представителей управы, немцев: «Где муж?». Однажды я слышал, что она ответила: «Его арестовали еще до войны». Фашистов вроде удовлетворял такой ответ.

Забегая вперед, отмечу, что, к счастью, случилось почти невероятное. Через год с небольшим почтальон приносит маленький солдатский треугольник — письмо от отца. Сколько было радости, слез. Вечером вся деревня была у нас. Радова-

лись все. Отец же в одном из боев в Польше попал в плен. Через некоторое время удалось бежать. После проверок снова — на фронт. Оттуда и пришло письмо.

Многие жители Житомирской области по-прежнему находились в рядах народных мстителей.

Житомирщина — край партизан. В 1941 — 1945 гг. в рядах партизан побывало до 60 тыс. бойцов, из них 70% составляли жители области. Почти 19 тыс. житомирян по собственному желанию помогали партизанам бить врага. Многонациональным был состав народных мстителей: 64% из них составляли украинцы, почти 17% — русские, 7% — белорусы, почти 5% — поляки, около 2% — евреи, остальные представители 46 национальностей. Во главе партизанских отрядов стояли такие известные руководители как С.А. Ковпак, С.В. Руднев, О.Ф. Федоров, О.М. Сабуров и др. Была развита сеть подполья. Ее основу составляли партийные и молодежные подпольные центры и группы. При приближении советских войск, освобождающих Житомирщину, партизанские соединения активно взаимодействовали с войсками при освобождении ее городов и сёл.

Освобождали же Полесье войска Первого Украинского фронта. В его составе находились и воины из Бурятии. Одним из тех, кто участвовал в боях за Житомир, Бердичев был рядовой Никифор Петрович Егунов, будущий известный историк, доктор исторических наук, профессор Бурятского пединститута. Позже Никифор Петрович с болью рассказывал: везде на Житомирщине видел страшно разрушенные, сожженные города и села, измученных, почерневших от горя людей; и отчаянное сопротивление врага.

3 января 1944 г. была освобождена и Болярка. Правда, при наступлении наших войск она была подвергнута артиллерийскому обстрелу. Наступавшие части считали, что в селе еще находятся фашисты. На самом же деле за несколько часов до обстрела они оставили село. Во время обстрела снаряд попал в наш дом, была убита корова. Снаряд разорвался примерно в пяти метрах от того места, где прятались мы. Командир

наступавшей части извинился, предложил сдать мясо коровы воинской части, а нам была дана справка для освобождения от соответствующего налога. Гибель коровы в то время была серьезной потерей для семьи. Кроме того, нужно было заниматься и восстановлением разрушенной части дома. Мама была в отчаянии: «Дети уйдем из этого дома. Он отмечен печатью горя и страданий». Стали собирать в дорогу вещи. Пришла соседка: «Ну, куда вы пойдете? Кто и где вас ждет? Пойдем лучше к нам». Я тоже стал говорить о том, что надо оставаться дома. Мама успокоилась...

Несмотря на это все радовались победе. С сочувствием вглядывались в уставшие лица солдат, своих освободителей. Они все были такими родными, близкими. Каждому из встречающих хотелось узнать, не слышали ли они что-то о солдатах из Болярки. Кто-то спрашивал об отце, кто-то о муже, сыне, брате... Ведь письма с фронта на оккупированную территорию не приходили.

Бои на Житомирщине были тяжелыми. За мужество, проявленное при освобождении этой области, 75 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза. Такое же звание было присвоено 90 уроженцам Житомирщины, воевавшим на территории других советских республик и европейских стран. Победа в Великой Отечественной войне — это подвиг всего советского народа, всех его наций и народностей.

На местах боев, могилах воинов, партизан Житомирщины сегодня стоят 667 скульптурных памятников, 749 гранитных обелисков, лежат 3027 каменно-бетонных и могильных плит. Около 40 тысяч имен погибших, выбиты на мемориалах, плитах, обелисках. Среди этих имен есть русские, украинцы, белорусы, буряты, татары, казахи, грузины, якуты, узбеки... Обязанность всех живых — помнить о них.

В освобожденных городах, селах сразу же начинались работы по их возрождению. В селах создавались колхозы, совхозы, МТС. Людей было мало. Работали одни женщины и подростки. Помню. Первым из жителей села, кто вернулся с фронта был немец Альберт (фамилию не помню). Он в боях с

фашистами лишился полностью одной ноги. С трудом передвигался на костылях. Несмотря на это, он тоже работал и никому не отказывал в помощи. Никаких тракторов, сельхозмашин не было. Не хватало даже таких орудий как серпы и косы. Лошади, если где-то и были, то страшно похудевшие, обессиленные. Для обработки полей привлекались коровы из личных хозяйств, нередко землю копали лопатами. Работая на полях, мы часто натыкались на снаряды, мины. Во время отступления немцы возле села поставили противотанковые мины. Видимо ожидали наступления на этом направлении наших танков. Для сбора и уничтожения мин, снарядов привлекались добровольцы, которых срочно обучали делу разминирования. Судя по архивам, весной 1944 г. они собрали по области и передали на военные склады 340 тыс. мин, снарядов, авиабомб. Кроме того, почти 415 тыс. взрыво-небезопасных зарядов было подорвано. Были случаи, когда из-за неосторожности, любопытства погибали или становились инвалидами дети. Они иногда приносили найденные опасные вещи домой, прятали от родителей, а бывало и сами мастерили далеко не детские игрушки.

По мере изгнания немцев начинались занятия в школах. После уроков шли в поле и вместе со взрослыми пахали землю, сеяли, сажали, затем убирали урожай, косили сено, молотили зерно... Для меня самой трудной работой была прополка льна. Льна сеяли в колхозе много. Маленькие, тонкие стебельки льна быстро зарастали травой. Надо было эту траву постоянно вырывать, не повредив стебельков льна. Все время нужно было ходить с согнутой спиной. Трудились допоздна. Вечером болели спина, ноги, руки. Сами заготавливали в лесу дрова и их транспортировали домой. Работы всегда было много и в колхозе и дома. Старались не отставать от взрослых. Да, собственно мы и сами чувствовали себя взрослыми. В последующем многие из нас были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.».

После войны работал, служил в армии в Забайкалье. Окончил БГПИ, аспирантуру в МГУ, защитил в Москве кандидат-

скую и докторскую диссертации по философии. Профессор. Заслуженный деятель науки РФ и РБ, академик МАН ВШ.

Валентина Николаевна Краснопевцева

В своих воспоминаниях о своем детстве и молодости в военные и послевоенные годы Валентина Николаевна пишет: «Как многие мои сверстники-пенсионеры, я принадлежу к поколению детей войны. Мое раннее детство прошло в рабочем поселке Молочное, Вологодской области, где я родилась в июне 1933 г. Мой отец, закончив аспирантуру, работал там в институте, а мать была учительницей младших классов в одной из школ. В 1940 г. отца направили на работу в учительский институт города Старый Оскол. Так в самый канун войны мы оказались на юге нашей страны, где впоследствии шли тяжелые бои с фашистами.

Когда я вспоминаю о своем военном детстве, у меня перед глазами возникает небольшая скульптурная группа немецкой художницы и скульптора Кэте Кольвиц: сидящая мать нежно и крепко обнимает прижавшихся к ней детей, наклонившись к ним и как бы защищая их от бед и напастей. Вот так же защищала меня с братом наша мама, храбрая и самоотверженная женщина. В Старом Осколе я пошла в первый класс, а брату было всего четыре года, с нами еще жила бабушка — мама отца. И вот в нашу счастливую, спокойную жизнь воорвалась война тревожными сводками Совинформбюро, гудками сирен противовоздушной обороны (пока еще учебными), строительством окопов и бомбоубежищ. Мы, дети, в самом начале не воспринимали все это всерьез. Но вскоре начались бомбардировки, голод и холод, пожары. Фронт приближался. Отец был призван в ополчение, мы же не успели эвакуироваться, и остались дома. Бомбежки участились, и почти каждую ночь мы бегали, спасаясь, то в окоп, то в подвал близлежащей церкви, то в какое-нибудь бомбоубежище. Однажды мама увела нас с братом к своей подруге-учительнице, дом которой стоял далеко за городом, посреди картофельного по-

ля, и не должен был бы, казалось, привлечь внимание фашистских бомбардировщиков. Туда же прибежали спасаться еще несколько семей и один сильно контуженый солдат. Ночью началась бомбардировка, от которой дом то и дело вздрагивал. Мама обхватила нас с братом, прижала к себе и сказала: «Если погибнуть, так всем вместе». Мы долго с ужасом прислушивались к реву самолетов, свисту падающих бомб и грохоту разрывов. Утром насчитали девять воронок вокруг дома — а думали, что будем здесь в безопасности. Мы вернулись домой, и первое, что увидели, были развалины нашего жилища, разрушенного прямым попаданием бомбы. Наша бабушка, которая не пошла с нами за город и пряталась в окопе во дворе, была ранена (ей перебило руку осколком). Мама собрала из вещей то, что осталось, и мы поселились у соседей. В город вошли немцы и их союзники — румыны и венгры. Нам пришлось несколько раз менять место жительства, а затем мама и все мы ушли в деревню Каплино к знакомым. Когда наши войска перешли в наступление, эта деревня не раз переходила из рук в руки и подвергалась артиллерийскому обстрелу. Наша мама опять металась из подвала в подвал, из дома в дом, спасая нас. В одном из этих домов лежала девушка, убитая шальной пулей, влетевшей в окно. Но вот фашисты отступили, и сколько было радости, когда мы увидели наших бойцов! У нас не было тогда ни жилья, ни одежды, хлеб выдавали по карточкам, но мы уже знали, что война близится к концу и мы победим. И победа пришла.

Нужно сказать, что первые послевоенные годы были для нашего народа также тяжелым испытанием: экономика страны была подорвана войной, к тому же разразилась жестокая засуха, приведшая к повсеместному голоду и смерти многих людей. По улицам нашего города ходили страшные, опухшие от голода и недоедания люди, едва передвигая ноги. На берегах реки Оскол лежали кучи пустых раковин от речных моллюсков: люди вытаскивали их из реки и съедали, многие болели после того. Хлеб, как и везде, выдавался по карточкам, и было его совсем немного. В этот период нашу семью спасло

то, что папа защитил кандидатскую диссертацию, и ему, как и другим ученым, назначили продуктовый паек: говяжьи кости, из которых получался наваристый бульон, и рыбное филе.

Я продолжала учебу в школе, и там были также свои трудности: ученики писали в самодельных тетрадах из оберточной бумаги разными чернилами, учебников не хватало, мы одевались и обувались, кто как мог. Но это не влияло на наше состояние духа, мы были веселы и озорничали, как все дети. О нас в школе заботились: на завтрак мы получали по кусочку свежего белого хлеба с двумя чайными ложками сахарного песка. Это было такое лакомство! На Новый год в школе всегда устраивали елку силами школьного руководства и родителей с незатейливыми подарками для учеников. Когда наш класс оканчивал начальную школу, мы смогли подарить нашей доброй учительнице Серафиме Михайловне только кусок хозяйственного мыла и хлопчатобумажные чулки.

Но мы не чувствовали себя бедными и обездоленным. Над нами больше не довлел страх бомбежек и обстрелов, к нам пришло ощущение перемен к лучшему и надежда на будущую светлую жизнь. Этому ощущению во многом способствовали прекрасные книги, которые тогда начали издаваться, например «Два капитана» В.Каверина, радиопередачи «Клуб знаменитых капитанов» и, фильмы «Тимур и его команда», «В шесть часов вечера после войны», «Небесный тихоход», «Каменный цветок» и многие другие. Кино тогда было нашим главным развлечением.

Но эхо войны время от времени давало о себе знать. Нескольких наших сверстников подорвалось на минах и снарядах, оставшихся после войны. Наша мама, невзирая на опасность, не раз ходила в ближний лес, чтобы нарвать там дичков — груш и яблок — для нашего питания. Она вернулась в город из деревни раньше, чем мы с братом и бабушкой, чтобы найти жильё. Город лежал в руинах, целые улицы состояли из разрушенных и сожженных жилых зданий: школ, детских садов, медицинских учреждений и др. Вернулся и папа, и родители с трудом нашли знакомую семью, которая согласилась нас на

время приютить. Нам пришлось пять раз сменить квартиру, прежде чем был куплен в 1950 г. небольшой старый домик (родители тогда уже работали по специальности).

В 1951 г., окончив школу, я поступила в Первый Московский государственный институт иностранных языков. Приехав в столицу в первый раз, я была поражена простором и красотой ее улиц, площадей и парков, роскошным оформлением московского метро. Учеба в институте была для меня, провинциальной девушки, довольно трудной, но увлекательной. Практику речи нам преподавали М.К. Бородулина, В.А. Соловьян, А.А. Штейн, которые незадолго до этого работали переводчицами на фронтах Великой Отечественной войны и рассказывали нам много интересного. Лекции по теоретическим дисциплинам читали тогда еще молодые, но уже известные в научном мире профессора и доценты М.Д. Степанова, О.И. Москальская, И.И. Чернышева и др. Нашими преподавателями были и носители языка — немцы и австрийцы. Одной из них была профессор, доктор наук Э.Г. Ризель, которая эмигрировала вместе с мужем из Австрии, спасаясь от фашистского террора. Ее любили студенты, так как она была прекрасным лектором и простым, обаятельным человеком. Ее перу принадлежат многочисленные работы по немецкой стилистике.

Как и все студенты того времени, мы участвовали в самодеятельности, выпускали стенгазету, устраивали вечеринки и ходили в московские театры, ездили убирать картошку в подмосковный совхоз. Были среди студентов и свои «звезды», которых знал каждый: Светлана Жильцова, которая вела почти все институтские вечера и читала отрывки из классики, Павел Грушко, известный сейчас как поэт и переводчик, Игорь Можейко — будущий писатель-фантаст под псевдонимом Кир Булычев. Профком института часто устраивал встречи со знаменитыми людьми того времени, чтобы расширить студенческий кругозор. Это были чемпион мира по шахматам В. Смыслов, очень популярный тогда поэт С. Щипачев, археолог и скульптор М. Герасимов, первые создатели элек-

тронно-музыкальных инструментов и многие другие. На институтских торжественных вечерах, проходивших в лучших клубах Москвы, выступали артисты МХАТ А. Тарасова и М. Болдуман, тещ Д. Журавлев, молодая балерина М. Плисецкая и другие кумиры московской публики, поэтому на эти вечера стремились попасть студенты и других московских вузов. На нашем факультете всегда очень тепло встречали немецких писателей, приехавших в Москву, книги которых мы изучали на занятиях. Можно сказать, что студенчество жило полноценной трудовой жизнью.

В 1953 г. учительские институты были закрыты, и отец получил направление на работу в Улан-Удэ на кафедру ботаники БГПИ, где и проработал до 1963 г. Вслед за ним, окончив институт в 1956 г., приехала и я, чтобы преподавать немецкий язык. Бурятия с тех пор стала моей второй родиной» (О времени и о себе... С. 52–55).

Иван Васильевич Будник

Ивана Васильевича война застала на Сумщине когда ему исполнилось 13 лет. Родился он в селе Петровское (бывшее Боголюбово) Тростяницкого района в крестьянской семье. В 1933 г. его место жительства изменилось. Он пишет об этом следующим образом:

«С 1933 г. стал жить в районном центре Тростянец со своей мамой Агафьей Алексеевной Будник после смерти родственников, которые умерли от голода в это страшное время. Там же пошел учиться в среднюю школу им. Т.Г. Шевченко. Испытал на себе все ужасы фашистской оккупации. В январе 1942 г. был повешен мой отчим И.И. Ярошенко, работавший объездчиком. Пострадали мама, дед, досталось и мне. Вместе с председателем колхоза, председателем сельсовета и другими активистами они пытались организовать партизанское сопротивление оккупантам.

Во время первого освобождения Тростянца зимой 1943 г. сталинградцами (так называли себя бойцы) я помогал им как

мог: пилил дрова к походной кухне, носил воду из колодца, иногда даже приходилось возить горячую еду на санках для солдат, стоявших в обороне за околицей городка. Старшина, который относился к детям как отец, научил меня стрелять из карабина, набивать патронами пулеметные ленты, убирать масло с днища танка. Но, к сожалению, наши войска были разбиты, и мы снова оказались в оккупации. Наша местность находилась на Белгородско-Курском направлении, где все лето шли тяжелые бои. После второго и окончательного освобождения Тростянца я стал работать подмастерьем в сапожной мастерской по ремонту обуви для солдат выздоравливающей команды госпиталей. В феврале 1945 г. призвался в армию и прошел курс молодого бойца, но получил отсрочку по причине болезни матери, затем работал и учился. После окончания Киевского танково-технического училища служил в Читинской области, Бурятии, Прибалтике, ГДР, Белоруссии. Женат, у меня трое детей и трое внуков. В БГУ работал с 1976 г. на кафедре теоретической физики лаборантом.

Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда».

Командующие фронтами на завершающем этапе Великой Отечественной войны.
Первый ряд: И. С. Конев, А. М. Василевский, Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков.
Второй ряд: Ф. И. Толбухин, Р. Я. Малиновский, Л. А. Говоров, А. И. Еременко, И. Х. Баграмян

У. Черчилль, Ф. Рузвельт и И. Сталин на Крымской (Ялтинской) конференции

Ветераны Великой Отечественной войны и тыла.

Слева направо, сидят: Н. К. Елаев, Е. Е. Тармаханов, С. А. Тыхеева, Г. А. Дуринова, М. И. Уланова, И. И. Осинский, Т. Е. Карпова, Р. Л. Балдаев, А. А. Дуринов, Н. И. Шабанов, Н. П. Егунов, Ж. С. Сажинов, М. П. Хамаганов.
Стояти: С. Ш. Чагдуров, Л. Л. Итыгилов, В. Н. Обожин, Д. А. Хайдапов, В. И. Загеев, Л. К. Бардонова, А. Г. Гуружапов, ..., А. В. Буинов, П. И. Барганов, А. Г. Ринчино, И. А. Батулдаев, Г. А. Заруцкая, С. Ш. Бадмаев, М. С. Юшина, Ц. Ц. Цыдыпов, Е. Т. Тимофеева, ..., С. А. Теплов, В. Д. Дылгеров.

**Ветераны Великой Отечественной войны и труда.
40-летие Победы. 1985**

Ветераны Бурятского пединститута

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель этой книги показать жизнь, деятельность Бурятского государственного пединститута в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), особенности подготовки специалистов в военное время, раскрыть перестройку учебной, научной, воспитательной работы вуза. Важной задачей был рассказ о ратных подвигах преподавателей, студентов, вспомогательного персонала, их мужестве, стойкости, самоотверженности, проявленных как на фронте, так и в тылу в суровые годы войны.

В деятельности коллектива БГПИ, героизме его воинов, проявленном на фронтах, как в капле воды проявились талант, мужество, преданность своей Родине всего советского народа, всех наций и народностей нашей страны, всех ее поколений. За короткое время огромная страна превратилась в хорошо организованную, единую военную силу, где все было подчинено интересам победы. Каждый человек чувствовал личную ответственность за судьбу Родины. Нельзя не согласиться с Г.К. Жуковым, который писал: «Где бы ни находился советский человек — на фронте, в тылу страны, в тылу врага, в фашистских лагерях, — всюду и везде он делал все от него зависящее, чтобы приблизить час победы» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 344).

Работая над книгой, авторы не ставили своей задачей написать историю БГПИ по всем канонам данной отрасли знаний в годы войны. Это не история в обычном понимании этого слова. Авторам было важно показать участие преподавателей, студентов, советских людей в борьбе против фашизма, их отношение к этому человеконенавистническому явлению. Его античеловеческая природа и звериный облик особенно наглядно проявились на оккупированной Гитлером территории. Осужденный всем человечеством, фашизм не имеет право на свое проявление даже в самых на первый взгляд безобидных формах. К сожалению, он нередко выступает в замаскированной, даже патриотической одежде. Люди должны

проявлять бдительность, утверждать гуманистические ценности как внутри своих стран, так и во взаимоотношениях между государствами.

Через все воспоминания красной нитью проходит крайне негативное отношение к войне. Война, развязанная Гитлером, это — зло, преступление. В войне гибнут люди, ценности, созданные ими. Она несет бедствия, страдания. Войны не должны иметь места в жизни современных обществ. Все вопросы между государствами должны разрешаться мирным путем, на основе договоров. Закон, разум, нравственность должны быть регуляторами в отношениях между государствами. Источником войн в наши дни являются, как правило, господствующие классы, прежде всего, верхушка промышленно-финансового олигархического капитала. Именно они и выражающие их интересы правительства являются организаторами войн.

К сожалению, трудно быть уверенным в возможности исключения войны из жизни современных обществ, поскольку продолжают сохраняться и даже крепнуть источники войн. В результате развала мировой системы социализма, Советского Союза поле империалистических государств существенно расширилось. В лоне империализма рождаются захватнические войны. Он заинтересован в войнах.

Цели современных войн, их смысл и источники В.И. Лениным были раскрыты еще 100 лет тому назад.

В 1914 г. он писал: «Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих, и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны».

На социал-демократию, прежде всего, ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуа-

зией, в защиту войны» (Ленин В.И. Полн. СОБР. Соч. Т. 26. С. 15).

Сегодня эти ленинские мысли столь же актуальны, как и сто лет тому назад. Народы, трудящиеся должны за «патриотическими» лозунгами, словами буржуазных, олигархических правительств, их идеологических наемников видеть подлинные интересы определенных классов. Не они же и не их дети погибают в войне, а трудящиеся и дети трудящихся. Мир — главное достояние государств, народов, людей труда. Не случайно, главным пожеланием в обыденной жизни являются слова «Лишь бы не было войны!».

Вся книга, все воспоминания ветеранов наполнены пафосом дружбы народов, чувством семьи единой, глубоким искренним пониманием основы нашего братства, взаимопомощи, поддержки, особенно в трудное время. Воины, независимо от национальной принадлежности, вероисповедания защищали единую для всех Родину — Советский Союз. Погибали на поле брани за общее дело. Трудились в тылу, во имя общей победы. В совместной борьбе, труде, еще больше крепло единство народов, взаимопонимание, доверие людей разных национальностей. К сожалению, в последующие годы в силу ряда причин это доверие оказалось ослабленным, распался прежний союз народов. В то же время следует подчеркнуть, что наша страна — Россия — по-прежнему многонациональное государство. У всех народов, проживающих на территории Российской Федерации — единая родина, единая судьба. Очень важно, чтобы все граждане берегли и укрепляли наш единый общий российский дом. И жить в мире с другими народами.

И последнее, что хотелось бы отметить, это глубокий патриотизм преподавателей и студентов вуза, как впрочем, всего советского народа, их любовь к своей земле, истории, культуре, всему национальному достоянию, стремление сохранить, защитить его для живущих и будущих поколений. Даже ценой собственной жизни.

Это нашло свое отражение в каждом воспоминании, которое приводится в книге. В этой связи правильным будет сказать, что эта книга — коллективный труд, его соавторами выступают все преподаватели, ценные воспоминания которых вошли в эту книгу, которые помогли воссоздать картину жизнедеятельности Бурятского пединститута, участия его преподавателей и студентов в защите с оружием в руках своего Отечества, в труде во имя победы. Эти воспоминания бесценны. Они отражают дух эпохи, дух чувства людей, живших в это суровое, героическое время.

К сожалению, ветеранов становится все меньше и меньше. Как пророчески писал Г.К. Жуков: «Но я убежден, время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну. Это было необычайно трудное, но очень славное время. Человек, переживший однажды большие испытания и победивший, будет всю жизнь потом черпать силы в этой победе».

Советский полководец обращается к молодежи помнить о великой и жестокой битве, быть глубоким патриотом своей страны, быть последовательным преемником ее славных традиций.

«Я призвал бы нашу молодежь бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Очень нужно изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи и сооружать монументы, не забывать памятные даты и славные имена. Но особенно важно помнить: среди вас живут бывшие солдаты. Относитесь к ним бережно» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3т.-М., 1988. Т.3. С. 342, 348).

Завершая эту книгу, хотелось бы низко поклониться всем ветеранам: и тем, кто сражался на фронтах Великой Отечественной войны, и тем, кто трудился в тылу, обеспечивая всем необходимым фронт и утверждал в обществе жизнь.

Особая признательность тем, которые в тяжелую годину с оружием в руках отстаивали честь и независимость Отечества, кто ежечасно рисковал своей жизнью.

СТИХОТВОРЕНИЯ

И. В. Будник

СТАЛИНГРАДЦЫ

В пятнадцать лет, когда мальчишкам
Милей всего футбол гонять,
Мне в оккупации фашистской
Пришлось всю «прелесть» испытать.

И вот, когда от Сталинграда
К нам докатился мощный шквал,
То все мы испытали радость,
И слез никто не вытирал...

Могу ли позабыть? — Едва ли!
Тот зимний день, тот час, когда
Фашисты в страхе побежали
От наших танков ИС-2!

Когда под вечер на машинах
Пехота в городок вошла,
Тревожа запахом бензина,
И оборону заняла.

Тогда я, помню, подружился
С сорокалетним старшиной,
Я у него стрелять учился,
На кухне помогал порой.

А когда «юнкеры» бомбили,
То в танке прятали меня
Бойцы... И танки полюбил я
С тех пор... Надежная броня!

Так пробежали две недели...
Но был однажды жаркий бой, —
Бойцы из тех, что уцелели,
Ушли от нас порой ночной...

А утром по дороге скользкой
Идут фашистов битюги
И тянут пушки, и повозки
До Курской (как узнал) дуги...

Казалось, ничего не вышло —
Все полетело кувырком...
Но искра тлела: «Фрицам крышка!»
И оправдалось все... Потом.

КУРСКАЯ ДУГА (ОСВОБОЖДЕНИЕ)

Стоял июль... Год сорок третий...
Ревела Курская дуга —
Там в бешенстве, не взвидя света,
Тевтон сломал свои рога...

На «Фердинандах» и «Пантерах»,
А то и просто без колес,
Зажав разорванные нервы,
Зверье в обратный путь неслось...

А за околицей поселка
Смотрел я с утренней зари,
Таясь в подсолнухах высоких,
Как удирают дикари:

В колонне драпавших фашистов
Взметнулись вдруг столбы огня,
То били по врагу танкисты
Во фланги, лесом обойдя...

Вокруг меня все грохотало...
Бежал я полем напрямик
И думал : «Не хватало,
Чтоб погибать мне от своих».

В овраг скатился по дороге,
Взметнулся рядом столб огня,
Осколки — мимо... «Слава богу!»
Он, видно, сохранил меня.

Давно прошли лихие годы...
Но и теперь мне жаль до слез,
Что нашим городок мой с ходу
Освободить не удалось.

Виной тому речные мели,
Где враг сумел мосты взорвать...
И нам пришлось еще неделю
В руках у палачей страдать.

Но вот однажды докатилось
Родное русское «Ура!».
И сердце радостно забилося:
Погнали нечисть до Днепра!

Война все дальше отступала,
И с нею — голод, холод, страх.
А мне же работать предстояло
В прифронтовых госпиталях.

МИР В ЛАДОНИ СОЛДАТА

Мир и благость, покой, тишина...
Суть гармонии свыше дана.
Если враг пришел в дом с топором,
Стань солдатом, иди напролом!

Если враг страны счастья родной
Мир гармонии рушит войной,
Сердце, кровь, свою жизнь отдаешь,
Словно феникс, из руин восстаешь.

У войны лицо матери той,
Что дала тебе жизнь. Встань же в строй!
Жизнь Отчизны самой на корню
Каждый раз сокрушалась в бою...

У войны лицо брата, отца,
Деда, бабушки и молодца,
Тети милой твоей, жениха.
Ох, косая в делах так лиха!

У войны лицо и ребенка,
Льдинкой тонкой застыла у кромки
Вера в святость рожденья, любовь.
Свет погас, и истлел его кров.

Враг повержен солдатом страны,
Чьим мы подвигом все так горды!
С грозным именем СССР
Щел солдат в бой. Всем гордый пример!

Мир баланса нынче рушится:
Стон войны повсюду слышится,
В Карабахе, Афгане, Чечне
Лик ее будоражит во сне.

Боль солдата — целое море,
Стонет, плачет, зовется горем.
Брат, отец, сосед или сват
Бродит недругом у твоих врат.

Эта правда ужасней той боли,
Что солдата терзала в неволе.
Пуля, нож, динамит, похищенье
Стали знаками современья.

Мир терзают львы — парадоксы:
Чем бледней войны отголоски,
Тем чернее на сердце печаль.
Смерть кладет на героя печать.

Пусть ликует, поет седина!
Этот дар подарила война,
Сердцем молод солдат до конца,
В нем отвага и честь удальца.

В путь последний уходят солдаты,
Взгляд последний дарят внучатам.
Друг героев, скорей поспеши,
Шуткой солнечной их рассмеши!

Дух Победы жив в каждом из вас,
Блеск в глазах, словно яркий алмаз.
Внуки, правнуки, верность храня
Будут нежно любить, все стерпя...

И чем дальше уходит война,
Тем нам ближе, род нее сердца
Тех, кто радость Победы принес,
Мир и счастье в ладони пронес!

Снова в строю герой-победитель,
В мире согласия тоже воитель.
Рад он в служенье добру отдохнуть,
Снова на старте мужества путь!

Слава и честь отважным фронтам!

Слава и честь геройским тылам!
Лишь в содружестве верном, крепком
Той Победы добились редкой!

С.Ш. Чагдуров

НА ПОСТУ

Скоро полночь. Метель. У лощины
Где раскинулся парк боевой,
Охраняя стальные машины,
Неприметный стоит часовой.
Длятся, длятся подолгу минуты,
И ни зги не видать впереди.
Но солдат настрожен и чуток,
И взведен автомат на груди.
Ему Родина здесь приказала
Охранять ее труд и покой

Даже ветер, подувший с Байкала,
Так и кажется, шепчет порой:
«Может, смуглая дочь скотовода
На хранение вручила тебе
Ключ от мира и счастья народа
Завоеванный в трудной борьбе»...
И стоит часовой, не смыкая
Глаз, привыкших смотреть в темноту
И на сердце светло, хоть такая
Непроглядная ночь на посту.

Н. Орлова

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

МОЛОДЫЕ О ВОЙНЕ

Что я скажу, узнавшая
войну
Из книг, рассказов, кинофильмов,
Тем, кто Россию защитил и не одну
Ее от рабства спас.
Ценой какой оплатишь седину,
Виски посеребрившую так рано?
И как вернуть солдат, что не пришли,
Их матерям, их вечно ждущим мамам?...
Как вы смогли все это перенести:
Печали, горечь испытаний?
А разве есть священной в мире честь,
Той, что зовут минутою молчанья...
Нельзя спокойно говорить
о Тане,
Страниц ее листая дневника.
Как же могла в далеком
Ленинграде
Все вынести и выстоять
она?!
А под Москвой, в суровом
сорок первом...
Какие нервы надо бы иметь,
чтоб
Двадцать восемь против
полусотни
Фашистских танков — это
страшно — смерть...
Но выстоять средь скрежета
и рева

Но памятью о прошлом
мы сильны
Земля свои затягивает
раны.
Они уже почти
зарубцевались,
Но вновь и вновь, как в том
июньский день
Суровым, страшным
заклинанием
Война встает над миром
словно тень.
О, люди, вы не дайте ей
спуститься,
Не дайте небо синее
закрывать,
Чтоб с кровью из ручья
воды не пить,
Не слышать плача, стонов,
взрывов,
Не видеть материнских
глаз, в которых
Ужасом немой война
застыла
Как это можно, чтоб
не стало нас?!

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Осинский И.И.</i>).....	3
Глава I. На фронте или Крещение войной (<i>Осинский И.И.</i>)	
1. Начало войны. Призыв в армию.....	7
2. В сражениях под Москвой, Ленинградом.....	15
3. Битва под Сталинградом.....	40
4. Освобождение территории СССР и других стран.....	50
5. Разгром милитаристской Японии.....	80
Глава II. Работа вуза в военное время (<i>Осинский И.И.</i>)	
1. Перестройка деятельности института. Проблемы набора студентов.....	90
2. Изменения в преподавательском составе.....	98
3. Учебно-воспитательная работа. Помощь фронту Наука.....	102
4. Победа. Послевоенные ориентиры.....	122
Глава III. Труд во имя победы (<i>Евдокимова С.В.</i>).....	128
Глава IV. В условиях оккупации (<i>Осинский И.И.</i>).....	196
Заключение (<i>Осинский И.И.</i>).....	217
Стихотворения	221

Научное издание
Иван Иосифович Осинский
Светлана Васильевна Евдокимова

В БИТВЕ РЕШАЛАСЬ СУДЬБА ПОКОЛЕНИЙ

Компьютерная верстка
В. А. Хабудаевой

Свидетельство
о государственной аккредитации
№ 1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 05.05.2015 г.
Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л. 13,36. Уч.-изд. л. 10,05.
Тираж 150. Заказ 105.

Цена договорная

Издательство
Буряцкого госуниверситета,
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии
Издательства Буряцкого
государственного университета
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3 а

ISBN 978-5-9793-0745-9

9 785979 307459

Улан-Удэ
2015